

This is a digital copy of a book that was preserved for generations on library shelves before it was carefully scanned by Google as part of a project to make the world's books discoverable online.

It has survived long enough for the copyright to expire and the book to enter the public domain. A public domain book is one that was never subject to copyright or whose legal copyright term has expired. Whether a book is in the public domain may vary country to country. Public domain books are our gateways to the past, representing a wealth of history, culture and knowledge that's often difficult to discover.

Marks, notations and other marginalia present in the original volume will appear in this file - a reminder of this book's long journey from the publisher to a library and finally to you.

Usage guidelines

Google is proud to partner with libraries to digitize public domain materials and make them widely accessible. Public domain books belong to the public and we are merely their custodians. Nevertheless, this work is expensive, so in order to keep providing this resource, we have taken steps to prevent abuse by commercial parties, including placing technical restrictions on automated querying.

We also ask that you:

- + *Make non-commercial use of the files* We designed Google Book Search for use by individuals, and we request that you use these files for personal, non-commercial purposes.
- + *Refrain from automated querying* Do not send automated queries of any sort to Google's system: If you are conducting research on machine translation, optical character recognition or other areas where access to a large amount of text is helpful, please contact us. We encourage the use of public domain materials for these purposes and may be able to help.
- + *Maintain attribution* The Google "watermark" you see on each file is essential for informing people about this project and helping them find additional materials through Google Book Search. Please do not remove it.
- + *Keep it legal* Whatever your use, remember that you are responsible for ensuring that what you are doing is legal. Do not assume that just because we believe a book is in the public domain for users in the United States, that the work is also in the public domain for users in other countries. Whether a book is still in copyright varies from country to country, and we can't offer guidance on whether any specific use of any specific book is allowed. Please do not assume that a book's appearance in Google Book Search means it can be used in any manner anywhere in the world. Copyright infringement liability can be quite severe.

About Google Book Search

Google's mission is to organize the world's information and to make it universally accessible and useful. Google Book Search helps readers discover the world's books while helping authors and publishers reach new audiences. You can search through the full text of this book on the web at <http://books.google.com/>

ЖУРНАЛЪ
МИНИСТЕРСТВА
НАРОДНАГО ПРОСВѢЩЕНІЯ.

СЕДЬМОЕ ДЕСЯТИЛѢТІЕ
ЧАСТЬ СССХХVІ.

1899.

НОЯВРЬ.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
Типографія „В. С. Балашевъ и К^{ча}. Наб. Фонтанки, 95.
1899.!

СОДЕРЖАНІЕ.

Правительственнымъ распоряженіямъ	3
А. М. Ону. Наказы третьяго сословія во Франціи въ 1789 году. Глава вторая (продолженіе)	1
П. Н. Ардашевъ. Провинціальная администрація во Франціи въ послѣднюю пору стараго порядка. Глава V (продолженіе)	33
Л. В. Рутковскій. Критика методовъ индуктивнаго доказатель- ства (окончаніе)	57

КРИТИКА И БИБЛИОГРАФІЯ.

В. И. Ламанскій. Къ исторіи исправленія книгъ въ Болгаріи въ XIV вѣкѣ. Исслѣдованіе П. Сурку. Томъ I, вып. 1-й. С.-Пб. 1899	103
Н. П. Сочиненія Пушкина. Изданіе Императорской Академіи Наукъ. Приготовилъ и примѣчаніями снабдилъ Леонидъ Майковъ. Томъ первый. С.-Пб. 1899	137
В. А. Тураевъ. Учебникъ исторіи Древняго Востока. Составилъ приватъ-доцентъ исторіи Востока университета св. Вла- димира А. Н. Грегъ. Кіевъ. 1899	147
С. Проф. Д. И. Базалый. Опытъ исторіи Харьковскаго университета (по неизданнымъ матеріаламъ). Т. I. Харьковъ. 1893—1898	154
М. К. Любавскій. Еще о книгѣ г. Ярушевича „Князь Константинъ Ивановичъ Острожскій“	158
— Книжныя новости	172
— Наша учебная литература (разборъ 4 книгъ)	1

ОБВРЕМЕННАЯ ИСТОРИЯ.

— Къ вопросу о педагогической подготовкѣ учителей для ореднихъ учебныхъ заведеній и объ улучшеніи матери- альнаго ихъ положенія (продолженіе)	1
А. И. Загоровскій. О преподаваніи и изученіи гражданскаго права, въ связи съ нѣкоторыми другими, сюда относящимися вопросами	21
Э. Р. Н. Я. Грегъ (некрологъ)	41

ОТДѢЛЪ КЛАССИЧЕСКОЙ ФИЛОЛОГІИ.

А. Г. Векштремъ. Двѣ рукописи Satumomachiae Феодора Про- дрома (окончаніе)	33
В. В. Латышевъ. Къ исторіи Веспорокаго царства. II.	52
Ш. Д. Первовъ. Consecutio temporum въ латинскомъ языкѣ сравнительно съ русскимъ языкомъ	57

ВЪ ПРИЛОЖЕНІИ:

— Указатель статей, помѣщенныхъ въ неофіціальной части Журнала Министерства Народнаго Просвѣщенія за время съ 1867 года по 1891 годъ, лл. 26, 27, 28, 29 и 30 (окончаніе)	413
---	-----

ОБЪЯВЛЕНІЯ.

Редакторъ Э. Радловъ.

(Вышла 1-го ноября).

КРИТИКА И БИБЛИОГРАФІЯ.

Къ исторіи исправленія книгъ въ Болгаріи въ XIV вѣкѣ. Изслѣдованіе П. Сырку. Томъ I, вып. 1-й. Время и жизнь патріарха Евиміа Терновскаго. С.-Пб. Типографія Импер. Академіи Наукъ. 1898. XXXII+609—641, стр. въ 8-ку.

I.

Съ 20—30-хъ годовъ нашего столѣтія, съ первыхъ трудовъ нашихъ славистовъ перваго поколѣнія—Востокова, Калайдовича и венгерца, русскаго родомъ. Юрія Вепелина, возникло, а съ трудами славистовъ втораго поколѣнія—Прейса, Бодянскаго, Срезневскаго и особенно Григоровича прочно у насъ утвердилось всестороннее изученіе болгарскаго языка, письменности, болгарской этнографіи и исторіи. Наиболѣе, конечно, разрабатывались въ русской наукѣ древне-славянскій, то-есть, церковный или древне-болгарскій языкъ, древне-болгарская и средне-болгарская письменность. Съ принятіемъ Русью древне-славянскаго языка въ богослуженіе, она до того себѣ усвоила болгарскую письменность, что послѣдняя какъ бы стала частью древней и старинной русской литературы. И новѣйшіе ея изслѣдователи не могутъ не изучать памятниковъ древней и средней болгарской письменности почти съ тѣмъ же вниманіемъ, какъ и памятники русскіе. Правда, древне-болгарскій языкъ и письменность были также усвоены и сербами. По давнимъ и тѣснымъ сношеніямъ Руси, какъ съ болгарами, такъ и съ сербами, и эта старо-сербская письменность была хорошо знакома старой Руси и одинаково съ болгарскою занимаетъ теперь изслѣдователей нашей старой письменности.

Гораздо меньше сдѣлано русскими изслѣдователями по исторіи и діалектологіи болгарскаго языка и вообще по изученію болгарской

этнографин и археологин, то-есть, живой и мертвой старины. По этимъ отдѣламъ и изслѣдователей у насъ сравнительно было немного. Для такихъ изысканій требовались разъѣзды и путешествія по Болгаріи; въ турецкое время это было трудно, а лѣтъ черезъ пять по освобожденіи Болгаріи наступило правленіе Стамбулова, а по его смерти, его же послѣдователей и товарищей: многимъ русскимъ претило навѣщать Болгарію. Тѣмъ не менѣе и по этимъ отдѣламъ русская наука представляетъ нѣсколько видныхъ трудовъ и болѣе или менѣе замѣчательныхъ попытокъ. Такъ по исторіи и діалектологіи болгарскаго языка должно отмѣтить: путешествіе В. И. Григоровича (1847 года), гдѣ впервые явилась настоящая характеристика живаго болгарскаго языка, его нарѣчій и говоровъ,—еще не изданныя черновые работы Прейса (на основаніи болгарскихъ рукописей Шафарика и Копитара) по исторіи болгарскаго языка, вѣроитно, вышениое Прейсомъ изслѣдованіе Билярскаго о средне-болгарскомъ языкѣ, наконецъ новѣйшіе труды гг. Лаврова и В. Щепкина по исторіи болгарскаго языка и его говоровъ¹⁾. По этнографин и археологин необходимо упомянуть о поѣздкѣ Гильфердинга въ Македонію и статьи о ней въ *Вѣстникъ Евropy*, о сборникахъ народныхъ пѣсенъ Безсонова и Качановскаго, новѣйшія статьи Милюкова (*Русск. Вѣдомости* и *Вѣстн. Евropy*) и Башмакова (*С.-Петербург. Вѣдом.*) объ этомъ же краѣ, недавнія же поѣздки по Македоніи и Болгаріи директора Археологическаго института въ Константинополѣ О. И. Успенскаго съ Милюковымъ и съ проф. Софійскаго университета Златарскимъ по сѣверо-восточной Болгаріи. Отмѣтимъ еще сборникъ покойнаго Истребова (о Дебрскомъ краѣ) съ важнымъ собраннымъ матеріаломъ, но съ неудачными объясненіями и заключеніями, приготовленный къ изданію и доставленный Русскому Геогр. Обществу П. А. Ровинскимъ сборникъ Дебрскій Дѣиновскаго (*Жив. Стар.* 1899); опытъ этнографической карты Македоніи съ статистическими данными объ ея народностяхъ г. Ростковскаго (пока лишь карта Битольскаго вилайэта съ статистическими таблицами) (*Жив. Стар.* 1899), изданіе нашего генеральнаго штаба книги Верколича о Македоніи и монументальное предпріятіе русскаго генер. штаба по составленію и изданію географической карты Болгаріи.

Не мало сдѣлано у насъ за послѣднее 50-лѣтіе по церковной и политической исторіи древней Болгаріи (до конца XIV вѣка). Труды

¹⁾ См. также статьи: 1) г. *Сирку* о Рупаланахъ, 2) *Драганова* о несонныхъ гласныхъ въ современномъ македонскомъ говорѣ, 3) тонкое изслѣдованіе *Мазима*, Zur Laut- u. Akzentlehre d. Macedoslav. Dial. St. Petbrg. 1891.

Григоровича, Гильфердинга, Голубинскаго, Макушева, Соколова, Пальмова, Успенскаго, покойнаго византиниста нашего В. Г. Васильевскаго, извѣстнаго нашего арабиста бар. Розена вмѣстѣ съ трудами русскихъ писателей, по природныхъ болгаръ Н. С. Палаузова и М. С. Дринова и иностранныхъ ученыхъ Цахаріа фонъ-Лингепталя, покойнаго хорватскаго ученаго Рачкаго, чешскаго—К. Ирѣчка и молодыхъ ученыхъ болгарскихъ Аргирова, Милетича, Златарскаго и нѣкоторыхъ другихъ исчерпываютъ почти всю новую болгарскую историографію.

II.

Къ числу же русскихъ живыхъ знатоковъ болгарскаго языка и народности и любителей болгарской старины принадлежить и г. Сырку, природный румынъ, но русскій подданный, уроженецъ бессарабскій. Съ отрочества живя въ болгарскомъ Киприановскомъ монастырѣ, онъ овладѣлъ живымъ болгарскимъ языкомъ, съ университетской скамьи онъ посвятилъ себя изученію древней и старой болгарской исторіи, церковной и политической, съ начала 80-хъ годовъ началъ свои изысканія о жизни и трудахъ патріарха терновскаго Евѳимія. Въ 1883 г. въ Сборникѣ по славяновѣдѣнію г. Сырку напечаталъ „Нѣсколько замѣтокъ о двухъ произведеніяхъ терновскаго патріарха Евѳимія“ (с. 348 — 401), въ 1890 г. выпустилъ въ свѣтъ свое магистерское разсужденіе „Къ исторіи исправленія книгъ въ Болгаріи въ XIV вѣкѣ“, т. I. „Литургическіе труды патріарха Евѳимія терновскаго“, вып. II, XCIX—231 стр. въ 8-ку и въ 1899 году свое докторское разсужденіе—вып. I „Время и жизнь патріарха Евѳимія Терновскаго“ 641 стр. въ 8-ку.

На западѣ, гдѣ уже давно французы и англичане, а въ послѣднія десятилѣтія и нѣмцы, научились писать содержательно и сжато, избѣгалъ бесполезныхъ длинныхъ извлеченій и ссылокъ, такая объемистая книга (641 стр. въ 8-ку) была бы достаточна для всей исторіи Болгаріи съ древнѣйшихъ временъ до конца XIV вѣка (до завоеванія ея турками),—по малочисленности народа, по сравнительно небольшой и непродолжительной его самостоятельности въ государственномъ и культурномъ отношеніи, особенно же по скудости источниковъ его исторіи: отечественныхъ лѣтописей не имѣется вовсе, если не считать нѣсколько позднихъ (XIV вѣка) короткихъ замѣтокъ,—грамотъ же и надписей дошло къ сожалѣнію очень мало. Всѣ же иностранные источники какъ о болгаряхъ-тюркахъ, такъ и о болгаряхъ-славянахъ, собранные вмѣстѣ съ уцѣлѣвшими и найден-

ными надписями, грамотами, приписками въ рукописяхъ и небольшими историческаго характера отрывками изъ болгарскихъ и греческихъ житій святыхъ, едва-ли составятъ и одинъ томъ въ 400—500 стр. въ 8-ку убористой печати. Въ почтенномъ трудѣ проф. К. Ирѣчка „Исторія болгаръ“ до конца XIV вѣка (въ русскомъ переводѣ)¹⁾ обнимаетъ всего 571 стран.

Отечественные и иностранные источники исторіи Руси съ древнѣйшихъ временъ до конца XIV вѣка, напримѣръ, до смерти Дмитрія Ивановича Донскаго (1389 г.), неизмѣримо богаче болгарскихъ историческихъ источниковъ, и тѣмъ не менѣе въ Исторіи Карамзина (изд. Эйнерлинга) первые четыре тома и первая глава V тома, доведенная до смерти Дмитрія Донскаго, съ обширными примѣчаніями и извлеченіями изъ неизданныхъ источниковъ занимаютъ всего 658 страницъ въ 8-ку. Въ исторіи Соловьева (изд. Общественной пользы) этому же періоду времени посвящены первые три тома, всего 508 стр. Если же еще прикинуть къ нимъ половину 3-й главы IV тома (внутреннее состояніе Руси съ 1228 по 1462 г.), то мы получимъ 603 стр. въ исторіи Россіи Соловьева.

Г. Сырку въ предисловіи къ 1-му выпуску своего перваго тома (о Болгаріи за три четверти XIV вѣка) заявляетъ: „Книга моя «Къ исправленію книгъ въ Болгаріи въ XIV вѣкѣ» *будетъ состоятъ изъ четырехъ частей или двухъ томовъ*. Въ первомъ томѣ разсматриваются время и жизнь патріарха Евѳимія и затѣмъ его сочиненія. До сего времени я выпустилъ въ свѣтъ два выпуска перваго тома. Въ 1-мъ вып. я разсматриваю время патріарха Евѳимія и собираю біографическія данныя о немъ. Въ (sic) 2-мъ вып. я собралъ литургическія произведенія патріарха. Наконецъ въ 3-мъ вып. *будутъ разсмотрѣны литературныя произведенія патріарха*... Затѣмъ послѣдуетъ второй томъ, половина котораго уже отпечатана“. Будетъ ли второй томъ состоятъ изъ выпусковъ или выйдетъ нераздѣльно—авторъ умалчиваетъ.

Во всякомъ случаѣ общасмая г. Сырку *книга* будетъ дѣйствительно,—судя уже по 2-мъ вышедшимъ выпускамъ 1-го тома,—нѣчто очень замѣчательное и по объему и по содержанию. Эти два выпуска

¹⁾ Онъ требуетъ втораго изданія, исправленнаго и дополненнаго. Неужли никого не найдется изъ русскихъ издателей, кто бы достойному вѣнскому профессору предложилъ свои услуги и вошелъ съ нимъ въ соглашеніе. Слѣдовало бы ко второму изданію сверхъ карты приложить разные рисунки, снимки съ рукописей и миниатюръ. Книга эта быстро бы разошлась.

1-го тома составятъ вмѣстѣ безъ мала цѣлую тысячу страницъ (967 стр.). 3-й вып. еще ожидается, и пока неизвѣстно, сколько въ немъ будетъ страницъ, но, по широкой манерѣ автора обо всемъ разсуждать многословно и все разсматривать пространно, возможно ожидать не одну и не двѣ сотни страницъ для 3-го выпуска 1-го тома. Что же касается второго тома, то нельзя не надѣяться, что онъ не ударитъ лицомъ въ грязь передъ первымъ (въ 1100—1200 стр.?) и, конечно, въ видахъ предустановленной гармоніи и равновѣсія займетъ никакъ не менѣе 1000 стр. И такъ скромно называемая г. Сырку книга его „Къ исторіи исправленія книгъ въ Болгаріи“ въ добрыя двѣ тысячи страницъ будетъ дѣйствительно нѣчто колоссальное.

Обратимся же лишь къ $\frac{1}{2}$, а можетъ и къ $\frac{1}{4}$ этого монументальнаго произведенія, то-есть, къ 1-му выпуску I тома; его заглавіе приведено выше.

Всѣ почтенныя стороны г. Сырку нашли себѣ выраженіе въ этомъ трудѣ. Съ отрочества онъ говорить и читаетъ на трехъ языкахъ: румынскомъ, болгарскомъ и русскомъ, съ ранней молодости онъ возлюбилъ книжное ученіе и, благодаря своему упорству, здоровью и рвенію, онъ пробѣжалъ и переглядѣлъ массу старыхъ и новыхъ на всѣхъ почти извѣстныхъ и малоизвѣстныхъ языкахъ книгъ, газетъ и разныхъ рукописей славянскихъ, румынскихъ, попадѣлалъ себѣ множество отиѣтокъ и выписокъ, самъ собиралъ, гдѣ и какъ было можно, разные старыя рукописи. Во время своихъ неоднократныхъ поѣздокъ (съ 1880 года) по Румыніи, Болгаріи, Сербіи, Босніи, Герцеговинѣ, Далматин и Черной Горѣ, во время пребыванія въ Константинополѣ, на Афонѣ, въ Австро-Венгріи, въ Германіи и Англіи нашъ трудолюбивый изыскатель еще болѣе увеличилъ свой запасъ свѣдѣній знакомствомъ съ разными рукописными и печатными источниками и пособіями. Благодаря своей обширной библиографической памяти, г. Сырку давно уже сталъ ходячимъ справочнымъ указателемъ для всѣхъ нашихъ ученыхъ, когда имъ нужно справиться относительно географіи, этнографіи, древностей, церковной и Политической исторіи Румыніи и Болгаріи. За послѣднія 16 лѣтъ г. Сырку напечаталъ много замѣтокъ и статей, издалъ съ примѣчаніями „Описаніе Турціи, составленное русскимъ плѣнникомъ въ XVII вѣкѣ“ (рукопись Григоровича), нѣсколько славянскихъ текстовъ цѣликомъ и въ отрывкахъ,—по порученію Императорской Академіи Наукъ и Палестинскаго Общества, былъ редакторомъ нѣсколькихъ томовъ сочиненій преосвященнаго Порфирія.

III.

Но и гени не всесторонни. Достоинства и преимущества людей обыкновенныхъ еще чаще бываютъ связаны съ извѣстными недостатками и слабостями. Такъ раннее знакомство г. Сырку съ тремя языками: румынскимъ, болгарскимъ и русскимъ, составляя его преимущество передъ многими русскими учеными, послужило одною изъ главныхъ причинъ его неумѣлаго владѣнія русскимъ языкомъ. Несмотря на свое слишкомъ двадцатилѣтнее пребываніе среди интеллигентнаго русскаго общества, на постоянное въ теченіе послѣднихъ 16 лѣтъ участіе въ русскихъ литературныхъ изданіяхъ, г. Сырку понише не умѣетъ ни устно, ни письменно легко и правильно выражаться порусски. Послѣдняя книга г. Сырку, гдѣ онъ былъ полнымъ хозяиномъ — и авторомъ, и редакторомъ — представляетъ много образчиковъ престраннаго русскаго языка. При огромной начитанности и обширныхъ частныхъ свѣдѣніяхъ, онъ обнаруживаетъ и своимъ языкомъ и слогомъ, а также и своими разсужденіями полное почти незнакомство съ русской художественной литературой, съ первоклассными нашими писателями, а съ тѣмъ вмѣстѣ и другіе явные пробѣлы въ общемъ образованіи. Съ достойною уваженіемъ, неутомимою, хотя и неразборчивою, жаждой новыхъ данныхъ и свѣдѣній о занимающихъ его темахъ, съ обширною памятью, съ немалымъ жизненнымъ опытомъ въ Россіи и за границей г. Сырку не соединитъ ни живаго воображенія, ни внимательной наблюдательности, ни строгой вдумчивости. Ничего имъ изучаемаго, ничего имъ видѣннаго, ничего имъ перечувствованнаго онъ обыкновенно не умѣетъ ни живо представить, ни мѣтко обозначить, ни точно опредѣлить. Онъ большой книжникъ, начетчикъ, ревностный коллекціонеръ и собиратель, но не критикъ, не изслѣдователь въ настоящемъ значеніи слова. Все, что выходитъ изъ границъ толкованія отдѣльныхъ словъ или простой регистраціи однородныхъ фактовъ, при его объясненіяхъ, только запутывается и затемняется: гдѣ хаосъ, тамъ нѣтъ свѣта. Въ настоящій заботѣ набрать какъ можно больше матеріалу, нашъ авторъ обыкновенно валитъ въ одну кучу самыя разнородныя данныя, не поспѣвая и не умѣя отличать важное отъ менѣе важнаго и вовсе не важнаго. Набранныя имъ выписки, извлеченія, весь внѣшній запасъ данныхъ какъ бы не въ его распоряженіи, не въ его власти. Не онъ ими, а они имъ располагаютъ и руководятъ. Онъ никогда почти не умѣетъ

въ нихъ разобраться, упорядочить и размѣстить ихъ, если не въ естественной, то хоть въ какой-либо искусственной системѣ. Всего лучше онъ умѣетъ, всего болѣе привыкъ списывать тексты древнихъ и новыхъ рукописей, дѣлать извлеченія, часто очень большія, изъ печатныхъ книгъ, журналовъ, газетъ. При изданіи или перепечаткѣ этихъ текстовъ и извлеченій онъ бываетъ обыкновенно внимателенъ и болѣе или менѣе точенъ. Но онъ не любитъ и не привыкъ строго вдумываться въ собранный имъ матеріалъ, и его устное, письменное и печатное изложеніе собственныхъ мнѣній и догадокъ, положеній и приговоровъ бываетъ неясно, запутанно и неряшливо, полно ошибокъ противъ языка и всевозможныхъ опечатокъ, если въ изданіи своей рукописи онъ же и редакторъ и корректоръ.

Таковы результаты моихъ давнихъ и близкихъ наблюденій и внимательнаго изученія новѣйшей книги г. Сырку.

IV.

„По платью встрѣчаютъ, по уму провожаютъ“. Пословица эта примѣнима и къ книгамъ. Платье ихъ—ихъ форма. Подъ нею разумѣемъ внѣшнюю опрятность и правильность печати, языкъ и слогъ автора, расположеніе матеріала, раздѣленіе его на части. Познакомимся прежде съ внѣшностью книги и съ ея формальною стороною, а затѣмъ перейдемъ къ ея содержанію.

„Настоящій выпускъ, говоритъ авторъ въ предисловіи, въ значительной своей части (до 21 листа включительно) былъ напечатанъ довольно давно: онъ былъ готовъ уже въ 1890 году. Только очень недавно я возобновилъ его. Такимъ образомъ, (sic) этотъ выпускъ былъ написанъ, такъ сказать, въ два приѣма. Поэтому въ немъ замѣчается нѣкоторая неровность въ изложеніи. Быть можетъ, моему читателю покажутся нѣкоторые отгѣнки противорѣчія между тѣмъ, что сказано объ одномъ и томъ же въ прежней части моего труда и новѣйшей; но такіе отгѣнки могутъ быть только кажущимися: они могутъ возникать развѣ только отъ образа выраженія, которое въ одномъ случаѣ можетъ быть сильнѣе, а въ другихъ слабѣе“. (Ст. I—II).

Оставимъ въ сторонѣ *кажущіеся* отгѣнки противорѣчія, когорые, можетъ быть, *покажутся* и читателю, и *образы выраженія*, въ одномъ случаѣ болѣе сильныя, а въ другихъ случаяхъ болѣе слабыя. Замѣтимъ лишь, что этотъ трудъ, почти на половину еще въ 1890 году

оконченный, если не былъ весь написанъ, то былъ по крайней мѣрѣ обдумываемъ авторомъ въ теченіе слишкомъ пятнадцати лѣтъ: первая работа нашего автора объ Евоніи явилась въ печати еще весною 1883 года. Тѣмъ удивительнѣе скороспѣлость и неряшливость въ планѣ, въ разработкѣ частей, въ изложеніи и въ самой корректурѣ книги. Въ концѣ предисловія авторъ нашъ выражаетъ „особенную благодарность М. И. Кудряшеву, который читалъ корректуры нѣкоторыхъ листовъ моего труда“. Дѣйствительно эта *rudis indigestaque moles* представляетъ нѣсколько очищенныхъ и воздѣланныхъ полянокъ, свободныхъ почти отъ всякихъ ошибокъ. Вѣроятно, за нихъ читатель главнѣйше обязанъ почтенному переводчику Нибелунговъ, внимательному бібліотекарю и бібліографу. Мало также опечатокъ и въ обширныхъ выпискахъ и извлеченіяхъ: ихъ наберется не менѣе 200 страницъ.

За то добрыя двѣ трети книги опечатками и всякаго рода ошибками такъ изобилуютъ, что не хочется вѣрить, будто это изданіе Петербургскаго университета, часть Записокъ историко-филологическаго факультета, изготовлено въ одной изъ наилучшихъ въ Россіи типографій, гдѣ наборщики толковые и исправные. Множество опечатокъ и ошибокъ, встрѣчаемыхъ въ значительной части этого большаго тома или этого страннаго перваго выпуска (въ 641 стр.) перваго тома, можетъ заставить думать, что это первый трудъ какого-нибудь уѣзднаго сочинителя, отпечатанный въ какой-нибудь новой уѣздной типографіи. Есть какая-то иронія въ томъ, что этотъ десятилѣтній слишкомъ трудъ не юнаго, а вполне зрѣлаго писателя съ прожитымъ уже литературнымъ 25-лѣтіемъ: первый трудъ г. Сырку появился въ *Кишиневскихъ Видомостяхъ* подъ именемъ *Съркова* въ 1874 году. Есть иронія и въ томъ, что эта книга, книга *столь обильная* ошибками и опечатками, посвящена: „исправленію книгъ въ Болгаріи“. Но еще забавнѣе, что авторъ въ концѣ книги на стр. 603 помѣстилъ подъ невиннымъ заглавіемъ „Замѣченныя опечатки“. Это перечисленіе всего лишь 12-ти опечатокъ. Вотъ все, что авторъ замѣтилъ ошибочнаго и неисправнаго въ своей книгѣ (641 стр.) между страницами 7 и 503. Совсѣмъ невѣроятно, что, просматривая свою книгу, передъ выпускомъ ея въ свѣтъ, хотя бы только въ предѣлахъ этихъ безъ мала 500 страницъ, онъ ничего въ ней болѣе ошибочнаго и неисправнаго не нашелъ, какъ эти невинныя 12 опечатокъ. Одинъ изъ обязательныхъ читателей его книги, имѣвшій брошюрованный экземпляръ ея такъ сказать перваго изданія

(въ 400 съ небольшимъ страницъ), уже задолго до выхода въ свѣтъ книги, говорилъ не разъ автору о множествѣ въ ней ошибокъ и опечатокъ. Напечатавъ затѣмъ свое исправленіе замѣченныхъ имъ опечатокъ, авторъ употребилъ военную или дипломатическую хитрость. Онъ обнаружилъ и свою скромность, сознание погрѣшностей, и строгую акрибію. Въ числѣ 12 исправленій опечатокъ и ошибокъ онъ переправилъ 3 раза культурное—на литературное, сербій—на Сербіи, будучи въ довольно пожилыхъ лѣтахъ—на будучи довольно пожилыхъ лѣтъ, наконецъ *автобіографическій*—на *агіографическій*.—Эта послѣдняя поправка тѣмъ любопытна, что этого слова нѣтъ на указанной страницѣ и строкѣ. Оно находится совсѣмъ на другомъ мѣстѣ, именно на страницѣ 141, строкѣ 20-й, гдѣ читаемъ: „Преп. *Теодосій*, какъ почти всѣ великіе и строгіе подвижники, мало извѣстны съ точки зрѣнія *агіографической*“.

Эта фраза мало имѣетъ смысла и въ такой редакціи, а если замѣнить въ ней, по предложенію автора, слово *автобіографической* словомъ *агіографической*, то выйдетъ и того хуже. Вѣдь преподобный Теодосій, какъ и всѣ прочіе подвижники, намъ извѣстны почти исключительно изъ житій святыхъ, значить исключительно съ точки зрѣнія *агіографической*.

Впрочемъ подобныхъ мѣстъ заимательная въ этомъ отношеніи книга г. Сырку представляетъ не мало. Прилагаемый списокъ 300 слишкомъ опечатокъ и ошибокъ¹⁾, если сопоставить его съ упомянутымъ выше указателемъ 12 невинныхъ погрѣшностей, невольно напомнятъ Собакевича, когда, на завтракѣ у полиціймейстера, убравши осетра, онъ сталъ тыкать вилкою въ маленькую сушеную рыбку.

V.

Внимательно просматривая эти опечатки и ошибки, не нахожу возможнымъ относить ихъ всѣ сподрядъ на счетъ наборщика или перваго корректора. Не немногія изъ этихъ ошибокъ принадлежать несомнѣнно автору, находились уже въ его рукописи, не были имъ и въ корректурѣ отмѣчены и исправлены. Такъ, напримѣръ, на страницѣ 518 читаемъ: „Кто ввелъ греческое уставное письмо въ официальное употребленіе у болгаръ..., тотъ долженъ былъ дать ему имя Кирилла, подобно тому, какъ на западѣ впоследствии дали глаголицѣ имя блаж. *Августина*“.

¹⁾ Списокъ этотъ имѣется въ редакціи; въ немъ перечислена 341 опечатка.

блаженнымъ *Іеронимомъ*—только потому, что они оба называются блаженными — принадлежать самому автору. Не наборщикъ же или не академическій корректоръ вмѣсто написаннаго у г. Сырку *Іеронима* поставилъ *Августина*. То же самое надо сказать и про многія ошибки правописанія и перѣдко совѣтъ особенную разстановку знаковъ препинанія. Во многихъ ошибкахъ мы замѣчаемъ какое-то постоянство, своего рода бессознательную и невольную систему. Таково, напри- мѣръ, смѣшеніе принятыхъ у насъ окончаній прилагательныхъ и мѣ- стоименій мужскаго, женскаго и средняго рода множественнаго числа: „*полковъ, которыя* считаются, — дѣлають *частіа набѣги, — явняя слѣды, какія были источники, постоянная* зрѣбежи, *нѣкоторыя* рисунки, до- водами, *которыя, — сестднѣе* юсударства, *цѣлме* села, *за* прежніе *шесть* лѣтъ¹⁾; или слѣды явнаго недоумѣнія въ употребленіи окон- чаній родительнаго единственнаго въ членныхъ прилагательныхъ и мѣ- стоименіяхъ мужскаго рода (*аго* и *ого*): *однаго, отаго, святаго, пря- маго, высокою*; или затрудненія, гдѣ писать одинъ *и* или два *ни*, въ ямѣвахъ прилагательныхъ и причастіяхъ па *и*: *соленная вода, варенная* пища, *поганима* шредомъ, *ученному, неученному, въпрямная* мель- ницы, *багрянными* подписали, *мученикъ, труженикъ, учености*, были боѣе *умпретъ* съ точки зрѣнія сектантаской догматики, *благосло- вено царство*, созданное было *нетально* и проч. Та же замѣчается нетвер- дость и въ употребленіи предлоговъ, косвенныхъ надежей въ зависи- мости ихъ отъ глаголовъ или предлоговъ: „*Ожидан отъ Бога утѣшеніе, не даетъ* возможность, *инноематствовааніе на* Фудулу (мужскаго рода), *къ* солунской легенды, *по* просьбы *І.* Срацимира, *о* красоты *Особаны*, *по* управленіи *моцистырмъ, основываясь на* авторитетъ²⁾ *папы* Григо- рія, *я* остановлюсь *на* *тѣ* кодексы, всякъ долженъ *убилать*, какъ *заразы, изъ* суевѣрной жизни (стр. 96), *возвратился* въ Болгарію въ *царствованіи* *Шимана, Варваръ* впалъ *въ* разблѣтники, *державшіе* хусарскую *хитрость* (стр. XXI), *поступилъ* *ни* военную службу у *Кан- такузими* (стр. 11), *весьма* *доступенъ* для дружбы необходимо под- разумѣвать внутреннихъ враговъ, *противъ* *которыхъ* можно было бо- роться *и* *даже* *побѣждить* (стр. 278), долженъ былъ *удалиться* *съ* *этихъ* *мѣстъ* (стр. 161), *зналъ* ли Евѣмій Григорія Синаита, *этого* *мы* *не*

¹⁾ *Золотые ворота* (Сырку, Виз. пов. объ уб. Ива. Ник. Фоки. С.-Пб. 1888, стр. 22).

²⁾ *Хоронитъ на мьсто*, называемое *Осѣново*. (Сырку. Сборн. по Слав. 1883, стр. 364).

имѣемъ совершенно никакихъ данныхъ (стр. 250), имѣло ли житіе І. Рядскаго большаго литературнаго значенія въ настоящее время трудно сказать (Сборн. по слав., стр. 380), считаль его ужаснымъ деспотомъ, *котораго онъ хотѣлъ избавиться* (Сырку, Визант. пов., стр. 67).

Вообще въ русскомъ языкѣ г. Сырку мы находимъ смѣшеніе съ старо- средне- и ново-болгарскимъ, отчасти даже съ румынскимъ; раннее знакомство еще въ Бессарабіи съ живымъ малорусскимъ, окающимъ говоромъ приводитъ нашего автора въ недоумѣніе, какъ справляться съ нашимъ слабымъ аканьемъ (см. списокъ погрѣшностей). Такимъ образомъ является у него совершенная путаница въ правописаніи: *верии... крѣпкия, преподобнии иноки, сами старци, обичаи, монастырь, потресенія, священнику, непрекосновенности, превержены, прелечены, непоколимимо, приданія (умираетъ въ Сборн. по слав., стр. 364). Слѣдуетъ тоже причислять не къ промахамъ наборщика, а къ невольнымъ ошибкамъ нетвердаго въ русскомъ языкѣ автора примѣры смѣшенія родонъ, чисель, надежей: все отражалась, благоверменно ли было ея появленія, распорядженія І. Асѣвня... вызвало цѣлую бурю, отвернулись отъ него (папы) и порвали съ ними всякую связь, все приходящія къ нему... получалъ свою долю. стяжавая себя.. побѣду, языкомъ прекрасномъ, въ сообществѣ подобнымъ ему, одинъ изъ подобныхъ личностей, значеніе грамоты, какъ источникъ для болгарской исторіи.*

Мѣстоименіе *свой* не мало затрудняетъ автора:

Стр. III. „*Во время писанія своей работы у меня не было подъ руками этой книги. Впрочемъ въ ней ничего особеннаго не заключается*“.

Стр. 94—95. „*Можно думать, что Варлаамъ и не былъ окончательно дискредитированъ въ глазахъ даже императора. такъ какъ при отпращиваніи своемъ (то-есть, Варлаама) на западъ, Андроникъ (то-есть, императоръ) даетъ ему (Варлааму) тайное порученіе*“.

Стр. 398. Проф. „*Павловъ не чувствовалъ, что подложность этихъ правилъ въ восточной церкви дѣлаетъ ихъ не особенно приводными (sic) для подтвержденія своей мысли*“.

Стр. 591. „*Не разъ случалось, что тамошніе жители приносили на рукахъ своихъ дѣтей, страдавшихъ отъ различныхъ болѣзней и вводили ихъ назадъ на своихъ ногахъ*“.

Къ болгаризмамъ можно причислить: *прежний, послѣднато* ¹⁾, *озараясь, юворить, сказать, уютить* (все неопредѣленное наклоненіе), употребленіе указательнаго мѣстоименія *этотъ, тотъ* вмѣсто лич-

¹⁾ *послѣднато* (Виз. пов., стр. 13).

наго онъ. „Что касается митрополита Оомы..., а затѣмъ архіепископа Θεодосія..., то *объ этихъ* я въ настоящее время ничего не могу сказать“ (стр. ХХХ). Назвавъ нѣсколько учениковъ Григорія Снн., авторъ замѣчаетъ: „кромѣ *этихъ* у преподобнаго Григорія были строгіе аскеты“ (стр. 68). Нѣкоторыя слова авторъ употребляетъ лишь во множественномъ, когда въ данныхъ случаяхъ имъ слѣдуетъ стоять въ единственномъ числѣ: „у Варвара одежда до того обветшала, что едва могла прикрывать его *тайные уды*“ (стр. ХХІІІ).— „Онъ ходилъ совершенно голымъ, нося *на дѣтородныхъ удахъ* тыкву“ (стр. 255). И не только люди получали изцѣленіе, но и *скоты* (стр. ХХVІІІ). Къ болгаризмамъ же относятся слова: „*забитіе греческаго языка*; отразилась въ народныхъ *умотвореніяхъ* или въ произведеніяхъ народной словесности“ (стр. 45). „Турки должны были совершить переходъ черезъ Балканы и *переходъ* такого многочисленнаго войска, каковы были отряды Баязета. *не могли* остаться *незамѣченными*“ (стр. 582). „Греческія редакціи церковныхъ книгъ и даже греческая грамматическая дисциплина *считалась* образцомъ для *славянской*“ (стр. 247). Есть и другія еще ошибки, очевидно, тоже авторскія же: „*всѣ* не удовлетворились, *большая часть изъ этихъ* замковъ, *большая часть изъ этихъ* монастырей, старецъ, имѣвшій *болше или менше* до одного учениковъ, *участвовали* оба патріарха“. Такое произношеніе и правописаніе послѣдняго слова, не необычное въ извѣстныхъ полуобразованныхъ или малообразованныхъ русскихъ слояхъ, давно уже усвоено нашимъ авторомъ. Такъ въ статьѣ его 1883 г. (Сборн. по слав., стр. 376) читаемъ: „въ разсказѣ Евеніія *участвуетъ* народное сказаніе“.

VI.

Къ особенностямъ же языка и стили г. Сырку принадлежать: а) то наивная, то мудреная постройка предложеній и періодовъ, б) неумѣлая разстановка знаковъ препинанія (иногда примѣры см. въ нашемъ спискѣ погрѣшностей), в) усиленное подыскиванье синонимовъ, обиліе плеоназмовъ, всевозможныя амплификаціи и г) страсть уснащать рѣчь несносно частыми и нерѣдко длинными любимыми выраженіями.

Примѣры: а) Стр. 14. „*Подобнымъ личности* (пограничные разбойники) если не ухудшали сношенія государствъ, но за то *онѣ смущали*

народъ какъ въ своемъ отечествѣ, такъ и въ сосѣднихъ государствахъ и производили этимъ въ народъ смуты и неурядица“.

Стр. 268. „Евреи, отличающіеся фанатизмомъ, въ то же время они беспощадны въ своей ярости, настойчивы до упорства и чрезвычайно нахальны“.

Стр. 323. „Болгары... изошрялись обходить пункты церковной практики, *которые, повидимому, нужно было считать неизмѣнными или, по крайней мѣрѣ, съ перваго взгляда нельзя найти возможности для ихъ измѣненія*, и такимъ образомъ волей-неволей *должны были* (слово *которые* изъ винительнаго падежа переходитъ въ именительный и становится уже подлежащимъ) напоминать о *нѣкоторой видимой зависимости или хотя тѣни зависимости болгарской церкви отъ константинопольской*“.

Стр. 588. „Нынѣ знатные и именитые граждане сдѣлались рабами повелителя, *котораго* Григорій Цамблакъ, да и всякой другой на его мѣстѣ, *даетъ ему* презрительную кличку варвара“.

Стр. 590. „Такъ заставляетъ Евѳимія говорить его панегиристь. Но и въ заточеніи *онъ, повѣствуетъ онъ* далѣе, не остался безъ дѣла“.

Примѣры в) Стр. 16. „Крайне *недружелюбно и даже враждебно*“.

Стр. IV. „Задачи, *которые время и жизнь* поставили Евѳимію для рѣшенія“.

Стр. 262. „Хотя и онъ не былъ свободенъ отъ *нѣкоторыхъ предразсудковъ своего времени и въка*, но не смотря на это, онъ все таки *не только выдавался, но и высоко стоялъ надъ своими современниками*“.

Стр. 50. „Застольная или затрапезная пѣснь“ (bis).

Стр. 94. „Судя по ходу *спорозъ и по послѣдующему теченію ихъ*“.

Стр. 141. „Положеніе и ходъ *дѣлъ* въ Болгаріи“.

Стр. IV. „Отразились въ *народной поэзіи* или, вѣрнѣе, въ *памятникахъ народнаго творчества*“.

Стр. V. „Въ *народной поэзіи* или, вѣрнѣе, словесности“.

Стр. 39. „Это явствуетъ изъ *преданій* или, вѣрнѣе, изъ *болгарскаго хронографа*“.

Стр. 343. „Можно дѣлать *болше или менше достоверныя* или, *лучше сказать, основательныя предположенія*“.

Стр. 449. „Въ Видинѣ мы видимъ *бѣдность, грубое невѣжество и почти крайнюю безграмотность*“.

Стр. 333. „Освященіе этого обряда *папою* или, вѣрнѣе, *римскимъ архіепископомъ*“.

Стр. 342. „*Римскаго архіепископа или папы*“.

Стр. 520. „*Православіемъ* или *ортодоксією*“.

Стр. 45. „Насколько болгарская аскетическая или монашеская святость отразилась въ народныхъ умотвореніяхъ или памятникахъ народнаго творчества“.

Стр. 48. „Внутреннія, духовныя качества личности монаха, словомъ идеаль строгата аскета, впрочемъ иногда не безъ эксцентричной при-мѣси богомильства, выражающейся въ чрезмѣрной строгости и су-ровости монашеской жизни, исполненной всякихъ лишеній“.

Стр. 159. „Былъ истиннымъ пустынолюбцемъ, избѣгая всякаго жи-тейскаго шума“.

Стр. 239. „Творенія преп. Григорія Синаита и ему подобныя от-шельниковъ являются такимъ образомъ не только обыкновенной кни-гой для душеполезнаго или назидательнаго чтенія, но вмѣстѣ съ тѣмъ и продуктомъ православной богословско-филологической, если можно такъ выразиться, мысли, сформировавшейся въ особую систему созерца-тельной аскетики или, вѣрнѣе, созерцательно-аскетической школы“.

Стр. 324. „Къ этой партіи (греческой) слѣдуетъ, я думаю, прич-слить истинно-образованныхъ людей или, выразился современными словами, все интеллигентное и передовое общество того времени“.

Стр. 328. „Даже и послѣ всего сказаннаго въ настоящее время мно-гимъ покажется слишкомъ смѣлымъ, если я скажу, что и болгарскіе цари І. Александръ и І. Шишманъ не были свободны отъ вліянія, даже, можетъ быть сильнаго, этой партіи (то-есть, истинно-образован-ныхъ людей). Если мое предположеніе справедливо, то легко можно себѣ объяснить рядъ мѣропріятій обоихъ государей, направленныхъ ко внутреннему духовно-нравственному благосостоянію и усовершен-ствованію Болгаріи, которыя, можно сказать, обновили, чтобы не сказать, возродили до нѣкоторой степени жизнь въ Болгаріи“.

Стр. 477. „Онъ былъ большой знатокъ греческаго и славянскаго язы-ковъ и весьма искусно (sic) и хорошо умѣлъ переводить съ греческаго языка на славянскій“.

Стр. 247. „Школа Евѣмія придавала греческому языку не только большое значеніе, но считала даже обязательнымъ знаніе ея. Правда, представители этой школы имѣли еще другое основаніе интересо-ваться греческимъ языкомъ—исправленіе книгъ, но нѣтъ никакого со-мнѣнія, что Евѣмій созналъ необходимость знанія греческаго языка, будучи еще въ Килифаревѣ“.

Стр. 498. „Въ немъ (Синодикѣ) находимъ не мало свидѣтельствъ о древней церкви болгарской, о ересяхъ, о цѣломъ рядѣ болгарскихъ общественныхъ дѣятелей, изъ которыхъ о нѣкоторыхъ мы имѣемъ

свѣдѣнія только изъ синодика. О нѣкоторыхъ фактахъ или факторахъ въ болгарской исторіи, а именно о *богомилахъ* (см. выше о *ересяхъ*) *говорится довольно пространно*“.

Стр. 438. „Роскошные экземпляры Евангелія и Лѣтописи Манассіи служатъ представителями тогдашней *роскоши, богатства, изящества и художества, они служатъ выразителями высшей степени развитія болгарско-византійскаго искусства, если только можно такъ выразиться, степени, до которой могло возвыситься это искусство*“.

VII.

Какъ ни успѣшно всѣ подобныя амплификаціи увеличиваютъ объемъ книги, но нашъ авторъ одними тавтологіями и плеоназмами не ограничивается и съ видимымъ удовольствіемъ обращается къ повторенію уже выше и довольно пространно рассказаннаго. Такъ читаемъ: стр. XIII. „Григорій (Цамблакъ) *означаетъ* въ своемъ словѣ не *все* событія въ жизни *Евѳимія*, а только главнѣйшія, а именно *такія, которыя служатъ къ прославленію патріарха Евѳимія*“.

Стр. XV. „Григорій Цамблакъ *приводитъ только такіе* факты изъ жизни Евѳимія, *которыя служатъ къ прославленію послѣдняго*. Таковыя условія похвалы“.

Стр. 144. „*Монахолобивый* царь I. Александръ основалъ не два только монастыря“... Стр. 168. „*Несомнѣнно были еще монастыри, построенные I. Александромъ, о которыхъ въ настоящее время мы не имѣемъ свѣдѣній*. Но за то есть свѣдѣнія объ его *благотвореніяхъ монастырямъ, уже существовавшимъ, какъ въ предѣлахъ болгарскаго царства, такъ и внѣ его*“. На стр. 373 снова напоминаетъ читателю *о монахолобивости* этого царя.

Стр. VII. „Были бы весьма интересны (въ ст. г. Качановскаго) нѣкоторыя замѣтки, какъ напримѣръ, о мѣстѣ заточенія и смерти патріарха Евѳимія, *если бы нельзя было сильно заподозрить, что эти замѣтки присочинены самимъ г. Качановскимъ*“.

Стр. 541. „Сообщеніе г. Качановскаго было бы чрезвычайно интересно, если бы нельзя было заподозрить г. Качановскаго въ *измышленіи этого преданія*“¹⁾.

¹⁾ Обвиненіе тяжкое. Вообще г. Сырку относится къ своему сопернику уже слишкомъ страстно. Напримѣръ, въ своей магистерской диссертационъ пишетъ: „Не такъ давно проф. В. Качановскій въ своей *безсилно-злойной* статьѣ противъ меня (Хр. Чт. 1888, стр. 470—497)“ и пр. (Литург. труды патріарха Евѳимія, стр. VI).

Стр. 58—59. „Представители разныхъ народовъ (на Аеоѣ) не различались между собой и племенной борьбы мы не видимъ ни въ XIV вѣкѣ, ни раньше, ни въ XV вѣкѣ; ихъ не только сближала, но и соединяла одна общая идея служенія Богу и отверженія отъ міра и потому «были ли они іудеи» или еллины, или рабы, или свободные, всё напоены были единымъ Духомъ“.

Стр. 60. „И не было тогда между тамошними отшельниками той племенной вражды, какую мы видимъ теперь ¹⁾. *Гордые* и просвѣщенныя византійцы, *проникнутые глубокимъ смиреніемъ*, не гнушались и не стыдились быть подъ началомъ и руководствомъ старца-славянина“.

Стр. 146. „Видно, что во время Феодосія монастыри болгарскіе *не были на высотъ своего положенія*“.

Стр. 274. „Прежде всего нужно припомнить, что въ Болгаріи, въ царствованіе І. Александра, *болгарское духовенство стояло на не особенно высокой степени развитія*“.

Стр. 334—335. „*Невъжество* болгарскаго духовенства“ (этого же времени).

Стр. 412. „Почти всякое отсутствіе правильной организаціи книжнаго образованія и школьнаго дѣла дѣлало *образовательный цензъ довольно низкопробнымъ*, не отвѣчавшимъ иногда *самъ* (sic) насущнымъ потребностямъ“.

Стр. 412. „Въ этомъ отношеніи даже духовенство, какъ высшее, *такъ и низшее*, — можно сказать, самый образованный въ тогдашнее время классъ,—*стояло не на высотъ своего призванія*“ (sic).

Стр. 412. „Такое отношеніе болгарскаго духовенства и представителей церковной *образованности* (sic) я склоненъ объяснить не зависмостью..., а просто вслѣдствіе *невѣжества*, а также и вслѣдствіе отсутствія строгой системы церковнаго образованія, не говоря уже о свѣтскомъ“.

Стр. 413. „*Большая часть книжныхъ людей обладала очень ограниченными знаніями... Сами монастырскіе руководители... были не очень высокаго ценза, какъ въ образовательномъ, такъ и въ нравственномъ отношеніи*“.

Стр. 414—5. „Мы имѣемъ еще и другое свидѣтельство о *жалкомъ состояніи письменности въ Болгаріи въ XIV вѣкѣ* (приводить слова

¹⁾ Впрочемъ на стр. 88 уже оказывается, что „греческіе и славянскіе монахи расходились между собой до противоположности и между ними возникли самыя непріятныя столкновенія“.

Гр. Цамблака и Констант. Костенческаго о томъ, что отъ Марицы до Солуни, въ Бѣлградѣ и въ Терновѣ старыя письма погибли было, — только де преемникъ І. Александра) І. Шишманъ и патриархъ Евонмій принялись за ихъ возстановленіе“.

Стр. 415. „И въ самомъ дѣлѣ если мы обратимся къ самымъ книгамъ или вѣрнѣе къ спискамъ, сдѣланнымъ до Евонмиевской реформы, то мы увидимъ полное оправданіе словъ Констант. Костенческаго, Г. Цамблака. Достаточно для этого взять Зогра. Трефол. (нач. XIV вѣка), въ этомъ замѣчательномъ кодексѣ *нерѣдко слова и даже цѣлыя выраженія такъ искажены, что дѣйствительно во многихъ мѣстахъ является хула вмѣсто восхваленій“*.

Стр. 416. „Только со времени царствованія І. Александра *начинается нѣкоторое стремленіе къ улучшенію богослужебныхъ текстовъ“*.

VIII.

При всей страсти г. Сырку повторять свои пространно изложенныя идеи и описанія, онъ часто бываетъ не прочъ также пространно и опровергать и отрицать ихъ. Приведемъ болѣе любопытныя примѣры:

Стр. 411. „Литература и образованность въ Болгаріи во время І. Александра *достигла самою высокою своею развитія*. Мы не знаемъ другаго времени, когда въ Болгаріи писалось и переписывалось такъ много книгъ, какъ именно въ это время“. (См. выше, главу VII).

Стр. 146. „Сливненская гора съ давнихъ поръ славилась своими монастырями, служившими образцомъ для другихъ болгарскихъ монастырей“.

Стр. 147. „Этимъ (Сливн.) монастырь до известной степени подходилъ къ аскетическому идеалу преподобнаго Θεодосія“.

Стр. 492. По поводу одной рукописи написанной въ Ловчѣ: „Значить, образованіе въ Болгаріи до нѣкоторой степени было распространено. По крайней мѣрѣ въ этомъ отношеніи большіе города занимали не послѣднее мѣсто“.

Стр. 162, прим. „*Несомнѣнно, что подь этими убійцами и кровопійцами нужно разумѣть турокъ, опустошавшихъ Фракію... По всей вѣроятности это нападеніе относится къ 1348 г. (цитата). Впрочемъ здѣсь можно разумѣть и генуэзцевъ, грабившихъ по морскимъ берегамъ (цитата). Говорить здѣсь о морскихъ разбойникахъ (Филаретъ, Ирѣчекъ) едва ли возможно“*. Отчего же генуэзскихъ грабителей не называть морскими разбойниками?

Стр. 388. „Г. Радченко при всѣхъ черныхъ краскахъ, какими онъ рисуетъ Болгарію во время І. Александра, находитъ возможнымъ указать на хорошее состояніе болгарскихъ финансовъ, которые свидѣтельствуютъ такимъ образомъ о нѣкоторомъ благосостояніи государства. Возможно, что въ этомъ есть своя доля правды“. Въ подстрочномъ къ этимъ словамъ примѣчаніи: г. Радченко думаетъ, что „до извѣстной степени на хорошее состояніе финансовъ могутъ указывать многочисленные разряды сборщиковъ податей пошлянъ (sic)“. „Но вѣдь почти всѣ эти разряды были и раньше; по крайней мѣрѣ, слѣды ихъ находимъ и въ XIII вѣкѣ... Возможно, что при І. Александрѣ сборы податей были урегулированы; но многочисленные разряды еще не говорятъ въ пользу доходности страны“.

Стр. 388. „Если І. Кантакузинъ обратился къ І. Александру за деньгами на флотъ, то, нѣтъ сомнѣній, онъ надѣялся получить отъ него потребная на это деньги. Кроме того, болгарскій царь былъ въ состояніи откупиться деньгами тамъ, гдѣ онъ не имѣлъ успѣха оружіемъ. Хорошія финансовыя силы государства свидѣтельствуютъ о большемъ или меньшемъ благосостояніи населенія государства. Къ сожалѣнію объ этомъ нѣтъ никакихъ данныхъ“.

Стр. 380. „Болгарія во время І. Александра пользовалась до нѣкоторой степени благосостояніемъ и сравнительнымъ спокойствіемъ“.

Стр. 14. „Вслѣдствіе этого (то-есть, пограничныхъ разбойниковъ) социальное и экономическое положеніе Болгаріи были сильно расшатаны (sic). Конечно, Болгарія страдала неисключительно только отъ подобныхъ лицъ; но они большею частью служили подстрекателями и даже инициаторами смутъ въ Болгаріи, если не прямыми, то косвенными—черезъ тѣхъ, которые перемѣтали къ нимъ и опять возвращались на родину въ Болгарію. Несомнѣнно, что главный контингентъ ихъ отрядовъ (ворочавшихся на родину?) давала Болгарія въ лицѣ перебежчиковъ, а эти послѣдніе, ворочаясь на родину, смущали народъ, положеніе котораго было довольно таки худо и весьма тяжело“.

Стр. 23. „Положеніе сельскаго населенія въ Болгаріи было весьма бѣдственно. Эта бѣдственность должна была увеличиться въ слѣдствіе постоянныхъ войнъ, внутреннихъ неурядицъ и раздробленія государства, а отъ этого являлись необезпеченность и неувѣренность въ завтрашнемъ (sic) днѣ. Къ внутреннимъ бѣдствіямъ, тяжелымъ бѣдствіямъ присоединялось еще одно страшное, въ конецъ опустошавшее и разорявшее страну,—это турецкія нашествія, которыя изъ

года въ годъ дѣлались все чаще. Турки опустошали не только южную Болгарію..., но вторгались уже въ сѣверную часть Болгаріи, откуда они уносили богатую добычу и уводили множество плѣнныхъ въ Азію и многихъ изъ нихъ продавали въ рабство. Болгарскій народъ весьма хорошо понималъ, что турки не ограничатся одними только набѣгами въ предѣлы Болгаріи, но что ихъ нерѣдкія посѣщенія страны повлекутъ за собой болѣе серьезныя послѣдствія. Вотъ почему народъ требовалъ въ 1351 году отъ царя І. Александра, когда къ послѣднему въ Терново пришли послы Кантакузина для заключенія и союза противъ турокъ, чтобы онъ возможно скорѣе заключилъ миръ съ Кантакузиномъ⁴.

Стр. 390. „Изъ всего сказаннаго можно заключить, что Болгарія въ царствованіе І. Александра была *сравнительно въ одномъ изъ лучшихъ состояній, какія только она переживала. Верховный ея повелитель прилагалъ все свое стараніе, чтобы довести свое государство до такого состоянія* ¹⁾. *Слѣдовательно, отзывы современниковъ объ І. Александрѣ не только не представляютъ льстивыхъ похвалъ, но иногда они не исчерпываютъ всего того, что этотъ царь сдѣлалъ для своего государства*“.

Стр. 380. „Болгарія во время І. Александра и внутри пользовалась до нѣкоторой степени благосостояніемъ и сравнительнымъ спокойствіемъ. Я уже указалъ, что, по свидѣтельству патріарха Каллиста, царь І. Александръ былъ *единственный, который былъ въ состояніи укрощать разбойниковъ, страшно свирѣпствовавшихъ и въ предѣлахъ Византіи и отчасти въ предѣлахъ Болгаріи. Уже тотъ фактъ, что Синодикъ предастъ разбойниковъ проклятію и вмѣстѣ съ тѣмъ указываетъ на весьма любопытныя бытовья и социальныя отношенія между обществомъ и разбойниками.—что послѣдніе обкрадывали дома, крали лошадей и воловъ, или обирали путниковъ, что разбойниковъ снаряжали, съ ними сносились и, наконецъ, ихъ укрывали, прямо свидѣтельствуешь, что разбойниковъ было не мало въ Болгаріи въ XIV вѣкѣ*“.

IX.

Характеристика языка и слога г. Сырку была бы неполная, еслибъ мы упустили отмѣтить его пристрастіе къ извѣстнымъ любимымъ выраженіямъ, часто имъ употребляемымъ для уснащиванья рѣчи.

¹⁾ Совершенно въ стилѣ иныхъ Гоголевскихъ и Салтыковскихъ героевъ.

Эта привычка находится въ связи съ неуиѣнъемъ автора выражаться ясно и опредѣленно, съ его любовью къ плеоназмамъ и амплификаціи, съ его бессознательнымъ стремленіемъ раздувать и увеличивать объемъ своихъ писаній.

Этихъ любимыхъ словечекъ и выраженій у нашего автора довольно много, и на нихъ и на разныя съ ними варіаціи онъ никогда не скупится. Вотъ они: *или вѣрнѣе.., если можно выразиться, если такъ возможно выразиться, если только такъ возможно выразаться*; короткія нарѣчія: *теперь, нынѣ, прежде* авторомъ не любимы и всегда замѣняются болѣе пространными выраженіями: *въ настоящее время, въ прежнія времена,—въ настоящее время я не могу сказать, въ настоящее время трудно сказать съ полною опредѣленностью, нужно было имѣть много подготовительныхъ работъ, которая въ настоящее время не существуютъ, съ точностью опредѣлить въ настоящее время не могу, нынѣ въ настоящее время неизвѣстно, въ настоящее время нѣтъ никакихъ данныхъ*;—любимы имъ также и слѣдующія выраженія: *я склоненъ думать, само собою разумъется, что нельзя при- давать, по моему разумѣнію, нельзя думать, что...*

Нерѣдко одно изъ этихъ крылатыхъ выраженій нашего автора встрѣчается раза четыре на одной и той же страницѣ (стр. 43 прим.). Приведемъ нѣсколько примѣровъ: „кто были его родители и какое и гдѣ онъ получилъ образованіе, *трудно сказать рѣшительно въ настоящее время*“ (стр. 72); „излагаеть цѣлую, *можно сказать, философскую систему о Богѣ и человѣкѣ въ его грѣховной и божественной природѣ, если можно такъ выразиться*“ (стр. 190); „оба эти документа совершенно одинаковаго характера и несомнѣнно появились въ одно и то же время и, можетъ быть, даже изъ-подъ пера одного и того же лица, *если не румына, то непременно начитаннаго въ книгахъ, писанныхъ на славянскомъ языкѣ той редакціи, которая сформировалась, если можно такъ выразиться, между румынами*“ (стр. 166), „*были еще монастыри.., о которыхъ въ настоящее время мы не имѣемъ свѣдѣній*“ (стр. 163). „*Я склоненъ думать... нынѣ думается, хотя быть можетъ совершенно ошибочно*“ (стр. 313). „Въ слѣдствіе этого *я думаю*“... и въ слѣд. періодѣ: „*я склоненъ думать*“... (стр. 314) и т. п.

Стр. 366. „Выше я коснулся этого вопроса *скорѣе мимоходомъ, чѣмъ по существу. Здѣсь я хочу остановиться на этомъ вопросѣ и указать на всѣ данныя, къ нему относящіяся, какія мы только имѣемъ въ настоящее время, а вмѣстѣ съ тѣмъ представить свои соображенія по этому поводу, какія только возможны въ настоящее время*“.

„документальными данными, которые до настоящаго времени еще никакъ не опровергнуты (ib.); насколько прикрашенъ этотъ фактъ, въ настоящае время трудно сказать. Тѣмъ не менѣе, нужно въ настоящае время признать, что разсказъ страдаетъ нѣкоторою сказочностью“ (стр. 310); „я склоненъ думать, что національная партія зародилась еще во времена перваго болгарскаго царства, а именно во время болгарскаго царя Симеона, который, нужно полагать, былъ однимъ изъ самыхъ горячихъ поборниковъ національной идеи болгарской“ (стр. 329); „какіе элементы входили въ составъ національной партіи времени І. Александра и какъ велика была она, и какіе были вожди ея, съ полною определенностью въ настоящае время сказать нельзя“ (стр. 332); „эта (национальная) партія была очень сильна, вліятельна и многочисленна“ (стр. 365).

Сопоставленіе двухъ послѣднихъ примѣровъ (стр. 332 и 365) показываетъ, что всѣ эти оговорки—однѣ изъ привычныхъ фразъ, безо всякаго внутренняго значенія.

„Можно съ увѣренностью утверждать, что въ Болгаріи возбуждены были и другіе подобнаго же рода вопросы; но въ настоящае время объ этомъ по недостатку данныхъ мы не можемъ распространяться“, .. „конечно въ настоящае время относительно Болгаріи мы не можемъ распространяться на эту тему, такъ какъ намъ весьма мало, чтобы не сказать больше, извѣстна внутренняя жизнь Болгаріи XIV вѣка, стремленіе и направленіе болгарскаго общества; но высказанныя мною мысли явятся сами собою, если мы обратимъ серьезное вниманіе на характеръ, стремленія и направленія лицъ, выросшихъ и воспитавшихся въ школахъ созерцательной не только въ Болгаріи, но и въ Византіи и т. д.“ (стр. 325—326).

Х.

Ошибки противъ языка (V) обнаруживаютъ очень малое знакомство г. Сырку съ русской литературной рѣчью, съ русской книгой. Положимъ, въ нашихъ семинаріяхъ вообще, да еще въ 60—70-хъ годахъ, русская словесность не процвѣтала, и тѣмъ паче въ Кишиневской, гдѣ г. Сырку, окончивъ свое среднее образованіе, мало имѣлъ возможности хорошо выучиться по-русски среди товарищей, бессарабскихъ малоруссовъ, болгаръ и румынъ, не могъ и ознакомиться съ нашей литературой. Но съ 1874 года живя въ Петербургѣ, какъ студентъ университета, и съ 1883 года, какъ членъ ея корпорации, какъ сотрудникъ русскихъ журналовъ, онъ

имѣлъ и время и полную возможность сознать этотъ великій пробѣлъ въ своемъ образованіи и исправить этотъ недостатокъ. Но, очевидно, его не мучило это незнаніе; университетскіе курсы О. Ѳ. Миллера о русской литературѣ, толки и увлеченія университетскихъ кружковъ и всего русскаго общества 70-хъ, 80-хъ годовъ по поводу выходившихъ тогда одно за другимъ крупныхъ созданій Тургенева, Достоевскаго, Толстаго совершенно не коснулись нашего автора. Какъ бы то ни было, но несознанье въ своемъ неумѣннѣ владѣть русскимъ языкомъ, поскольку оно нужно каждому образованному человѣку, бывшему въ русскихъ же, среднемъ и высшемъ, заведеніяхъ, и неощущенье потребности восполнить этотъ пробѣлъ обнаруживаютъ полнѣйшее равнодушіе, отсутствіе всякой чуткости къ высшимъ вѣяніямъ и запросамъ окружающей жизни. Въ самомъ дѣлѣ, внимательное чтеніе двухъ, трехъ частей Пушкина (стихотвореній и прозы), Записокъ охотника Тургенева, одного хоть тома Исторіи Карамзина и Исторіи Соловьева вмѣстѣ съ четырехлѣтнимъ слушаніемъ лекцій русскихъ профессоровъ, могло бы легко, незамѣтно научить г. Сырку правильно писать и говорить по-русски. Но онъ пробылъ въ С.-Петербургѣ и въ университетѣ не четыре года, а двадцать лѣтъ слишкомъ. Его неумѣнье правильно выражаться по-русски свидѣтельствуетъ объ его дурномъ образованіи. Особенности же его слога (VI, VII, VIII, IX, X, XI), вообще его манера писанія раскрываютъ намъ уже внутреннюю лабораторію его духа, знакомятъ съ процессомъ и силой его мышленія, съ его научными и этическими воззрѣніями.

а) (Въ Килифаревскомъ монастырѣ) „общемонастырскимъ уставомъ былъ уставъ Синайскаго монастыря. Какой же редакціи былъ Синайскій уставъ, употреблявшійся въ Килифаревскомъ м-рѣ, въ настоящее время трудно сказать, потому что намъ неизвѣстенъ такой славянскій списокъ этого устава, о которомъ можно было бы сказать, что онъ употреблялся въ болгарскихъ монастыряхъ во второй половинѣ XIV вѣка. Весьма трудно сказать въ настоящее время, сложились ли какія особенности въ уставѣ монастыря Килифаревскаго. Я склоненъ думать, что такія особенности могли уже быть, но не могли доразвиться (до какихъ-либо особенностей) за столь короткое время существованія этого монастыря. Впрочемъ, несомнѣнно, что Синайскій уставъ вводился въ употребленіе патріархомъ Еввиміемъ. Наконецъ, имѣя въ виду, что Килифаревскій монастырь построенъ царемъ І. Александромъ, можно бы было думать, что онъ имѣлъ ктиторскій уставъ. Впрочемъ, если согласиться съ А. А. Дмитріевскимъ, то въ настоящее

время весьма трудно что либо сказать, относительно того, каковы были отношенія царя къ этому монастырю" (стр. 244).

Съ такой же смѣлостью и тонкостью анализа подходят нашъ авторъ и къ вопросамъ другаго рода. Такъ, напримѣръ, одинъ переписчикъ Псалтыри для царя I. Александра, въ своей припискѣ восхваляя царя и ставя его на одну доску съ царемъ Константиномъ Великимъ и съ Александромъ Македонскимъ, говоритъ между прочимъ, что болгарскій царь „греческаго царя низложи и шатая ся ять его рукама". Хотя I. Александръ никакого восточнаго императора ни низлагалъ, ни въ плѣнъ не бралъ, однако нашъ авторъ спрашиваетъ и разъясняетъ: „О какомъ это царѣ говоритъ онъ? *До сего времени на этотъ вопросъ никто не обращалъ вниманія, и до открытiя новыхъ данныхъ его можно считать открытымъ. Впрочемъ, если не въ полной, то въ нѣкоторой достовѣрности* того, что заключается въ этихъ словахъ, *я не сомнѣваюсь*" (стр. 372).

По поводу раздѣленiя I. Александромъ болгарскаго царства между двумя сыновьями, нашъ авторъ замѣчаетъ съ мудростью почти государственнаго чловѣка: „Это была мѣра государственная, къ которой I. Александръ долженъ былъ прибѣгнуть по необходимости: *иначе онъ долженъ былъ бы принять рядъ мѣръ, которыя могли бы повести еще къ большимъ осложненiямъ и ухудшенiю положенiя дѣлъ, которая мы (разумеется, не авторъ, а люди обыкновенные) въ настоящее время не можемъ и предвидѣть или угадывать...* Не видно, однако, чтобы I. Срацимиръ (старшій сынъ отъ первой жены, получившій меньшую часть противъ младшаго Шипмана, сына отъ второй жены) при жизни отца выступалъ съ какими-нибудь претензiями или неудовольствiями. Отсюда, по моему, можно заключить, что между отцомъ и сыномъ существовали *миръ и спокойствiе. Возможно, что въ настоящее время, за отсутствiемъ данныхъ, мы не знаемъ, что происходило между ними. Такъ или иначе, мы можемъ остановиться только на этомъ одномъ моемъ заключенiи до открытiя новыхъ данныхъ*" (стр. 387).

Слѣдующiй примѣръ замѣчателенъ между прочимъ остроумной и смѣлой попыткой автора возстановить внѣшнiй образъ царя I. Александра на основанiи какъ современнаго описанiя его наружности, такъ и сохранившагося въ одной иллюстрированной рукописи его изображенiя и на основанiи откуда-то извѣстной г. Сырку вѣрности и привязанности второй молодой жены своему пожилому царственному мужу. „Ав-

*торъ пѣсннца*¹⁾ даетъ намъ до нѣкоторой степени цѣльный портретъ І. Александра; онъ называетъ его *благопривѣтливимъ, румянымъ, хорошаго вида и красиваго лица, съ сжатыми колѣнами, но ходящимъ правильно, и наконецъ съ пріятнымъ взлядомъ. Насколько это вѣрно, въ настоящее время провѣрить невозможно. (На этотъ разъ авторъ, повидимому, отказывается ждать открытія новыхъ данныхъ). Портретъ царя І. Александра существуетъ, но онъ не даетъ намъ понятія о деталяхъ наружнаго вида этого царя. Можно одно только сказать, судя по его портрету, что онъ дѣйствительно былъ красивъ. Что это достоверно, видно изъ того, что, несмотря на свои уже не молодые годы, онъ смогъ привязать къ себѣ свою молодую супругу, еврейку Теодору, которую онъ сдѣлалъ вмѣстѣ съ тѣмъ и доброй христіанкой; она была такою ревностною христіанкою, что возобновляла многія церкви и основала монастыри“ (стр. 375).*

Нашего автора вообще нельзя упрекать въ односторонности. Его взгляды и манеры изображенія широкия. Изображаетъ онъ своихъ героев — психастовъ — Осодосія, Евонмія, стиль его суровъ, важенъ, благочестивъ. Когда же онъ нисходитъ къ изображенію супружескихъ отношеній молодыхъ царицъ къ пожилымъ царямъ, его стиль иѣженъ, игривъ, фриволенъ. Такъ въ своей диссертаціи (pro venia legendi—Виз. пов. о Ник. Фокѣ, стр. 50), говоря объ отношеніяхъ императрицы Теоаны къ ея супругамъ, императору Никифору Фокѣ и І. Цимисхію, г. Сырку согласенъ съ Паларигопуло и готовъ „приписать весь разладъ между Никифоромъ Фокой и Теофаной неравному браку, въ слѣдствіе котораго супруги не могли любить другъ друга“. „Въ годъ заключенія брака (863 г.) Теоанѣ едва минулъ двадцатый годъ, между тѣмъ Никифору было свыше пятидесяти“. Обращаясь къ Цимисхію, нашъ авторъ замѣчаетъ: онъ „отличался военными доблестями, ... былъ знатнаго происхожденія и очень красивъ собой“ и тутъ же приводитъ слова Льва Дьякона объ его наружности: „лицо его бѣлое и красивое, волосы на головѣ русые... глаза острые, голубые, носъ тонкій... ростомъ онъ малъ, но имѣлъ широкую спину; сила у него была исполинская, въ рукахъ чрезвычайная гибкость и непреодолимая крѣпость“. „Можетъ быть и съ этой стороны, прибавляетъ г. Сырку, Цимисхію привлекалъ къ себѣ Тео-

¹⁾ *Пѣсннцъ*—(см. Восток. и Миклош.) *псалтырь*—„начаша гудущи гудити въ гусли и пѣсннца пѣти“. Не авторъ пѣсннца, а переписчикъ псалтыря.

фану, хотя для такой молодой женщины, как она, и онъ былъ довольно старъ“.

ХІ.

Къ своему герою, болгарскому царю І. Александру, нашъ авторъ относится съ величайшею любовью, не то что къ двумъ царямъ византийцамъ. Онъ приводитъ похвалы І. Александру одного болгарина, переписавшаго для царя псалтырь, гдѣ тотъ въ своей припискѣ сравниваетъ его съ Александромъ Македонскимъ и Константиномъ Великимъ. Ссылается г. Сырку и на патріарха Каллиста: въ двухъ своихъ сочиненіяхъ называетъ де онъ царя болгарскаго „благочестивымъ, православленнымъ, благовѣрнымъ, и вмѣстѣ и боголюбивымъ болѣе, чѣмъ кто-либо изъ царей, говорить, что хранилъ благочестіе и добродѣтель и исполнилъ былъ разума болѣе, чѣмъ кто-либо другой“ (стр. 367), указываетъ и на священноинока Лаврентія, переписчика Евангелія 1348 г.:— онъ де „называетъ І. Александра благовѣрнымъ, христолюбивымъ, превысокимъ и самодержавнѣйшимъ царемъ болгаръ и грековъ. *Положимъ, прибавляетъ нашъ авторъ, въ этихъ словахъ ничего особеннаго не заключается* (какъ, можно бы прибавить, и въ словахъ на нашихъ конвертахъ, гдѣ мы другъ друга неличаемъ благородіемъ, высокблагородіемъ, превосходительствомъ и т. д.); *но все-таки отъзвъ* (титулоранье), *выраженный въ нихъ, не противорѣчитъ по своему характеру другимъ, приведеннымъ выше отъзвямъ. Еще болѣе интереса представляетъ* (чѣмъ отъзвъ Лаврентія, гдѣ *ничего особеннаго не заключается*) *отъзвъ* монаха Симона на Евангеліи 1356 г.; онъ называетъ его благовѣрнымъ, христолюбивымъ, величайшимъ и боговѣнчаннымъ самодержцемъ, содержащимъ скиптръ болгарскаго и греческаго царствъ съ благовѣрною боговѣнчанною царицею киро Теодорою, и желаетъ ему, чтобы Богъ ему даровалъ побѣду на враговъ, ратующихъ на него, и сокрушилъ главы ихъ подъ ногами его. *Затѣмъ онъ сравниваетъ царя и царицу болгарскихъ съ Константиномъ Великимъ и царицею Еленою.* „Не представляютъ ли, однако, вопрошаетъ г. Сырку, всѣ эти отъзвы, начиная съ пѣснивца, льстивыя преувеличенія льстивыхъ рабовъ? *Оправдываются ли сколько-нибудь историческими фактами всѣ перечисленные въ отъзвяхъ данныя?*“ (стр. 371—372).

Во всѣхъ этихъ такъ называемыхъ у г. Сырку *отъзвяхъ*, собственно говоря, есть одна только *данная* и довольно любопытная въ этнологическомъ и антропологическомъ отношеніи. Переписчикъ Псал-

тыри 1337 г., расписывая добродѣтели, заслуги и красоту царя, упоминаетъ объ его *сжатыхъ колѣняхъ*. Быть можетъ, это—любопытный признакъ наслѣдственности: І. Александръ былъ изъ половецкой или татарской династіи шишмановичей, а половцы, подобно всѣмъ туркамъ и вообще всѣмъ коннымъ народамъ, отличались, конечно, согнутыми (сжатыми) колѣнями.

Но для г. Сырку, какъ и можно было ожидать, особенно тутъ важно то, что восхваляются главнымъ образомъ подвиги и заслуги І. Александра, что здѣсь онъ сравнивается съ Александромъ Македонскимъ и съ Константиномъ Великимъ. „*Такое восхваленіе Александру*, прибавляетъ нашъ авторъ, *могъ написать только болгаринъ*“.

Съ этимъ послѣднимъ замѣчаніемъ г. Сырку нельзя не согласиться, особенно если прибавить къ его словамъ *только болгаринъ*: довольно ограниченный и притомъ изрядный подхалимъ. Въ самомъ дѣлѣ І. Александръ въ первыя пять-шесть лѣтъ своего царствованія еще не могъ сотворить ничего великаго. Отвоєванные имъ въ 1333 г. города—Ямболъ, Россокастро, Анхіаль и Месемврія были отняты императоромъ Андроникомъ у болгаръ только въ 1330 г. Эта утрата едва ли не была главною причиною сверженія съ престола болгарскаго царя Михайла Шишмановича, бѣжавшаго къ татарамъ. Благодаря слабости имперіи и успѣшнымъ военнымъ дѣйствіямъ Стефана Душана, помогшаго сѣсть на престолъ не законному наслѣднику, а узурпатору І. Александру, этотъ союзникъ сильнаго сербскаго краля легко могъ отобрать у грековъ это старое болгарское достояніе, столь недавно ими захваченное. И за это такъ прославляютъ современнымъ болгарамъ своего царя І. Александра тѣмъ менѣе приходилось, что они хорошо должны были знать о совершенныхъ за эти же пять лѣтъ (до 1337 г. включительно) сербскимъ государемъ Стефаномъ Душаномъ пріобрѣтеніяхъ въ родной болгарамъ Македоніи (гдѣ имъ взяты были еще въ 1333—4 г. Охридъ, Прилѣпъ, Касторія, Струмица, Воденъ и пр.). Тогдашнимъ болгарамъ-патріотамъ нельзя было не сознать, какъ возрасло могущество Сербіи при Милутинѣ († 1320) и Стефанѣ Душанѣ, особенно при сравненіи съ тѣмъ, чѣмъ была Болгарія при І. Асѣнѣ II († 1241) и чѣмъ она стала теперь. Только крайніе льстецы могли въ это время такъ прославлять І. Александра.

Не вникая никогда въ смыслъ историческихъ явленій, на поставленный имъ себѣ, довольно странный, вопросъ нашъ авторъ даетъ отвѣтъ еще болѣе странный.

На вопросъ: „оправдываются ли сколько-нибудь историческими

фактами всё перечисленные въ отзывахъ данныя" — онъ отвѣчаетъ: „Изъ всего приведеннаго мною выше ясно видно, что *отзывы* объ I. Александрѣ *совсѣмъ непреувеличены, следовательно въ нихъ отражаются достоверные факты. Ничего нѣтъ удивительнаго послѣ этого, что авторъ пѣснища сравниваетъ его съ Александромъ Македонскимъ и Константиномъ Великимъ. Судя по его дѣяніямъ, онъ былъ однимъ изъ самыхъ мудрыхъ государей Болгаріи*“ (стр. 376).

„Изъ всего сказаннаго можно заключить, что Болгарія въ царствѣ I. Александра была *сравнительно въ одномъ изъ лучшихъ состояній, какія только она переживала. Верховный ея повелитель* предлагалъ все свое стараніе, чтобы довести свое государство до такого состоянія. Следовательно, *отзывы современниковъ объ I. Александрѣ не только не представляютъ льстивыхъ похвалъ, но иногда они не исчерпываютъ всего того, что этотъ царь сдѣлалъ для своего государства*“ (стр. 390).

И такъ г. Сырку увѣренъ, что I. Александра не только можно ставить рядомъ съ великимъ ученикомъ Аристотеля, гениальнымъ выразителемъ эллинизма и распространителемъ его въ Азіи и Египтѣ, или съ императоромъ Константиномъ, навсегда связавшимъ свое имя съ Миланскимъ эдиктомъ 313 г., съ первымъ признаніемъ правъ христіанъ на свободу ихъ вѣроисповѣданія въ имперіи и съ перенесеніемъ столицы въ построенный имъ Константинополь на мѣстѣ древней греческой Византіи, гдѣ и просуществовала имперія еще слѣшкомъ тысячу лѣтъ, обратившись въ VI—VII вѣкахъ изъ Римской въ Греческую, а съ IX—X вѣка въ греко-славянскую.

Во всемъ наговоренномъ г. Сырку, въ оправданіе его удивительнаго положенія, забыто имъ одно, что Болгарія при I. Александрѣ (1331—1365 г.) продолжала подвергаться начавшимся съ 1242 г. татарскимъ набѣгамъ и раззореніямъ съ сѣвера изъ-за Дуная, а съ половины XIII вѣка нападеніямъ грековъ, каталанъ и съ 40—50-хъ гг. турокъ-османовъ съ юга. Съ занятія Каллиполя (Галиполи), Дидимотики и Адрианополя, еще при I. Александрѣ турки отняли у болгаръ Филиппополь съ Родонскими замками, такъ легко доставшимися I. Александру въ 1344 г.,—они были ему уступлены императрицею Анною за обѣщанную имъ помощь противъ I. Кантакузина, хотя онъ ей и не помогъ. Часть его владѣній до самаго Балкана была изрядно опустошена турками, такъ что сама столица, г. Терновъ, находилась въ опасности. При Александрѣ турки начали, а при его сыновьяхъ Шишманѣ и Срацимирѣ завершили завоеваніе Болгаріи: въ 1393 г.

пало Терновское, а въ 1396 г. Видинское царство. Впрочемъ Видинъ еще въ 1365 г. былъ завоеванъ Венгерскимъ королемъ Людовикомъ. Царя Срацимира онъ взялъ въ плѣнъ и продержалъ у себя около четырехъ лѣтъ. Враждебный ему братъ Шишманъ вступилъ въ союзъ съ турками въ 1366 г., сталъ тогда же вассаломъ султана Мурада и сдалъ ему въ гаремъ свою сестру. Но венгерцы съ помощью валаховъ успѣшно отразили болгаръ и турокъ. Нѣсколько позже, помирившись съ венгерцами, валахи соединились съ Шишманомъ и помогли болгарамъ возстановить Видинское царство (1369 г.), куда и воротился І. Срацимиръ. Но въ эти же годы Шишманъ долженъ былъ уступить императору Іоанну V Палеологу Созополь, Анхіалъ и Месемврію, а туркамъ Ямболъ, Визію, Киркилису, Самоковъ и Ихтиманъ. За это же время два царя болгарскихъ, братья Срацимиръ и Шишманъ, ведутъ между собою войны. Послѣдній (1371 г.) потерялъ даже Софію. Отступивши отъ Терновскаго патріарха, Срацимиръ подчинилъ церковь въ своемъ государствѣ патріарху Цареградскому. Доставшаяся Срацимиру Софія съ своею епархією, по рѣшенію этого патріарха, была подчинена Видинскому митрополиту. Впрочемъ въ 1378 г. Софія снова уже принадлежать Шишману, а въ 1382 г. переходитъ въ руки турокъ. Въ 1388 г. войско Мурада изъ Адрианополя двинулось за Балканы: былъ взятъ Шуменъ съ окрестностями, сдалась столица Терновъ. Турки подошли къ хорошо укрѣпленному Никополю (на Дунаѣ), гдѣ засѣлъ Шишманъ. На помощь визирю, предводителю авангарда, явился султанъ Мурадъ съ своими главными силами. Шишманъ заключаетъ миръ, обѣщаетъ уплатить дань за нѣсколько лѣтъ и сдать крѣпость Силистрію (Дерстеръ). Но когда Мурадъ удалился съ своимъ войскомъ, Шишманъ, вопреки обѣщанію, отказалъ въ сдачѣ Силистріи. Тогда визирь беретъ ее приступомъ, занимаетъ другіе города и крѣпостцы на Дунаѣ и осаждастъ Никополь. Есть извѣстье, что Шишманъ съ женою и съ дѣтьми вышелъ изъ города и, бросившись въ ноги къ визирю, умолялъ его о помилованіи. Царь болгарскій вмѣстѣ съ семействомъ былъ отправленъ къ Мураду. Султанъ его помиловалъ и оставилъ за нимъ его титулъ и часть его царства (1388 г.). Вскорѣ однако, послѣ Коссовской битвы, гдѣ погибъ Мурадъ, при его преемникѣ Баязидѣ, Терновское (1393 г.), а за нимъ и Видинское царство (1396 г.) были окончательно завоеваны турками. Наступившее иго турецкое въ Болгаріи продолжалось безъ мала половину тысячелѣтія (около 482—485 лѣтъ) ¹⁾.

¹⁾ Г. Сырку высказалъ объ этомъ очень любопытное соображеніе: „обиліе преданій и существованіе и до сего времени народныхъ пѣсенъ о подпадении

Такъ медленно въ теченіе почти полувѣка, хотя и постепенно, разрушалось Болгарское государство. Причины паденія какъ Болгаріи, такъ и Сербіи и Босніи (въ XV вѣкѣ), равно какъ и другихъ славянскихъ государствъ: Чехіи (въ первой четверти XVII вѣка) и Польши (въ концѣ XVIII вѣка) были не столько вѣшнія, сколько внутреннія: географическое положеніе и природа страны, составъ и свойства населенія, особенности духовнаго, общественнаго и государственнаго развитія при нѣсколькихъ поколѣніяхъ подготавливали это паденіе. Умнымъ людямъ изъ грековъ и болгаръ, хорошо знавшимъ положеніе Болгаріи въ 40—50 гг. XIV вѣка, было ясно, что она идетъ по наклонной плоскости и неминуемо станетъ добычею турокъ. Такъ прямо высказывали это греки: I. Каптакузинъ въ 1351 г., Дмитрій Кидопій въ первой половинѣ 1366 г. и природный болгаринъ—*Θεодосій Терновскій* († 1362), о чемъ говоритъ Григорій Цамблакъ, впрочемъ по своей риторской манерѣ приписывая это предсказаніе *Θεодосія* чуду и откровенію свыше.

ХІІ.

Прославляя царя I. Александра, какъ красиваго мужчину и мудраго политическаго дѣятеля, г. Сырку восхваляетъ и его нравственный характеръ, его этическія стороны. Онъ видитъ въ немъ великаго христіанина, оплотъ православія.

Нравственная сторона, возвышенный характеръ общественныхъ дѣятелей имѣетъ безспорно огромное значеніе для историковъ. Но для оцѣнки этихъ дѣятелей историкъ нужно обладать возможно полнымъ запасомъ данныхъ и ясно сознаваемыми высокими этическими началами.

На стр. 355 г. Сырку говоритъ: „что же касается простоты и невѣжественности (патріарха терновскаго *Θεодосія*), то это оцѣнка сравнительная, и нѣтъ основанія думать, что патріархъ терновскій не былъ менѣе образованъ, чѣмъ *Θεодосій Терновскій*. Нужно полагать, что патріархъ не былъ настолько образованъ, чтобы понимать *всѣ тонкости христіанской догматики и нравственности*“.

Положимъ, еще можно говорить о тонкостяхъ догматическихъ, но что значить: *всѣ тонкости христіанской нравственности?*

На стр. 364 авторъ упоминаетъ объ извѣстномъ и въ русской

Болгаріи подъ турецкое иго указываютъ, что это событіе произвело большое впечатлѣніе на тогдашнее болгарское общество (стр. 582).

исторіи монахъ-проидохъ Теодоритъ: онъ прибылъ въ Цареградъ и облыжно завѣрялъ, какъ потомъ оказалось, о смерти русскаго митрополита Θεогноста, прося патріарха о своемъ поставленіи на мѣсто покойнаго. Патріархъ просилъ повременить, пока удостовѣрится изъ Руси о дѣйствительной кончинѣ тамошняго митрополита. Теодоритъ послѣшилъ тогда изъ Цареграда въ Терновъ, гдѣ патріархъ Θεодосій, безо всякихъ справокъ, поставилъ его въ русскіе митрополиты. Г. Сырку отзывается объ этомъ случаѣ: это де былъ „поступокъ терновскаго патріарха предосудительнаго характера“... „съ точки зрѣнія константинопольскаго патріарха“ (стр. 364).

Вѣроятно, г. Сырку разумѣетъ здѣсь одну изъ *всѣхъ тонкостей христіанской нравственности.*

На стр. 359—360. „Чтобы доказать свои права *націоналисты* (болгарскіе XIV вѣка) прибѣгаютъ къ *искаженію истины, зная прекрасно, что этимъ путемъ лучше всего можно вносить въ сознание народа идеи, идущія на встрѣчу народному самолюбію*“.

Стр. 358. „Въ области литературной они нерѣдко жертвовали *исторической и нравственной истиною* для того, чтобы *возвеличивать и возвышать родъ болгарскій. И это было необходимо. Нужно было поднять духъ народа, сознание необходимаго достоинства, увѣренность въ себя; ибо все это было убито зметомъ византійщины, которая на югъ славянскомъ была лучшимъ и высшимъ выразителемъ тогдашней культуры и цивилизаціи*“. Далѣе авторъ сравниваетъ этихъ націоналистовъ XIV вѣка съ болгарскими націоналистами прошлаго и первой половины нынѣшняго столѣтія: съ Паисіемъ Самоковскимъ, Софроніемъ Врачанскимъ, Неофитомъ, Раковскимъ, Цанковымъ, Драгановымъ и др. Тѣхъ и другихъ называетъ онъ *психопатологиками*, вѣроятно—*психопатами*. Тутъ же не кстаті номѣстилъ онъ и Верковича, совершенно напрасно поставивъ его въ одинъ рядъ съ почтеннѣйшимъ дѣятелемъ Неофитомъ. Да и едва ли когда большая часть прочихъ вышепомянутыхъ болгаръ сознательно и намѣренно искажали истину. „Разница между націоналистами XIV вѣка и болгарскими представителями нашего времени та, что *тенденціи первыхъ были шире и грандіознѣе и самыя дѣйствія ихъ были смѣлѣе и дѣйствующія лица самоувѣреннѣе. И это совершенно ясно.* Въ XIV вѣкѣ жизнь болгаръ текла полнымъ своимъ теченіемъ (должно быть подъ вліяніемъ частыхъ набѣговъ татарскихъ съ сѣвера и турецкихъ съ юга); между тѣмъ какъ жизнь болгаръ XVIII и первой половины XIX столѣтія

была весьма ограничена и стѣснена и поэтому *и во всякомъ начинаніи болгары были робки и скорѣе дерзки, чѣмъ смѣлы*" (стр. 359).

Всѣ симпатіи автора на сторонѣ болгаръ XIV вѣка, потому что въ своихъ замыслахъ (начинашяхъ) они не были робки, а были смѣлы и самоувѣренны. Позволю себѣ замѣтить, что мнѣ при этомъ вспоминаются слова одного изъ современныхъ болгарскихъ дѣятелей, воспитанныхъ въ эпоху *великаго* болгарина Стамбулова. Говоря о мадьярахъ, этотъ болгарскій дѣятель замѣтилъ: „Мнѣ они нравятся за свою смѣлость и наглую самоувѣренность, ибо въ концѣ концовъ: *nur die Lumpen sind bescheiden*". Отрицательное отношеніе къ такой смѣлости и къ такой свободѣ отъ предрасудковъ, вѣроятно, тоже должны быть причислены къ *тонкостямъ* христіанской нравственности.

Великій почитатель царя І. Александра, г. Сырку замѣчаетъ про него: 1) „Обширныя и всякаго рода заботы болгарскаго царя І. Александра объ его государствѣ показываютъ самымъ очевиднымъ образомъ, что этотъ государь былъ *большой націоналистъ*" (стр. 397). 2) „Будучи уже по своей политической природѣ, если можно такъ выразиться, *націоналистомъ*, всегда поддерживалъ Θεодосія, въ особенности, если послѣдній выступалъ на защиту интересовъ государства и церкви. Мало того, онъ, какъ было выше показано не одинъ разъ, имѣлъ къ нему особенное расположеніе. Несомнѣнно, что І. Александръ *въ нужныхъ случаяхъ* также относился и къ представителямъ *національной партіи* (зачѣмъ бы онъ былъ большимъ націоналистомъ, если только въ нужныхъ случаяхъ) въ особенности тамъ, гдѣ вопросъ касался *полной независимости церкви и государства болгарскаго*" (стр. 397).

Стр. 376. „*Изнуренныхъ и обезсиленныхъ византійцевъ, раздѣленныхъ несогласіями...*, І. Александръ зналъ слишкомъ хорошо и еще лучше понималъ, что быть искреннимъ съ ними не всегда возможно и съ политической точки зрѣнія даже не позволительно. Поэтому вся политика по отношенію къ нимъ была основана на томъ, *чтобы побольше отъ нихъ брать, когда къ этому представлялся благоприятный случай*, и очень мало или даже ничего не давать, зная прекрасно, что если онъ не возьметъ, то возьмутъ другіе, и конечно І. Александру не было никакого расчета оставлять другимъ то, что по праву сосѣда принадлежало или могло принадлежать ему".

Здѣсь отношенія І. Александра и его Болгаріи къ имперіи представлены въ такомъ невѣрномъ видѣ: она въ полномъ упадкѣ, Болгарія могучая процвѣтаетъ, ея сильный государь какъ бы господ-

ствуеть надъ Византією и воленъ распоряжаться въ ней и съ нею, какъ ему хочется. Правда, въ 1344 году, благодаря интригамъ императрицы Анны противъ Кантакузина, онъ получилъ отъ нея Филиппополь и нѣсколько родопскихъ замковъ за обѣщаніе помочь ей противъ Кантакузина, но занять то эти переданные ему города онъ занялъ, а помощи не оказалъ и не потому только, что не хотѣлъ, желая надуть, но и потому что было ему не по силамъ. Когда же онъ попытался овладѣть гористою областью Морра—недалеко отъ Дидимотики, то Кантакузинъ легко отбилъ его, хотя тамошнее населеніе и тогда было славянское, болгарское, а не греческое.

По занятіи Адрианополя (1364 года) турки скоро завладѣли Филиппополемъ и прочими родопскими городками. *Измурети* и *обезсилены*, *раздѣлены несогласіями* въ то время была не одни византійцы, но также и болгары. Столицу болгарскую, г. Терновъ, г. Сырку совершенно напрасно изображаетъ такимъ прекраснымъ и богатымъ городомъ. Послѣ Асѣня II († 1241 года) съ упадкомъ царства падалъ и Терновъ; да вообще едва ли и при Асѣнѣ II могъ онъ быть на полуостровѣ вторымъ городомъ послѣ Константинополя: Солунь, благодаря своимъ древнимъ великолѣпнымъ храмамъ и приморскому положенію, большей торговлѣ и образованности жителей, всегда занимала это второе мѣсто. I. Кантакузинъ называетъ и Филиппополь городомъ большимъ и красивымъ. Если современные I. Александру византійцы были слабы, нравственно испорчены, то и болгары тогдашніе разнились отъ нихъ не столько высотой своей нравственности, сколько гораздо меньшимъ умственнымъ развитіемъ и еще низкимъ образованіемъ.

Въ лукавствѣ и извѣстной низости I. Александръ, конечно, не уступалъ многимъ лукавымъ византійцамъ. Когда I. Кантакузинъ жилъ въ гостяхъ у Стефана Душана (1342 года), то I. Александръ не разъ писалъ Душану и его женѣ, своей родной сестрѣ, уговаривая ихъ или заточить куда-нибудь, или просто даже умертвить Кантакузина.

Г. Сырку знаетъ, что I. Александръ сѣлъ на престолъ съ помощью Стефана Душана, хлопотавшаго также у Дубровницкаго правительства о выдачѣ болгарскому царю жены убитаго болгарскаго царя Михаила и ихъ малолѣтняго сына Шишмана. Очевидно, I. Александръ, какъ узурпаторъ, чувствовалъ себя, согласно съ Душаномъ, не совсѣмъ обезпеченнымъ, пока не овладѣетъ сыномъ своего предшественника. Можно догадываться, что, добывъ себѣ мать и ребенка, по

меньшей мѣрѣ онъ заточилъ бы ихъ куда-нибудь подальше. Этотъ „благочестивый“, „боголюбивый“, „православнѣйшій“ государь былъ сначала женатъ на дочери валашскаго воеводы Ивана Бессараба и имѣлъ отъ нея трехъ сыновей, быть можетъ, были у нихъ и дочки. Какъ бы то ни было, но ему приглянулась какая-то еврейка. Г. Сырку (стр. 271), видимо, хочется признать, что она „можетъ быть“ „была не простаго происхожденія. Правда, *вниманіе* *І. Александра на нее могло быть чисто случайное*; но при другихъ обстоятельствахъ или указаніяхъ, случайность въ данномъ случаѣ можно подвергнуть сомнѣнію“. Эта еврейка, пусть она будетъ не простаго происхожденія, „по византійскимъ источникамъ, говоритъ г. Сырку, *по крещеніи, была некоторое время любовницей царя*“ (стр. 7 прим. 3). Итакъ вотъ „достоверные факты“ и оправданіе хвалебныхъ отзывовъ объ *І. Александрѣ*, его *благочестіи*, *благочестіи* и *монахолобіи*. Полюбившуюся ему еврейку онъ прежде окрестилъ, а затѣмъ уже взялъ себѣ въ наложницы, жену же свою, разлучивъ съ дѣтьми, не отпускаетъ на родину, а заточаетъ ее, должно быть, изъ *монахолобія*, въ монастырь, гдѣ и постригаютъ ее, по его, конечно, приказу, и только тогда уже онъ вступаетъ въ новый законный бракъ.

Хотя г. Сырку не преминулъ и здѣсь обратить вниманіе на большую разность лѣтъ сочетавшихся¹⁾, но при сужденіи объ императорахъ Никифорѣ и *І. Цимисхій* онъ не могъ умолчать, что тотъ и другой были стары для молодой *Феофано*. Вторую жену, еврейку, *І. Александръ* называлъ именемъ первой жены, не столько, вѣроятно, въ знакъ памяти о первой, сколько для сохраненія въ народѣ мнѣнія черезъ ектеньи, что онъ по прежнему женатъ на той же *Феодорѣ*. Ни красота лица, ни ширина спины и вообще необыкновенная сила второго мужа *Феофано* не преклонили сердца г. Сырку въ пользу *І. Цимисхія*: — онъ де все таки „былъ довольно старъ для нея“. Совсѣмъ иное мѣрило у г. Сырку для *І. Александра*: онъ былъ красивъ и, конечно, также крѣпокъ, ибо „смогъ привязать къ себѣ молодую супругу, еврейку *Феодору*“, подарившую ему не только сына *Срацимира*, но, какъ думаетъ г. Сырку, и трехъ дочерей [„можно думать, что и представленныя здѣсь (въ Еванг. Брит. Муз.) дочери *Александра*: *Кераамарь*, *Кераца* и *Десислава* рождены отъ жены-еврейки“ (стр. 7 пр. 3)].

¹⁾ „Нужно полагать, что *І. Александръ* женился на *Феодорѣ* (второй), будучи довольно пожилыхъ лѣтъ, между тѣмъ *Феодора* была еще довольно молодая женщина“ (стр. 7).

Г. Сырку ставить І. Александра выше Никифора Фоки и І. Цимисіа и уподобляетъ его, въ слѣдъ за достойными его современниками, Александру и Константину Великими не столько въ виду этого многочадія, сколько за его апостольскую ревность: „І. Александръ *привязалъ къ себѣ и сдѣлалъ вмѣстѣ съ тѣмъ (свою молодую супругу) и добрую христіанкой, она была такою ревностною христіанкой, что возобновляла многія церкви и основала монастыри*“.

Отзывъ писца Псалтыри еще въ 1337 г., назвавшего І. Александра, какъ бы въ духѣ пророчества „оплотомъ православія“, г. Сырку подтверждаетъ своимъ описаніемъ Терновскаго собора противъ евреевъ 1360 г. Здѣсь были осуждены три еврея, но одинъ изъ нихъ не искренно, а „страху, де, ради смерти“, покаялся и просилъ принять его въ лоно церкви. „Два остальные остались твердыми въ іудействѣ и не стѣснялись говорить и поносить христіанство предъ соборомъ“. „Когда ихъ вели на мѣсто казни, на нихъ накинулась съ крикомъ народная толпа и одного изъ нихъ умертвила. Другого же устыли довести до вшафота и тамъ отрѣзали ему языкъ, такъ какъ онъ сильно и неудержимо поносилъ православную вѣру. По повелѣнію царя и патріарха и по рѣшенію собора... написанъ былъ свитокъ красными и царскими чернилами, къ нему привѣшена была царская печать“. Умиленный г. Сырку заключаетъ это описанье слѣдующимъ размышленіемъ: „*Это было однимъ изъ самыхъ видныхъ и выдающихся торжествъ православія въ Болгаріи XIV вѣка*“ (стр. 270).

Въ дополненье къ характеристикѣ историческаго міросозерцанья и этическихъ воззрѣній нашего автора, приведемъ еще слѣдующее мѣсто изъ его филиппики противъ новѣйшихъ фанариотовъ: „Подобно византіяцамъ, звавшимъ турокъ на помощь то противъ своихъ братьевъ, то противъ славянъ, они нерѣдко вводятъ этихъ же турокъ въ церковныя и даже религіозныя дѣла и силою и властію нечестивыхъ агарянъ *угнетаютъ и порабащаютъ своихъ братьевъ по вѣрѣ или по крайней мѣрѣ стремятся къ этому и, что всего печальнѣе, почти всегда не изъ интересовъ вѣры и церкви (то-есть, угнетаютъ и порабащаютъ своихъ братьевъ и пр.), но видные корыстными видами и дѣлами или властолюбіемъ и самолюбіемъ, что совершенно противно нашимъ православнымъ началамъ*“ (стр. 322).

В. Ламаевскій.

(Окончаніе слѣдуетъ).

ЖУРНАЛЪ
МИНИСТЕРСТВА
НАРОДНАГО ПРОСВѢЩЕНІЯ.

СЕДЬМОЕ ДЕСЯТИЛѢТІЕ
ЧАСТЬ СССХХVI.

1899.

ДЕКАВРЬ.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
Типографія „В. С. Балашевъ и К^о“. Наб. Фонтанки, 95.
1899.

СОДЕРЖАНІЕ.

ПРАВИТЕЛЬСТВЕННЫЯ РАСПОРЯЖЕНІЯ.	36
П. Н. Ардашевъ. Провинціальная администрація во Франціи въ послѣднюю пору стараго порядка. Глава V (продолженіе)	181
Н. Я. Марръ. Возникновеніе и развитіе древне-грузинской свѣтской литературы	223
Е. Н. Щенкинъ. Русско-австрійскій союзъ во время семилѣтней войны. Глава II (продолженіе)	253
Графъ П. А. Каннистъ. Историческій очеркъ развитія средняго образованія въ Германіи. III (продолженіе)	271

КРИТИКА И БИБЛИОГРАФІЯ.

Л. Ю. Шенелевичъ. Критическое изданіе „Донъ Кихота“	303
И. Н. Квачала. Das gesammte Erziehungs- und Unterrichtswesen in den Ländern deutscher Zunge. Berlin. 1898	308
В. И. Ламанскій. Къ исторіи исправленія книгъ въ Болгаріи въ XIV вѣкѣ. Изслѣдованіе II. Сържу. Томъ I, вып. 1-й. С.-Пб. 1898 (окончаніе)	312
— Книжныя новости	362
— Наша учебная литература (разборъ 5 книгъ)	17

ООВРЕМЕННАЯ ЛѢТОПИСЬ.

— Къ вопросу о педагогической подготовкѣ учителей для среднихъ учебныхъ заведеній и объ улучшеніи матеріальнаго ихъ положенія (продолженіе)	49
— Наши учебныя заведенія: Объ попыткахъ вѣрности въ 1898 году	79
Л. Л—ръ. Письмо изъ Парижа	122
А. И. Загоровскій. О преподаваніи и изученіи гражданскаго права, въ связи съ нѣкоторыми другими, сюда относящимися вопросами (продолженіе)	132

ОТДѢЛЪ КЛАССИЧЕСКОЙ ФИЛОЛОГІИ.

П. Д. Первовъ. Consecutio temporum въ латинскомъ языкѣ сравнительно съ русскимъ языкомъ	81
В. Ю. Мальбергъ. По поводу новыхъ реконструкцій трехъ античныхъ фронтоновъ (продолженіе)	83
Е. М. Придикъ. Греческія заклатія и амулеты изъ Южной Россіи	115

ОБЪЯВЛЕНІЯ.

Редакторъ Э. Радловъ.

(Вышла 1-го декабря).

Къ исторіи поправки книгъ въ Болгаріи въ XIV вѣкѣ. Исслѣдованіе И. Сырку. Томъ I, вып. 1-й. Время и жизнь патріарха Евенія Терновскаго. С.-Пб. Типографія Импер. Академіи Наукъ. 1898. XXXII+609+641 стр. въ 8-ку¹⁾.

XIII.

„Зачѣмъ и къ чему останавливаться было, да еще такъ долго, на языкѣ и стилѣ мало извѣстнаго и плохаго писателя“,—вопросъ, правда, еще ни отъ кого мною не слышанный, но естественно ожидаемый. Мы такъ мало изучаемъ языкъ и стиль даже великихъ нашихъ писателей, что при значительномъ развитіи русской критики художественной или эстетической, историко-соціальной, психологической или такъ называемой органической (А. Григорьева), у насъ и названія не встрѣтите критики филологической. Какъ будто одни древніе греческіе и римскіе писатели могутъ и должны быть предметомъ ея изслѣдованій. Развѣ Дантъ, Шекспиръ и болѣе новые писатели у французовъ, нѣмцевъ, итальянцевъ и англичанъ не служатъ предметомъ столь же внимательнаго изученія со стороны языка и слога? И не одни великіе и второклассные, но и третъестепенные и даже совсѣмъ плохіе писатели заслуживаютъ такого изученія. На послѣднихъ, представителяхъ упадка, вырожденія школы можно выслѣживать часто едва замѣтные ихъ зародыши въ великихъ писателяхъ. Такъ отъ подражателей Бернини и отъ него самого доходитъ историкъ до ахилловой пяты великаго Микель-Анджело. Но не одна художественная, но и *собственно* прозаическая или дидактическая литература заслуживаетъ внимательнаго изученія со стороны языка и стиля. Языкъ прозаической или поучительной литературы всегда почти отстаетъ отъ языка художественной. Великими мастерами роднаго языка бывали и бывають вездѣ по преимуществу великіе поэты и художники. Впрочемъ, и великіе мыслители и видные ученые (Платонъ, Аристотель, Паскаль, Беконъ, Вольтеръ, П. Л. Курье) вносили много въ сокровищницу роднаго языка по части простоты и точности, ясности и опредѣленности, иные изъ нихъ достигали и удивительнаго изящества рѣчи.

Что же касается русскаго художественнаго и прозаическаго языка и стиля, то у насъ область эта почти совершенно не тронутая. Правда,

¹⁾ Окончаніе. См. ноябрьскую книжку *Журнала Министерства Народнаго Просвѣщенія* за текущій годъ.

для повѣйшаго Академическаго словаря почти всѣ сколько-нибудь замѣчательные писатели наши отъ Пушкина до самыхъ новѣйшихъ болѣе или менѣе использованы, но отдѣльныхъ филологическихъ работъ о языкѣ и стилѣ нашихъ первоклассныхъ, а тѣмъ болѣе второстепенныхъ и третьестепенныхъ писателей у насъ почти не имѣется. Какъ на наиболѣе замѣчательные можно указать на опыты К. Аксакова и Будиловича объ языкѣ Ломоносова, Кеневича и В. Срезневскаго объ языкѣ Крылова и Хемницера и, наконецъ, на недавній прекрасный трудъ Э. Е. Корша о Пушкинѣ, по поводу недавно объявленнаго конца Русалки.

Нашъ внимательный разборъ языка и слога г. Сырку можетъ служить примѣромъ и доказательствомъ безполезности такихъ работъ и относительно языка поучительной прозы или дидактическаго отдѣла литературы и языка и слога плохихъ писателей. Какъ всегда въ наукѣ, такъ и въ данномъ случаѣ, внимательное изученіе частныхъ и мелочей наводитъ мысль на явленія общія, открываетъ ей новые кругозоры.

XIV.

Прежде, всего по своему языку и стилю г. Сырку съ своею книгою можетъ быть отнесенъ къ разряду немалочисленныхъ русскихъ писателей-инородцевъ, и притомъ такихъ, что не вполне овладѣли русскимъ языкомъ. Частнѣе онъ принадлежитъ къ русскимъ писателямъ изъ румынъ.

Живое, дѣятельное участіе инородцевъ, иноплеменниковъ въ русской литературѣ и образованности—одно изъ отраднѣйшихъ явленій. Съ распространеніемъ просвѣщенія въ Россіи и внутреннимъ ея ростомъ, этому участію предстоитъ и внутреннее и внѣшнее (интенсивное и экстенсивное) возрастаніе. Оно сулитъ нашей образованности новые элементы разнообразія, живописности и сочности и должно все болѣе придавать нашей культурѣ характеръ всеобщности, какъ впрочемъ оно и подобаетъ такому имперскому или царственному народу, какъ русскій.

Румынское происхожденіе въ г. Сырку сказывается не въ одномъ нетвердомъ знаніи русскаго языка. Да и вообще это личный его недостатокъ, а не непрѣнное условіе иноплеменнаго, инороднаго происхождения русскаго писателя. Достопамятные въ русской образованности и наукѣ румыны—Петръ Могила, Димитрій Кантемиръ и его

сынъ Антиохъ, первый писатель въ нашей новой литературѣ, одинъ изъ высокообразованнѣйшихъ и умныхъ русскихъ дѣятелей XVIII вѣка. Правда, молдаване Кантемиры не были чистыми румынами. Они были родомъ изъ ногайскихъ татаръ-мусульманъ: спасая свою жизнь, Хан-темиры бѣжали изъ Константинополя въ Молдавію и приняли христіанство въ 1635—1637 гг. Отецъ господаря Димитрія (р. 1663 г. у Майкова), Константинъ, былъ изъ первыхъ Хантемировъ, воспитанныхъ въ христіанствѣ¹⁾. Димитрій большую половину своей жизни, до переселенія въ Россію, провелъ въ Константинополѣ, гдѣ и получилъ прекрасное образованіе въ отличной греческой школѣ. Антиохъ Кантемиръ родился въ Константинополѣ отъ матери гречанки и двухъ лѣтъ привезенъ былъ въ Россію, гдѣ въ Москвѣ и Петербургѣ получилъ превосходное образованіе. По темпераменту, образованію и направленію и Димитрій и особенно Антиохъ Кантемиръ, сынъ гречанки, — были больше греки, чѣмъ румыны. Г. Сырку не первый румынъ даже на службѣ въ Петербургскомъ университетѣ. До него былъ тамъ преподавателемъ румынскаго языка весьма достойный ученый, составитель прекраснаго труда, весьма замѣчательной грамматики румынскаго языка—Гинкуловъ, владѣвшій отлично русскимъ языкомъ.

По неправильности языка, г. Сырку и его послѣдняя книга примыкаютъ къ разряду дѣятелей и памятниковъ той славянской письменности, „которая, говоря словами самого г. Сырку, сформировалась между румынами“ (стр. 166, прим.). Но румынство г. Сырку сказывается, — и въ томъ наилучшая сторона его дѣятельности, — не въ одномъ неумѣломъ владѣніи русскимъ языкомъ, а и въ стремленіи ознакомить русскую литературу съ тѣмъ, что дѣлается у румынъ по изученію ихъ мертвой и живой старины, что имѣется въ ихъ старой и новой литературѣ болѣе или менѣе важнаго относительно Россіи и южной славянщины. Въ этомъ отношеніи г. Сырку могъ бы всего болѣе принести пользы русской наукѣ. Въ разбираемой книгѣ встрѣчаются замѣчанія или соображенія г. Сырку, правда, не особенно убѣдительныя, пожалуй даже нѣсколько забавныя, но и симпатичныя, какъ искреннее выраженіе сердечной и чуждой всякихъ личныхъ интересовъ привязанности къ своей народности. Такъ, онъ въ болгарскихъ рукописяхъ съ радостью „многимъ незнакомой“ встрѣчаетъ

¹⁾ Въ Русск. Арх. Сестра Ант. Кантемира, а въ Исторіи о жизни и дѣлахъ Молдавскаго господаря кн. Константина Кантемира сочин. С.-Пб. Ак. Н. покойн. проф. Бееромъ. М. 1763.—Конст. Кант. род. около 1627 г., а сынъ его Димитрій въ 1673 г.

двухъ *Фудуловъ*: а) славянскаго писца и переводчика съ греческаго языка въ монастырѣ парорійскомъ, б) *Фудула* или *Фудулу*—еретика, и находить, что это *въ высшей степени замѣчательно* (стр. 448) и „*заслуживаетъ вниманія тотъ интересный фактъ*, что между болгарскими писками мы находимъ втораго Фудула“ (стр. 570). Румынъ, влаховъ среди болгаръ за Дунаемъ, вообще на югѣ, въ XIV вѣкѣ и раньше было гораздо больше, чѣмъ теперь, и процессъ ославяненія румынъ, влаховъ совершался постепенно, въ теченіе столѣтій, со времени введенія славянскаго богослуженія и распространенія славянской письменности у болгаръ. Румыны носили, безъ сомнѣнія, славянскія имена и прозвѣща, какъ славяне въ свою очередь имена и прозвѣща румынскія. По одному румынскому имени или прозвѣщу того или другаго болгарина, заключать о румынскомъ его происхожденіи еще трудно. Наконецъ, за *Фудула* могъ сойти и *Феодулъ*, такъ какъ *Евѣмій* не всегда *Евѣмій*¹⁾. Г. Сырку не можетъ также разстаться съ мыслью о румынскомъ происхожденіи Цамблаковъ (Кипріана, Григорія), и ему видимо очень хочется породнить патріарха Евѣмія съ Кипріаномъ, а слѣдовательно и своего героя произвести изъ румынъ²⁾.

Иностранное, иноплеменное происхожденіе писателя не связано непременно ни съ искаженіемъ языка, ни съ невинными и чистыми, но все же ошибочными, увлеченіями, въ родѣ желанія выдать, напримеръ, патріарха Евѣмія за румына. Тѣмъ не менѣе иностранцу, иноплеменнику-писателю предстоитъ, безъ внесенія въ чужой монастырь своего устава, полный просторъ проводить свои личныя и національныя особенности въ усвоенный имъ чужой языкъ и литературу. Лучшими тому примѣрами служатъ:—видный нѣмецкій поэтъ и прекрасный натуралистъ-писатель, природный французъ Шамиссо, внесшій въ свой нѣмецкій языкъ и слогъ галльскую живость, легкость и остроуміе, и одинъ изъ самыхъ крупныхъ послѣ Шиллера и Гете, нѣмецкихъ поэтовъ, еврей Гейне. при полномъ сохраненіи темперамента своего древняго племени, бывшій великимъ мастеромъ нѣмецкаго языка.

¹⁾ Фудулъ (Сырку, стр. 200) у румынъ—*юрдий*, но обыкновенно, сколько мнѣ извѣстно, гордый *mândri*, гордость—*mândria*. Не у русскихъ ли румынъ *Фудулъ юрдий?*—*Феодулъ зуби надулъ*, чванливый, недовольный. Вѣдь и *mândri*—мадръ.

²⁾ Укажу на очень полезныя его статьи: „Значеніе румыновѣдѣнія для славянской науки“ (*Журналъ Министерства Народнаго Просвѣщенія* 1884 г.).—„Румынскій офціальный духовный журналъ“ (Хр. Чт. 1882). „Наши Раскольники въ Румыніи и взглядъ на нихъ румынскаго общества“ (Хр. Чт. 1878, 1879—1880 гг.). „Новый взглядъ на жизнь и дѣятельность Григорія Цамблака“ (*Журналъ Министерства Народнаго Просвѣщенія* 1885 г.).

XV.

Въ языкѣ и стилѣ г. Сырку, и главнѣйше разбираемой его книги, за отвлеченіемъ ошибокъ противъ языка, есть черты и особенности, свойственныя цѣлому разряду чисто-русскихъ авторовъ и книгъ: не даромъ г. Сырку родился, воспитался и образовался въ Россіи, двадцать слишкомъ лѣтъ сотрудничаетъ въ русскихъ повременныхъ изданіяхъ и печатаетъ по-русски уже третью свою диссертацию. Этотъ стиль и манера писанія особенно стали развиваться у насъ съ 30—40-хъ годовъ, то-есть, когда въ литературѣ нашей возобладали толстые ежемѣсячные журналы. Еще во второмъ десятилѣтїи нашего вѣка, какъ бы въ духѣ пророчества, восклицалъ даровитый князь Горчаковъ Дмитрій, въ своемъ посланіи къ князю Долгорукому:

Исполнить торопись писательски желанья,
 Всѣ въ ежемѣсячны пустились заданья.
 И наконецъ я зрю въ странахъ моей родной
 Журналовъ мысли, а книги ни одной.

Еще въ 80-хъ годахъ такъ преобладали на нашемъ книжномъ рынкѣ ежемѣсячные литературно-научные журналы, что, приступая въ 1890 году къ изданію и редакціи новаго небольшого спеціальнаго журнала по этнографіи „Живая Старина“ (4 книжки въ годъ), я не могъ не остановиться на этомъ явленіи и не указать на невыгодныя его стороны въ видахъ распространенія знаній и образованія въ Россіи. „Изготовление такъ называемыхъ серьезныхъ статей для отдѣла наукъ издавна въ большей части нашихъ журналовъ выпадаетъ на долю молодымъ начинающимъ ученымъ или старымъ опытнымъ сотрудникамъ, иногда дѣйствительно даровитымъ, свѣдущимъ и просвѣщеннымъ, а иногда лишь бойкимъ, набившимъ руку и изучившимъ вкусы публики, литераторамъ съ извѣстнымъ въ русскомъ смыслѣ энциклопедическимъ образованіемъ. Срочность работы, которою завалены постоянные сотрудники журналовъ, попятная плата, обычное требованіе редакторовъ и издателей избѣгать излишней сухости и учености, давно создали и утвердили въ нашей журналистикѣ извѣстный пошибъ *статей отменно длинныхъ, многословныхъ и малосодержательныхъ*. При давнемъ преобладаніи на нашемъ книжномъ рынкѣ формы ежемѣсячныхъ сборниковъ въ 30—40 листовъ каждый, самаго разнообразнаго и по возможности общезанимательнаго содержанія, эти недостатки надолго укоренились въ нашей литературѣ, такъ что *крайность и ясность, сжатость и дальность, столь обычная ка-*

чества въ литературахъ англійской, французской и новѣйшей нѣмецкой, у насъ составляютъ вообще большую рѣдкость¹⁾).

Съ конца же 40-хъ годовъ, съ легкой руки Московскаго университета (диссертациі Соловьева [докторская], Кудрявцева, Чичерина, Дмитриева, Новикова и Майкова) не только во всѣхъ почти нашихъ университетахъ, но и въ духовныхъ академіяхъ вошло въ обычай представлять на магистерскія и докторскія степені большія, толстыя книги. За послѣднія 50 лѣтъ русская наука своими успѣхами значительно обязана не немногимъ изъ этихъ университетскихъ и академическихъ трудовъ. Но вѣстѣ съ тѣмъ въ нашемъ обществѣ, какъ въ кругахъ болѣе или менѣе заботливыхъ, такъ и совершенно беззаботныхъ на счетъ науки, по почти одинаково воспитанныхъ на ежемѣсячныхъ толстыхъ журналахъ, незамѣтно вкрадывалось и постепенно сложилось повѣрье, родъ убѣжденія, что извѣстная толщина, большой объемъ книги есть необходимое условіе истинно ученаго труда. Съ усиленіемъ спроса росло и предложеніе, особенно когда диссертациі эти стали издаваться на казенный счетъ. Было замѣчено, что писать коротко и точно, сжато и содержательно беретъ гораздо больше труда и времени. Часто магистранты и докторанты, работая медленно или поспѣшно, одинаково торопятъ своихъ обязательныхъ рецензентовъ и будущихъ оппонентовъ скорѣе, если разумѣется можно, представить о нихъ отзывы факультетамъ. Чѣмъ больше листовъ въ диссертацияхъ, тѣмъ больше времени требуется на ихъ прочтеніе, а слѣдовательно и оцѣнку. При спѣшности работы сильно, конечно, страдаетъ самая форма этихъ трудовъ, не выигрываетъ и содержаніе. Повторенія и противорѣчія, нерящество въ языкѣ и слогѣ, разныя частныя ошибки и промахи при поспѣшномъ чтеніи легко ускользаютъ отъ вниманія, да и бойкими авторами объясняются еще въ собственную ихъ пользу, выставляются свидѣтельствомъ ихъ строгой научности: не гоняясь де за популярностью, они не дорожатъ формой, стремясь уразумѣть смыслъ общихъ явленій и ихъ законы, они на мелочахъ и частностяхъ не останавливаются, а великодушно предоставляютъ критикамъ заниматься ихъ опечатками и прочими погрѣшностями.

Книга г. Сырку, какъ писателя не образцоваго, сосредоточиваетъ въ себѣ большую часть важнѣйшихъ недостатковъ одного изъ незначительныхъ отдѣловъ нашей ученой литературы послѣднихъ десятилѣтій. Пора уже, давно пора разсѣяться предубѣжденію, что толщина книги есть одно изъ условій—*conditio sine qua non*—магистер-

¹⁾ *Живая Стар.* I ч. I кн. Отъ Редактора.

скихъ и докторскихъ разсужденій¹⁾). Не желая подчиняться этой тиранинн грубаго предразсудка, такіе ученые, какъ покойный В. Г. Васильевскій и такой же крупный представитель русской науки В. В. Болотовъ, предпочитали не подавать вовсе докторскихъ диссертаций, чѣмъ отрывать отъ своихъ любимыхъ изслѣдованій, три-четыре листа конхъ, положеннымъ на нихъ трудомъ и временемъ, внутреннею своею цѣною. превышали иной десятокъ толстыхъ докторскихъ диссертаций. Въ этомъ отношеніи книга г. Сырку можетъ оказать великую пользу русской наукѣ, положивъ конецъ грубому, чисто виѣшнему измѣрению достоинства ученыхъ трудовъ.

XVI.

За послѣднія десятилѣтія техника научныхъ приемовъ и работъ, а также изданій, значительно подвинулась впередъ. Нынѣ ученые стараются обходиться безъ излишняго балласта длинныхъ, бесполезныхъ выписокъ изъ источниковъ и пособій, избѣгаютъ въ текстѣ—цитаты, отводя имъ исключительно мѣсто въ подстрочныхъ или въ особыхъ примѣчаніяхъ въ концѣ главы или всей книги. Въ предисловіи или введеніи обыкновенно приводится списокъ источниковъ и пособій съ болѣе или менѣе полными заглавіями, съ именами издателей и авторовъ, съ годомъ и мѣстомъ, и при этомъ разъ навсегда устанавливается условное ихъ обозначеніе извѣстными, обыкновенно начальными буквами заглавій, именъ издателей или авторовъ. Затѣмъ уже во всей книгѣ въ примѣчаніяхъ отмѣчаются одни лишь эти условленные знаки, съ указаніемъ римскими и арабскими цифрами томовъ и страницъ. Если источники не рукописные, а печатные и заключаются въ изданіяхъ болѣе или менѣе доступныхъ, если пособия не принадлежатъ къ библиографическимъ рѣдкостямъ, то въ примѣчаніяхъ обыкновенно ограничиваются приведеніемъ той или другой особенно важной въ данномъ случаѣ фразы или отдѣльнаго слова, чаще же просто указаніемъ томовъ и страницъ.

Всѣ эти нововведенія заслуживаютъ полнаго уваженія и подражанія. Авторъ и читатель избавляются отъ лишней потери труда и времени. Книга выигрываетъ въ простотѣ, ясности и изяществѣ; получается экономія въ шрифтѣ и въ бумагѣ.

Книга г. Сырку и въ этомъ отношеніи въ высшей степени поучи-

¹⁾ Къ сожалѣнію, этотъ же порокъ замѣчается и въ разныхъ изданіяхъ нашихъ ученыхъ обществъ, напримѣръ, въ описаніяхъ путешествій и ихъ дневниковъ съ самыми перѣдко ненужными подробностями. И тутъ толщина книги является признакомъ учености и заслугъ въ наукѣ.

тельна, въ смыслѣ отрицательномъ. Ея непоимѣрный объемъ обязанъ не одному подбору синонимовъ, повтореніямъ и прочимъ отмѣченнымъ авторскимъ приѣмамъ (VI, VII, VIII, IX), но и многимъ пространнымъ, часто совершенно излишнимъ подстрочнымъ примѣчаніямъ и нерѣдко въ нихъ повторяемымъ, съ напрасными подробностями, заглавіямъ книгъ и именъ ихъ авторовъ или издателей. Такъ, на стр. XVIII въ двухъ подстрочныхъ примѣчаніяхъ встрѣчается ссылка на Яцимирскаго изъ славянскихъ рукописей М. 1898, въ прим. 4—повторено то же заглавіе (безъ мѣс. и года), также на стр. XIX въ 3-хъ примѣчаніяхъ (1, 2, 6), то же на стр. XXII, XXV, XXVI. На стр. XX приводится ссылка Miklosich et Müller Acta patr. Const. Vindob. 1860, далѣе на стр. 4 сверхъ полныхъ именъ издателей приводится уже полное несокращенное заглавіе (patriarchatus Constantinopolitani, Vindobonae). На стр. 568, почти въ концѣ книги, на примѣръ въ прим. г. Сырку приводитъ уже не разъ упомянутое имъ въ его Введеніи сочиненіе свое: „Сырку, къ исторіи исправленія книгъ въ Болгаріи въ XIV вѣкѣ т. I вып. 2. Литургическіе труды патріарха Евоніа, стр. 22“ (недостаётъ только указаній мѣста, типографіи и года). На стр. 569 въ прим. 3 читаемъ, Богъ вѣсть въ какой уже разъ: „Леонидъ, изъ исторіи юго-славянскаго монашества“, хотя въ Введеніи (стр. VI—VII) и было приведено полное заглавіе этой статьи или брошюры, и она много разъ уже цитовалась въ началѣ и въ серединѣ книги. Иногда авторъ въ своихъ примѣчаніяхъ приводитъ полныя заглавія самыхъ извѣстныхъ и единственныхъ въ своемъ родѣ изданій, коихъ невозможно смѣшать съ другими. На примѣръ, изданіе нашего генеральнаго штаба знаменитой карты восточной части Европейской Турціи 1884 года. Заглавіе ея петитомъ занимаетъ въ прим. (стр. 30) цѣлыя шесть строкъ. Къ чему все это? Полныя заглавія нужны въ библиографическихъ указателяхъ, въ библиотечныхъ каталогахъ, а не въ подстрочныхъ примѣчаніяхъ ученыхъ трудовъ.

Главный же недостатокъ подстрочныхъ примѣчаній въ книгѣ г. Сырку заключается въ томъ, что не немногія изъ нихъ, весьма пространныя, совершенно излишни.

Къ лишнимъ отношу слѣдующія греческія цитаты: 1) Изъ двухъ византійскихъ историковъ:—8 строкъ (стр. 11 прим. 2) 4 строки (стр. 72 прим. 3), 5 стр. (стр. 78 прим.). Итого 17 строкъ изъ I. Кантакузина и 18 строкъ изъ Никифора Григоры (стр. 116 прим. 1).

Всѣ эти цитаты (въ 35 строкъ) излишни: изданіе (на примѣръ, Бонское) этихъ византійцевъ очень доступно; первая цитата изъ

Кантакузина о Момчилѣ приводится въ ввводной, совсѣмъ не самостоятельной статьѣ г. Сырку, въ чемъ онъ и самъ признается (стр. II); по большей части она ничто иное, какъ пересказъ нѣкоторыхъ страницъ исторіи Болгаріи К. Ирѣчка, иногда даже дословный—напримѣръ:

Сырку, стр. 2.

Является Войсялъ, который въ долину верхней Тунджи основалъ было независимое княжество съ резиденціею въ замкѣ Копсясъ въ Гьопской долинѣ на южной сторонѣ Троянова перевала.

Стр. 3.

Въ прибрежныхъ равнинахъ и горныхъ рѣчныхъ областяхъ рѣки Камчинъ правилъ (въ половинѣ XIV вѣка) почти самостоятельно архонтъ Баликъ въ Карбонтѣ (Балчикъ) на берегу Чернаго моря.

Стр. 3—4.

Въ этихъ мѣстахъ съ болѣе широкою территоріею выступаетъ на сцену деспотъ Добротичъ (Тоупр., Dobr., Dobrod.), который въ 1357 г. и, несомнѣнно, раньше владѣлъ замками Эймоной и Козякомъ (Козакъ-кьой) близъ Месемерія... Резиденціей Добротича была Варна; на Черномъ морѣ онъ завелъ было собственный флотъ, и достигъ такого могущества, что его военные корабли появились въ 1374 г. предъ Трапезундомъ съ тѣмъ, чтобы вытѣснить законнаго наследника престола Андроника Комнина и возвести на престолъ Трапезундскій Михаила, сына I. V Палео-

Ирѣчекъ (Одесса 1878 стр.).

„Въ долину верхней Тунджи братомъ Святослава Войсяломъ было основано независимое княжество съ резиденціею въ замкѣ Копсясъ въ Гьопской долинѣ на южной сторонѣ Троянова прохода.

Ирѣчекъ, стр. 418.

Въ прибрежныхъ равнинахъ и горныхъ рѣчныхъ областяхъ Камчинъ правилъ почти самостоятельно архонтъ Баликъ въ Карбонтѣ (Балчикъ) и затѣмъ деспотъ Добротичъ. (Тоупротісітс, Dobrodicius, Dobrodize).

Ирѣчекъ, стр. 436—437.

Самъ Муаццо тайно бѣжалъ на галерѣ, и отправился къ болгарскому деспоту Добротичу, который, имѣя свою резиденцію въ Варнѣ, устроилъ собственный флотъ на Черномъ морѣ и достигъ такого могущества, что его военные корабли появились въ 1374 г. предъ Трапезундомъ съ тѣмъ, чтобы вытѣснить законнаго наследника престола Андроника Комнина и возвести на престолъ Трапезунтскій Михаила сына Іоанна V Палеолога и зятя Добротича. Муаццо старался склонить болгарскаго князя къ внезапному нападенію на генуэзскія колоніи въ

лои, своєю ¹⁾ зятя. Онъ даже готовился къ *нападенію на генуэзскія колоніи въ Крыму*, но послѣ примиренія съ республикой, онъ вскорѣ скончался.“

Крымъ. Добротичъ въ самомъ дѣлѣ вооружился, но Муаццо поналъ въ это время въ плѣнъ къ венеціанцамъ, которые послали его въ іюль 1384 г. на одинъ годъ въ Крымъ въ заточеніе, а потомъ сослали его на вѣчныя времена. Добротичъ потомъ опять примирился въ 1385 г. съ генуэзцами и вскорѣ спустя скончался.

О Момчилѣ нашъ авторъ кое чѣмъ позаимствовался и у Флоринскаго.

Сырку, стр. 13.

Онъ (Момчилъ) *не хотѣлъ быть зависимымъ ни отъ кою и скоро достигъ этого положенія...* онъ совершалъ разныя злодѣянія на болгарской территоріи, *бродя по разнымъ мѣстамъ во главѣ сильного отряда и выискивалъ себя добычи* какъ на территоріи болгарской, такъ и византійской.

У Флоринскаго, стр. 72.

Онъ *не хотѣлъ быть ни отъ кою независимымъ. Вскорѣ онъ достигъ такого положенія.*

Ирѣчекъ, стр. 398.

Нѣкоторое время служилъ онъ въ византійскомъ войскѣ, потомъ оставилъ эту службу *и бродилъ во главѣ сильного отряда по болгаро-греческой границѣ, выискивая себя по обѣ стороны добычи.*

Какъ греческія цитаты изъ Кантакузина, такъ и довольно большое извлеченіе изъ русскаго перевода Ник. Григ. (со вставкою нѣсколькихъ греческихъ словъ изъ его текста) о Момчилѣ (стр. 12 прим.) тоже излишни для такого краткаго и не самостоятельнаго очерка.

Что касается остальныхъ цитатъ изъ Кантакузина и Никиф. Григоры, то онѣ всѣ излишни, касаясь лицъ и предметовъ, очень мало соприкосновенныхъ съ главною темою автора, то-есть, Каллиста (до его патріаршества), Филовея и споровъ Григорія Паламы съ Варлаамомъ.

То же самое надо сказать и про слѣдующія греческія цитаты: а) изъ сборника Микюшича (Аста), а именно 11 строкъ изъ посл. царегр. патріарха 1369 (стр. 5 прим. 1); главный интересъ его для г. Сырку заключался въ мѣстныхъ именахъ, они же приведены имъ по-гречески въ текстѣ, и потому все прим. излишне; б) 14 строкъ

¹⁾ Разница: 1376 вмѣсто вѣрнаго 1374 г., *Трапезундъ* вмѣсто *Трапезунтъ*. У г. Сырку *военныя корабли...* намѣреваются посадить *своего зятя* на престолъ.

греческаго текста соборнаго акта о Варлаамѣ (стр. 115 прим.). Вообще весь длинный эпизодъ о Григоріи Паламѣ и этомъ Калабрійцѣ совершенно напрасно занимаетъ въ книгѣ такъ много мѣста (стр. 60 слишкомъ) и написать, какъ увидимъ, очень дурно, со всѣмъ почти мануфактурной работы; в) 16 строкъ греческаго текста—приведенныя г. Сырку въ опроверженіе имъ самимъ же высказаннаго предположенія: „можно было бы думать, что *Зюранъ* (*Зюранова ересь* упоминается патриархомъ Каллистомъ въ его житіи Θεοδοσία Терновскаго, яко бы говорившаго о ней передъ своею смертию † 1362 г.) есть одно и то же лицо съ этимъ попомъ Гаріаномъ (*παππας Γαριάνος*), упоминаемымъ въ извлеченіи изъ приведеннаго греческаго документа. Изъ него видно, что этотъ Гаріанъ сносился съ патрархами, но потомъ покаялся и былъ принятъ въ общеніе съ церковью въ 1316 г.“ А затѣмъ г. Сырку замѣчаетъ: „Такимъ образомъ это обстоятельство, по моему разумѣнію, не даетъ возможность (*sic*) отождествлять это лицо съ *Зюраномъ*. Наконецъ и формы *Зюранъ* и *Γαριάνος* не совсѣмъ близки“. Для чегожь было огородъ городить? Впрочемъ, намъ больше правится другое критическое замѣчаніе г. Сырку, сдѣланное имъ по поводу довольно сомнительнаго сообщенія Савельева-Ростиславича о сношеніяхъ московскаго патриарха Іоакима съ болгарями въ концѣ XVII вѣка, при чемъ Савельевъ упоминаетъ о выѣхавшемъ изъ Болгаріи въ Москву какомъ-то *Ростиславѣ Стратимировичѣ*, одномъ изъ потомковъ князей болгарскихъ. Г. Сырку замѣчаетъ: „Невозможно однако этого *Ростислава Стратимировича* считать сыномъ *Стратимира* или *Срацимира Видинскаго*. Какъ известно, *Срацимиръ* жилъ въ XIV столѣтіи, а *Ростиславъ* въ XVII столѣтіи“ (стр. 393 прим.).

Сверхъ того 80 строкъ [19 строкъ стр. 280 — 281 прим., (1+8+7) 16 строкъ стр. 284 прим., (1+12) 13 строкъ стр. 306—307, 8 строкъ стр. 328 прим., (2+7) 9 строкъ стр. 351 + 15 строкъ, стр. 405 прим. 1, 2, 4 изъ греческаго посланія патриарха Каллиста въ Болгарію 1354—1355 г.]. Всѣ эти цитаты излишни, такъ какъ въ текстѣ сообщенъ русскій переводъ значительной части посланія (изъ Тр. К. Духовной Академіи).

Также излишни и выписки о Филоеѣ, въ подтвержденіе, что онъ долго прожилъ на Аѳонѣ (4½ строки стр. 77 прим. 3), 30 строкъ греческаго текста Симсона Солунскаго—риторическое восхваленіе Каллиста и его друга Игнатія, въ текстѣ авторскомъ подробный пересказъ этой похвалы; 6 строкъ ихъ излишни и 6 строкъ изъ Филокаліа

(стр. 71, прим. 3) о томъ, что Каллисть подвизался въ скитѣ Магулѣ съ своимъ другомъ Маркомъ (на Аеоиѣ) и 2 строки изъ Кантакузина въ доказательство того, что „Каллисть на Аеоиѣ. по оставленіи міра, поступилъ въ Иверскій монастырь“.

Вообще II глава, названная авторомъ—„Григорій Синаитъ“ (стр. 24—141), какъ *lucus a non lucendo*, замѣчательна тѣмъ, что о Григоріи Синаитѣ идетъ рѣчь на стр. 61—66, 75—76, 102—109 и объ ученикахъ его 66—71. Затѣмъ вся глава наполнена подробностями о лицахъ, происшествіяхъ, очень мало имѣвшихъ внутренняго сродства, и сходства, и отношенія съ Григоріемъ Синаитомъ. Точно также можно бы было не приводить 6 строкъ изъ греческаго текста житія Григорія Паламы о богомилахъ (стр. 88 прим. 2), такъ какъ въ текстѣ приведено это мѣсто по-русски, 15 строкъ греческаго текста изъ блаженнаго Феодорита объ однократномъ крещеніи у Евноміанъ (стр. 335 прим. 1), 10 строкъ греческаго текста изъ церковной исторіи Созомена (стр. 336 прим. 3). (Въ текстѣ приведенъ русскій переводъ этого мѣста изъ Созомена, Петербургъ 1851). Да и вообще, хотя г. Сырку и заявляетъ, что „исторія этого обряда (однократное погруженіе) весьма интересна, но вмѣстѣ съ тѣмъ и мало извѣстна. Въ виду этого я укажу на тѣ данныя, которыя мнѣ удалось собрать“, но, конечно, никто по этому вопросу не пойдетъ за справками къ г. Сырку, когда есть объ этомъ труды знатоковъ и когда станеть извѣстно, какъ ими пользовался нашъ оригинальный авторъ.

Сверхъ того мы находимъ въ его книгѣ 67 строкъ греческаго текста изъ сочиненій Григорія Синаита (стр. 172 прим. 1, стр. 181 прим. 1, стр. 182 прим. 1, 2, стр. 206 прим. 1, стр. 211, стр. 218, стр. 221, стр. 231 прим. 2) и нѣсколько отдѣльныхъ цитатъ въ самомъ текстѣ книги. Всѣ эти греческія цитаты и русскія извлеченія изъ Григорія Синаита такъ своеобразны, что будутъ разсмотрѣны особо.

Всѣ эти излишніе греческіе тексты, вызванные не внутреннею необходимостью, а приводимые чисто для показа, вмѣстѣ взятые состоя изъ 265 строкъ петитомъ, занимаютъ 6 съ половиною страницъ (6^{5/8}) петитомъ.

Латинскихъ цитатъ столь же лишнихъ значительно меньше—всего 122 строки (3 страницы).

20 строкъ изъ Исторіи Молдавіи Дм. Кантемира изд. 1872 года (стр. 15) приводятся авторомъ въ доказательство „сходства, можетъ быть, даже и тожества“ болгарскихъ *великихъ и малыхъ бояръ* съ таковыми же румынскими. Но такое дѣленіе бояръ, властелей, дворянъ

было не у болгаръ и румынъ только, а и у сербовъ и у хорватовъ, у угровъ, чеховъ, поляковъ и русскихъ и у всѣхъ западно - европейскихъ народовъ. Также лишни 16 строкъ изъ буллы Иннокентія III объ Аеоиѣ (стр. 55 прим. 1), такъ какъ это мѣсто очень извѣстно и могло бы быть вкратцѣ пересказано въ текстѣ. Совсѣмъ уже странная цитата изъ латинскаго текста ученаго, издателя (XVIII вѣка) Никифора Григоры, — Буавена. „Вотъ какъ Буавенъ рассказываетъ объ этой побѣдѣ Григоры (надъ Варлаамомъ) на основаніи разсказа послѣдняго (то-есть, Никифора Григоры)“: такъ приступаетъ г. Сырку къ этой выпискѣ. Вообще все это примѣчаніе (84 строки) не имѣетъ никакого отношенія ни къ Болгаріи, ни къ патриарху Евѣмью, ни къ Григорію Синаиту, коему посвящена эта глава. Также бесполезна выписка изъ итальянскаго сочиненія графа Марсилья о Турціи стр. 255—6 прим. 1, итальянскій текстъ переданъ безграмотно, и тутъ же приложена эта цитата по-русски изъ вѣрнаго перевода Третьяковскаго; этою послѣднею и слѣдовало бы удовольствоваться. 62 строки латинскихъ средне-вѣковыхъ текстовъ: 12 строкъ (стр. 334 прим. 1) + 25 строкъ (стр. 338—9, прим. 2) + 25 строкъ (стр. 340—341).

Сверхъ греческихъ и латинскихъ, есть не мало столь же лишнихъ большихъ цитатъ и извлеченій болгарскихъ и русскихъ. Такихъ наберется въ книгѣ 208 строкъ (до 5 страницъ).

Въ изданіяхъ Академіи Наукъ напечатанъ былъ Срезневскимъ сборникъ сохранившихся болгарскихъ грамотъ, книга не дорогая и всѣмъ доступная. Г. Сырку нашелъ нужнымъ перепечатать изъ него въ своихъ примѣчаніяхъ 137 строкъ петитомъ (8 слишкомъ страницы): 11 строкъ (стр. 15 прим.) + 70 строкъ (стр. 51—53 прим.) + 17 строкъ (стр. 57 прим. 1) + 39 строкъ (стр. 165).—Быть можетъ, не въ такой же степени также излишни: 33 строки болгарскаго восхваленія І. Александру, уже напечатаннаго въ Періодическомъ списаніи и въ Извѣстіяхъ II Отд. Академіи Наукъ 1897 г. самимъ г. Сырку (стр. 360—370), 44 строки послѣсловія болгарскаго евангелія 1356 г., уже не разъ напечатаннаго у болгаръ и у насъ (Успенскимъ въ *Журналѣ Министерства Народнаго Просвѣщенія* 1875 г.) [стр. 433 прим. 1], 12 строкъ послѣсловія болгарскаго евангелія коллекціи Зауча (стр. 442). Смотри о немъ у Успенскаго (1878) и Грота (Фил. Вѣстникъ 1887). Не относится къ дѣлу и выписка изъ русскаго перевода житія Григорія Паламы въ Добротолубіи—21 строка (стр. 87 прим. 1) объ ономъ видѣніи Паламы. Точно также совсѣмъ излишня выписка изъ

русскаго перевода Филовеева житія Григорія Паламы (стр. 100—101) въ 39 строкъ (стр. 100—101 прим. 3).

XVII.

Довольно значительными по объему, но лишними извлеченіями изъ многиѣ доступныхъ изданій и очень мало нужными или вовсе ненужными для дѣла и помѣщенными въ подстрочныхъ примѣчаніяхъ нашъ авторъ не удовольствовался. Онъ счелъ безполезнымъ прибѣгнуть къ болѣе или менѣе частымъ, а иногда и очень обширнымъ извлеченіямъ изъ печатныхъ же книгъ (русскихъ) въ самомъ текстѣ.

Этими извлеченіями особенно изобилуетъ первая половина разбираемой книги, хотя они попадаются и во второй. Извлеченія подраздѣляю на 1) явныя, 2) неявныя и 3) несовѣмъ явныя и полужавныя.

Тѣ и другія и третья выписки состоятъ иногда изъ нѣсколькихъ лишь строкъ: 1) 6 строкъ (стр. 55—56) не совѣмъ явная, 2) 8 строкъ стр. 62 явная, 3) 4 строки изъ русскаго перевода Аѳонск. Патер. явная, 4) 11 строкъ (стр. 250) явная, 5) 10 строкъ (стр. 268—9). Всего 39 строкъ, немного лишь больше одной страницы. Изъ нихъ только 6 строкъ (стр. 55—56) относятся не совѣмъ къ явному извлеченію: подъ послѣднею строкою сдѣлана ссылка на статью, но самое извлеченіе кавычками не обозначено. Впрочемъ по краткости своей оно походить на указанныя уже выше извлеченія изъ сочиненій Ирѣчка и Флоринскаго.

На стр. 55 замѣтивъ, что „нельзя считать преувеличеннымъ число—300 монастырей (на Аѳонѣ) въ буллѣ Иннокентія III“, въ подстрочномъ же примѣчаніи передъ довольно большою выпискою изъ этой буллы. нашъ авторъ мѣтко обозвалъ эту буллу *весьма удачнымъ духовнымъ описаніемъ Св. Горы*. (Вотъ ужъ подлинно отъ г. Сырку всегда чему-нибудь научишься: никогда еще не слыхалъ о *духовныхъ описаніяхъ*). Но обратимся къ буллѣ папы „къ аѳонскимъ монахамъ, просившимъ у него защиты и покровительства отъ притѣсненій какого-то тирана, по всей вѣроятности, *католонца* (sic) *Перингерія Тенца, страннаго зрабителя*, который съ своєю многочисленною *шайкой укрѣтился* (было) *на Св. Горѣ, владѣлъ ею три года слишкомъ, разграбилъ и опустошилъ монастыри, похитилъ у нихъ драгоценности и, недовольствуясь [этими], мучилъ монаховъ, въ надеждѣ*

черезъ то вынудить у нихъ признаніе и указаніе скрывать или сокращать" ¹⁾).

Я позволилъ себѣ назвать эти слова изъ книги г. Сырку, напечатанная мною курсивомъ, не совсѣмъ явнымъ извлеченіемъ. На статью авторъ сослался, но заимствованіе свое не обозначилъ кавычками, какъ вообще принято при приведеніи чужихъ словъ. Позволю себѣ прибавить, дабы далѣе къ этому не ворочаться, что чужой переводъ съ какого бы то ни было языка, также какъ и чужой оригиналъ можно себѣ усвоивать, но присвоивать не годится. Въ случаѣ усвоенія, пользованія имъ, обыкновенно заимствованіе обозначается кавычками. Да и въ чужомъ текстѣ (переводномъ или оригинальномъ) безо всякихъ оговорокъ не годится измѣнять и переставлять слова. Между тѣмъ г. Сырку большую часть приведеннаго мѣста взялъ изъ цитуемой статьи Воскреснаго Чтенія. Тамъ читаемъ: „На ней (Аегорѣ) явился *каталонецъ Перимерій Тенца, страшный грабитель, который съ своею* и т. д. (см. у Сырку). Какъ въ другихъ своихъ извлеченіяхъ, такъ и тутъ, нашъ авторъ сдѣлалъ нѣкоторыя поправки: вмѣсто *каталонца* онъ написалъ *католонца*, вмѣсто *укрѣпился на Св. Горѣ*—*укрѣпился было* (хотя и *владеаъ ею три юда*), вмѣсто *симъ* (*довольствуясь симъ*)—*отимъ*. Вообще, какъ увидимъ, г. Сырку, какъ строгій блюститель чистоты русскаго языка, безжалостно преслѣдуетъ *сей* и *отий*, *только* и нѣкоторыя другія слова въ чужихъ переводахъ, даже вышедшихъ въ 1824 г.

Явные извлеченія въ разиѣрахъ отъ $\frac{1}{2}$ страницы и выше замѣчаются: 1) $2\frac{1}{2}$ страницы изъ русскаго Аеонскаго Патерика (Калл. жит. Григ. Снн.) все въ кавычкахъ (стр. 63—66). 2) $2\frac{1}{2}$ страницы слѣд. (Стр. 67—8—9). 3) $1\frac{1}{2}$ стран. слѣд. (стр. 70—71). 4) 1 стран. изъ перелож. слав. Добротолубія, похвала Снн. Солунскому Каллисту и Игнатію (стр. 73—74). 5) $\frac{1}{2}$ стран. изъ русскаго перевода Аеонск. Патерика (стр. 75—6). 6) около 3 страницъ выдержка изъ Аеонск. Патерика; при чемъ уже обнаруживается поползновеніе списывать изъ плохой книжки Модеста Св. Григорій Палама, митрополитъ Солунскій. Кіевъ. 1860. (Стр. 78—79—80). Такъ на стр. 78 у Сырку:

„Родители Григорія Паламы были изъ Малой Азіи, откуда его отецъ былъ вызванъ императоромъ Андроникомъ Старшимъ (Палеологомъ) и сдѣланъ министромъ при дворѣ“.

У Модеста стр. 7: „Отецъ Григорія Паламы изъ Малой Азіи,

¹⁾ Иночество на Аеонѣ въ Воскресномъ Чтеніи XXIII (1859—60), стр. 472.

мѣста своего жительства, *вызванъ былъ императоромъ Андроникомъ Старшимъ и сдѣланъ министромъ при дворѣ*“.

Сырку, стр. 78.

„Главными его учителями или профессорами были Григорій Дримми, у котораго онъ слушалъ уроки по словесности и вообще по свѣтскимъ наукамъ, и Теолиптъ митрополитъ Филадельфійскій, который *былъ его наставникомъ въ богословіи догматическомъ и нравственномъ. Тотъ и другой наставники научили своего питомца еще въ юности умному дѣланію*“.

Сырку, стр. 79.

„И дѣйствительно, по свидѣтельству его современниковъ, Григорій былъ глубокимъ знаткомъ богословія (sic), философіи и естественныхъ наукъ,—однимъ словомъ былъ однимъ изъ ученѣйшихъ мужей своего времени“.

7) 6 страницъ изъ русск. Аеонск. Патерика (стр. 81—86). 8) 1 стр. изъ Порф. Первое путешествіе на Аеонъ стр. 235—6, изъ русскаго перевода Филоеева житія Григорія Паламы (стр. 98—99). 9) 6 страницъ изъ Порф. Филоеева Аеонск. Патерика (стр. 100—105). 10) 1 стран. изъ русск. Аеонск. Патерика и Каллиста житія Θεодосія Терновскаго (крупнымъ славянскимъ шрифтомъ), (стр. 106—107). 11) 1/2 стр. изъ русскаго перевода Никифора Григоры и 2 1/2 строки собственнаго перевода г. Сырку нѣсколькихъ словъ Миллера съ нѣмецкаго. Этотъ переводъ очень любопытенъ:

Сырку, стр. 112.

„По мѣткому выраженію Іос. Миллера, „Византія жила главнымъ образомъ въ своихъ монастыряхъ“, *передъ которыми, поч-*

Модестъ, стр. 7.

„Григорій слушалъ уроки словесности и вообще свѣтскихъ наукъ у ученаго Григорія Дриммиса, а Теолиптъ Филадельфійскій былъ его наставникомъ въ богословіи догматическомъ и нравственномъ. Тотъ и другой наставники научили своего питомца собранности духа или такъ называемому на языкѣ подвижниковъ *умному дѣланію*“.

Модестъ, стр. 8.

„Григорій Палама, по свидѣтельству его современниковъ, глубоко зналъ богословіе, философію и естественныя науки и вообще былъ ученѣйшимъ мужемъ своего времени“.

Müller, Jos. (Slaw. Bibl. Wien.

I, 143). „*Der byzantinische staat lebte hauptsächlich in seinen klöstern, sie sind, der einzige ueberrest eines nunmehr aus der ge-*

ми всегда, останавливались и „оту-
тоишенія азіатскихъ варваровъ“.

schichte verschwundenen reiches, u.
nur in ihnen haben sich *trotz aller
verwüstungen* der asiatischen bar-
baren gleichzeitig dokumente er-
halten“.

Не удивляюсь, что совѣтъ неудачное замѣчаніе Миллера о во-
сточной римской имперіи показалось мѣткимъ нашему автору, но мнѣ
кажется страннымъ, что г. Сырку незнакомы нѣмецкія слова *trotz* и
Trotz. Во всякомъ случаѣ этотъ рѣдкій въ его книгѣ обращикъ его
собственнаго перевода съ иностраннаго языка можетъ служить го-
раздо болѣе мѣткимъ указателемъ его широкаго образованія и острой
критики подобно тому, какъ вообще его 1) языкъ и стиль, его 2) смѣ-
шаванье блаженнаго Иеронима съ блаженнымъ Августиномъ, его
3) мысли о сходствѣ Александра Болгарскаго съ Александромъ
Македонскимъ и Константиномъ Великимъ, его 4) критическія за-
мѣчанія о томъ, что а) Ростиславъ Стратимировичъ, современникъ
патріарха Іоакима и Петра Великаго, не могъ быть внукомъ Александра
Болгарскаго и сыномъ Срацимира Видинскаго, или о томъ, что б) Гри-
горій Синавъ, по словамъ нашего автора, еще въ 1308 году, вмѣстѣ
съ своими родителями, попавшій въ плѣнъ къ туркамъ (стр. 53), былъ
ими увезенъ въ Лаодикію, гдѣ затѣмъ былъ выкупленъ, оттуда от-
правился на о-въ Кипръ, изъ Кипра на Синай, затѣмъ въ Іерусалимъ,
потомъ на о-въ Критъ, наконецъ, уже не раньше надо думать 1312
года явился на Аеонѣ (стр. 63—65). И не смущаясь ни мало, тотъ же
авторъ въ той же книгѣ (стр. 69) утверждаетъ, что однимъ изъ уче-
никовъ Григорія Синава на Аеонѣ былъ сербъ Іаковъ, впослед-
ствіи архіерей сербскій, при чемъ тутъ же, въ примѣчаніи (стр. 69),
авторъ указываетъ, что „этотъ Іаковъ поставленъ былъ архіеписко-
помъ сербскимъ въ 1286 году“ и что умеръ онъ „возможно, какъ
предполагаетъ Голубинскій, въ 1292 году“. Наконецъ 5) любопытно
въ томъ же отношеніи и одно замѣчаніе нашего автора о кален-
дарѣ. Выписывая о Никифорѣ Григорѣ изъ введенія къ русскому
переводу этого историка, авторъ нашъ буквально повторяетъ слова
автора этого введенія: „однажды въ собраніи ученыхъ, во дворцѣ,
онъ пространно развилъ мысль объ исправленіи юліанскаго кален-
даря. Съ нимъ былъ вполне согласенъ и императоръ, но при-
вести эту мысль въ дѣло не посмѣлъ, опасаясь церковныхъ смуть“.
И вслѣдъ за симъ авторъ нашъ становится самостоятельнымъ (ex

ungue leonem) и изрекаетъ слѣдующее соображеніе: „это обстоятельство (мысль объ *исправленіи юліанскаго календаря*) доказываетъ справедливость высказаннаго мной выше о приверженности Григоры къ Варлааму и Акиндину и ненависти къ Паламѣ“. По автору же, Варлаамъ и Акиндинъ были страстные латынники, паписты, а Палама былъ въ то время главнымъ оплотомъ православія. Ergo, по мнѣнію г. Сырку, въ то время на латинскомъ западѣ, то-есть. еще до 1328 года, до смерти Андроника Старшаго, былъ не юліанскій, а пылѣшній григоріанскій календарь, Никифоръ Григора же, изъ тайныхъ своихъ сочувствій къ латинству, предлагалъ императору исправить юліанскій и, слѣдовательно, дескать, совѣтовалъ принять латинскій (григоріанскій) календарь. Это, конечно, тоже одно изъ мѣткихъ указаній на широту историческаго кругозора и образованія нашего автора.

Но окончимъ перечень страницъ съ выписками явными. 12) Около 5 стр. изъ русскаго перевода Никифора Григоры, Порфирія христіанскій Востокъ Аeonъ III, 2 (стр. 132 — 137). 13) Около 2 стр. изъ Порфирія перваго путешествія на Аeonъ (стр. 137—8). 14) $\frac{3}{4}$ стран. изъ Каллиста житія Θεодосія Терновскаго и изъ болгарскаго писателя Пансія (стр. 143 — 147). 15) $6\frac{1}{2}$ стран. изъ русскаго перевода посланія цареградскаго патріарха Каллиста (Тр. К. Дух. Ак. 1871 г.) (стр. 282—289). 16) 3 стран. изъ письма экзарха Христофора (въ переводѣ Васильевскаго *Журналъ Министерства Народнаго Просвѣщенія* стр. 238) (стр. 293—295). 17) $1\frac{1}{2}$ стран. изъ современныхъ восхваленій І. Александра (стр. 369, 371—372). 18) $2\frac{1}{4}$ стран. изъ русской передачи Васильева (Виз. Врем., 1894. I), найденной Брайсомъ *Vita Iustiniani* (стр. 529—532). Итого не менѣе 32 страницъ выписокъ явныхъ.

XVIII.

Сверхъ этихъ выписокъ явныхъ, есть выписки неявныя и полужавныя. Вторыя и третья рѣзко отличаются отъ первыхъ. Можно находить первыя слишкомъ длинными и излишними. Ихъ можно относить къ дурнымъ, неумѣлымъ авторскимъ приемамъ, въ смыслѣ научно-литературной техники. Встрѣча съ такими выписками для меня, какъ читателя и рецензента, не была неожиданностью. Г. Сырку давно пріучилъ своихъ читателей къ такой манерѣ изложенія. Она свойственна всѣмъ прежнимъ его работамъ, напримѣръ, Византійскія повѣсти о Ник. Фокѣ и разныя статьи его.

Но, откровенно признаюсь, мнѣ грустно и тяжело было встрѣтить въ послѣднемъ трудѣ давно мнѣ знакомаго автора такіе приемы, къ какимъ онъ рѣшился прибѣгнуть въ своихъ выпискахъ неявныхъ и полуявныхъ.

Правда, на эти неявныя и полуявныя выписки изъ печатныхъ книгъ авторъ потратилъ много труда и времени, и оно можетъ служить значительнымъ смягченіемъ его ложныхъ шаговъ (*passi falsi, faux pas*). его дурныхъ приемовъ. Но всячески было бы несравненно полезнѣе и достойнѣе—обратить ему этотъ трудъ и время на просмотръ и изученіе средне-болгарскихъ рукописей какъ Петербургской публичной бібліотеки, такъ и богатыхъ московскихъ книгохранилицъ. Къ описаніямъ славянскихъ рукописей и извлеченіямъ изъ нихъ г. Сырку расположенъ и привыченъ, тогда какъ къ изученію религіозныхъ и умственныхъ движеній онъ не имѣетъ ни малѣйшей склонности и никакой подготовки. Обзору болгарской письменности при І. Александрѣ г. Сырку посвятилъ 136 страницъ, жизни и ученію Григорія Синаита, біографіи Григорія Паламы и его спорамъ съ Варлаамомъ, разнымъ еще другимъ грекамъ Каллисту, Филовею, Никифору Григорѣ авторъ отвелъ почти всю первую главу (по крайности стр. 51—141) и часть второй (стр. 167—234), итого 160 страницъ. Эта часть книги г. Сырку совершенно бесполезная. Написана она, вѣрнѣе сфабрикована такъ, какъ писать и работать никому не слѣдуетъ. Потрудился онъ тутъ не мало, потратилъ времени много, къ обзору же болгарской письменности, собственно главному предмету своего сочиненія отнесся онъ ужъ очень слегка, по генеральски, слишкомъ cavalierement. Ватиканскаго списка перевода Манассіиной лѣтописи г. Сырку не удалось еще повидать, хотя уѣзжая за границу, онъ не разъ направлялся въ Римъ, но къ сожалѣнію никогда до него не добирался (стр. 422). Тѣмъ не менѣе мимоходомъ бросилъ онъ на эту рукопись нѣсколько взглядовъ, или по его словамъ, *выводовъ*. Онъ довольно сурово отнесся къ ученымъ и ихъ отзывамъ объ иллюстраціяхъ этой рукописи. „Почти все что сдѣлано до настоящаго времени для этой части рукописи отличается дилетантизмомъ. Мнѣ кажется, что въ этомъ отношеніи *послѣ Ассемани*, который впервыя описалъ иллюстраціи ватиканскаго кодекса, *не сдѣлано ни одного шага впередъ. Но и при такомъ способѣ изслѣдованія иллюстрацій до сего времени сдѣлано очень немного*“ (стр. 425). (Довольно странно: *очень немного сдѣлано послѣ „ни одного шага впередъ“ и еще: „но и при такомъ способѣ“*). Г. Сырку иронически отзываясь о кардиналѣ

Май (всегда прозывая его *Май*) и В. В. Стасовъ, за то, что они оба приписываютъ „высокое историческое значеніе“ рисункамъ, „такъ какъ они представляютъ одежду и вооруженіе болгаръ, грековъ, татаръ и русскихъ (XIV вѣка)“. Г. Сырку замѣчаетъ: „интересны были бы также и сцены, гдѣ фигурируютъ русскіе, если бы можно было доказать, что ихъ костюмъ и типы историческіе. Къ сожалѣнію этого въ настоящее время сказать съ увѣренностію нельзя; *эти изображенія слишкомъ шаблонны, книжны, слишкомъ византийскаго издѣлія, чтобы могли представлять типы и костюмы*“ (стр. 427). „При всемъ томъ рисунки представляютъ для насъ все таки немаловажный интересъ тѣмъ именно, что они нарисованы, несомнѣнно болгаринномъ и болгаринномъ терновскимъ“ (стр. 427). Нашъ авторъ находитъ, что только изображенія болгаръ имѣютъ историческое значеніе (стр. 428). Затѣмъ онъ прибавляетъ: „Очевидно, что живописецъ не умѣлъ хорошо приготовить крѣпкихъ красокъ, чтобы они могли остаться живыми навсегда. Кромѣ того, по своему исполненію рисунки не высокою качества. *Май* (кардиналъ Май) *находитъ ихъ даже грубыми*“ (г. Сырку съ этимъ не совѣмъ какъ будто согласенъ). Кто могъ думать, что нашъ авторъ выступитъ такимъ глубокимъ знаткомъ археологіи и средневѣковой живописи и съ такою легкостью разобьетъ положенія и Май и Стасова?—Изъ всѣхъ среднеболгарскихъ рукописей по священному писанію времени I. Александра г. Сырку лично и болѣе подробно ознакомился только съ двумя иллюстрированными евангеліями а) 1356 г. изъ коллекціи Зауча въ британскомъ музеѣ и б) евангеліемъ Елисаветградскимъ. Первое было уже описано у насъ Ѡ. И. Успенскимъ (*Журналъ Министерства Народнаго Просвѣщенія* 1878 г. 199), и К. Ш. Гротомъ (Фил. Вѣстн. 1887, т. XVII), въ Германіи г. Шолфиномъ (Scholvin, Arch. Jagt V. VII) и въ Болгаріи г. Гудевымъ (минист. сборникъ VII и VIII). Къ сожалѣнію, и здѣсь авторъ говоритъ не о томъ, о чемъ бы ему слѣдовало, а о рисункахъ и живописи, о чемъ его мнѣніе, какъ незнающаго, ни для кого не занимательно. „Литературнаго значенія, конечно, эта рукопись не имѣетъ, она интересна *развѣ тѣмъ, что евангельскій текстъ вновь переведенъ съ греческаго по желанію I. Александра, какъ объ этомъ говорится въ послѣсловіи евангелія*“. Вотъ на это то и слѣдовало г. Сырку обратить вниманіе и провѣрить также показаніе послѣсловія, дѣйствительно ли и въ какой степени былъ это новый переводъ? Точно также онъ поступилъ и съ Елисаветградскимъ евангеліемъ. Онъ перепечаталъ на 2 страницахъ (435—437) замѣчанія проф.

Покровскаго о миниатюрахъ какъ этого болгарскаго, такъ и греческаго парижскаго евангелія. Г. Сырку только отъ себя прибавилъ, „что Елисаветградское евангеліе *нѣсколько связяте лондонскаго и отсюда заключаю, что оно было списано нѣсколько позже лондонскаго, хотя одними и тѣми же писцомъ и художникомъ*“ (стр. 435 прим.). Заключение странное: что значить какая нибудь разница 10—12 лѣтъ на пространствѣ 5 вѣковъ слишкомъ? Рукопись старѣйшая могла случайно пролежать нѣсколько лишнихъ недѣль, мѣсяцевъ гдѣ нибудь въ сыромъ помѣщеніи. На переводъ же и этого евангелія не обратилъ г. Сырку ни малѣйшаго вниманія. Точно также относительно апостола съ толкованіями (въ Императорской публичной библіотекѣ) г. Сырку ограничился лишь тѣмъ, что привелъ послѣсловіе (приложихъ богодохновенныя книги сія изъ *греческаго языка на болгарскаго*) и замѣтилъ: „Этотъ апостолъ, какъ и евангеліе въ коллекціи Зауча, *переведенъ съ греческаго языка*“ (стр. 437). „*Кто былъ переводчикомъ этого апостола; я не могу съ увѣренностію сказать въ настоящее время. Быть можетъ эта книга переведена тѣмъ лицомъ, которое перевело и Лондонское евангеліе. Къ сожалѣнію, намъ не извѣстенъ переводчикъ и этого евангелія*“.

Но все это—одно переливанье изъ пустаго въ порожнее. Главный вопросъ не въ именахъ переводчиковъ, а въ удостовѣреніи дѣйствительности перевода, то-есть, въ сличеніяхъ славянскихъ текстовъ съ греческимъ подлинникомъ и въ сличеніяхъ языка Лондонскаго евангелія съ языкомъ Петербурскаго апостола. Но г. Сырку даже не подумалъ ни о какой попыткѣ рѣшенія этихъ вопросовъ.

ХІХ.

О принадлежавшемъ нѣкогда Зографскому монастырю (на Аѳонѣ) апостолѣ 1859 г. г. Сырку замѣчаетъ: „къ сожалѣнію, объ этой рукописи у меня очень мало свѣдѣній“. „Кажется эта рукопись находится теперь въ Одессѣ“. Затѣмъ г. Сырку даетъ лишь самыя короткія указанія о двухъ отрывкахъ евангелія (см. Григоровича) по Викторову (Описаніе рукописей Григоровича), о пергаменномъ евангеліи XIV вѣка Михановича въ Загребѣ по Воскресенскому (Слав. риси. въ заграничныхъ библіотекахъ берлинской, пражской, вѣнской, люблянкой, загребской и двухъ бѣлградскихъ 1882 г.), о Норовскихъ рукописяхъ (еванг. и апост.), по Востокову (опис. Нор. рукописей) и о Радомиров-

ской псалтыри (листокъ изъ нея въ Порф. собр. въ И. П. Б-кѣ) по отчету библиотеки за 1883 г. Г. Сырку отмѣчаетъ лишь двѣ болгарскія Тріоди (постную и цвѣтную) Синайскаго монастыря по описанію Порфирія (Первое путешествіе въ Синайскій монастырь), однихъ отрывкахъ постной Тріоди Григоровича (Рум. м.) и о цвѣтной Тріоди Хлудовской—по описанію Викторова и Попова (о Хлуд. б.). Объ Орбельской Тріоди изъ собранія Верковича (въ И. Публ. Б-кѣ)—памятникъ очень важномъ и по языку и по текстамъ изъ Ветхаго Завѣта, есть въ ней и посланіе къ Тиверію отъ Пилата, онъ и слова не обронилъ. Г. Сырку упоминаетъ о разныхъ Синаксаряхъ, но лишь одинъ изъ нихъ (Им. Публ. Библ.) былъ имъ самимъ просмотрѣнъ, благодаря молодому нашему ученому г. Шеферу, обратившему, говоритъ г. Сырку, „мое вниманіе на эту рукопись и на нѣкоторыя ея особенности“. Всѣ остальные Синаксари или Прологи (Хлудовскій, Румянцева, отрывокъ Григоровича, Бѣлградскій) извѣстны г. Сырку лишь по чужимъ описаніямъ Востокова, Попова, Викторова и Бѣлградскій по моему (о нѣкоторыхъ славянскихъ рукописяхъ въ Бѣлградѣ). Не заключая въ себѣ ничего дѣльнаго, замѣчанія нашего автора о капитальномъ трудѣ пресвященнаго Сергія (Восточный мѣсяцесловъ и статья его въ Странн. 1898 ноябрь) поражаютъ своею нескромною развязностью. И смѣшно и вчужѣ совѣстно читать наставленіе нашего автора рассмотрѣвшему такую массу рукописей пресвященному Сергію: „почтенный изслѣдователь неполнилъ изслѣдованъ вопросъ, ограничившись главнымъ образомъ при своемъ изслѣдованіи русскими списками Пролога; *южно-славянскихъ въ его рукахъ было сравнительно очень немного; но эти немногіе заслуживаютъ большаго детальнаго, не одного только библиографическаго изслѣдованія*“ (стр. 467).

Про обзоръ средне-болгарскихъ рукописей XIV вѣка можно съ гораздо большимъ правомъ сказать, что онѣ заслуживали не однихъ библиографическихъ указаній въ книгѣ (600 стр.), посвященной болгарской письменности при І. Александрѣ и проводившему, при его преемникѣ, исправленіе богослужебныхъ книгъ въ Болгаріи патриарху Еввимию.

Пока мы видѣли, что г. Сырку самолично разсматривалъ Евангелія 1356 (Брит. м. и Елисаветградское, Апостолъ Им. Публ. Библ. и Прологъ, указанный ему г. Шеферомъ). Сверхъ того, онъ разсматривалъ Виссаріоновъ Патерикъ или Отечникъ въ Керекск. монастырѣ въ Далматіи (см. стр. с. 468 и 470). Но и эта рукопись просмотрѣна имъ наскоро.

Болгарскихъ же патериковъ (XIV вѣка) Румянцевскаго музея и Хлудовской библиотеки въ Москвѣ г. Сырку тоже не видалъ и говорить о нихъ со словъ Радченка и Попова, точно также какъ и о Патерикѣ Порфиріевскомъ въ Императорской Публичной Библиотекѣ со словъ Отчета 1883 г. Не разсматривалъ самъ г. Сырку ни Учительнаго Евангелія І. Богослова 1846 г. у г. Барсова въ Москвѣ, ни Лѣствицы І. Лѣствичника 1864 г. (въ Рыльскомъ монастырѣ). О первой знаетъ отъ г. Лихачева (с. 355 прим. 2), о второй по листку изъ этой рукописи собранія Порфиріева (въ Имп. Публ. Библиотекѣ).

По поводу обѣихъ рукописей авторъ нашъ высказалъ замѣчанія, хотя категорическія, но не особенно убѣдительныя. Въ припискѣ къ первой между прочимъ сказано: „исписася сіе благовѣстіе І. Богослова изъ греческихъ словей на болгарскій языкъ... рукою попа Θεотокіа рекомаго Псилица“. Г. Сырку говорить: „По всей вѣроятности, самъ Псилица принадлежалъ къ греческой партіи; это видно уже изъ того, что онъ зналъ греческій языкъ“. Изъ того, что въ припискѣ къ Евангелію 1856 г. тоже употребляется слово *словня* (изъ еллинскихъ словесъ въ нашу словѣнскую словню), авторъ нашъ заключаетъ: „Очевидно, что оба списателя: и попъ Θ. Псилица и монахъ Симонъ были одной и той же школы и одной и той же партіи—греческой“ (стр. 473).

Относительно же второй рукописи г. Сырку замѣчаетъ: „Былъ ли это новый переводъ Лѣствицы съ греческаго, или нѣтъ, сказать весьма трудно; ибо объ этомъ не находится въ Лѣствицѣ никакихъ свидѣній“ (стр. 474).

Но подобнымъ показаніямъ приписокъ нельзя никогда вѣрять; нужно сличать намъ самимъ списки старыя съ древними и съ греческимъ текстомъ. О Лѣствицѣ же изъ собраній Гильфердинга (Импер. Пуб. Библ.) г. Сырку уже утвердительно говорить, какъ о новомъ переводѣ, ибо „о переводѣ говорить самъ переводчикъ въ послѣсловіи“, что онъ ненавычный посмѣлъ свою руку вложить въ эту книгу „и отъ греческаго извода по моей немощной силѣ мало проправихъ“. При обзорѣнн болгарскихъ рукописей XIV вѣка съ переводами Василія Великаго Іоанна Златоустаго и другихъ отцовъ и учителей церкви авторъ, опять говорить по большей части не на основаніи личныхъ изученій, а со словъ другихъ. Такъ хотя г. Сырку и былъ на Афонѣ, но рукописи Зографскаго монаст. 1867 (слова Василія Великаго) онъ не разсматривалъ, а знаетъ ее по одному листу (у Порф. Усп. въ Имп.

Публ. Библ.) и по фотографическому снимку Севастьянова съ другого, и говоритъ объ обоихъ листахъ—по Отчету Императорской Публичной Библиотеки за 1883 г. и Викторовскому описанію рукописей Севастьянова. О Петербургскихъ же и Московскихъ рукописяхъ (Іоанна Златоустаго, Аввы Дороея, Симеона Новаго, Діонисія Ареопажита съ толкованіемъ Максима Исповѣдника, Шестоднева Северіанова, Григорія Синаита, Ефрема Сирина, Исаака Сирина, І. Дамаскина, І. Сирина ¹⁾ авторъ опять лишь пользуется чужими описаніями или указаніями (Строевъ и Калайдовичъ, Описаніе рукописей графа Толстаго, Горскій и Цевоструевъ, Отчеты Публичной Библиотеки за 1868, 1883 гг., Отчетъ Рум. М. за 1879—1882 г., Соболевскій, и Радченко Отчетъ). Только о бесѣдахъ папы Григорія говорятъ авторъ по самоличному разсмотрѣнію, именно по спискамъ Вѣнскому и Пражскому. О послѣднемъ говорится у Сперанскаго: Рукописи Шафарика въ Прагѣ М. 1894, но, строгій къ другимъ, г. Сырку замѣчаетъ, что у Сперанскаго „кодексъ списанъ весьма недостаточно“. Эти двѣ рукописи разсмотрѣны г. Сырку внимательно и описаны обстоятельно, есть и сличеніе съ греческимъ текстомъ (по двумъ спискамъ). Замѣчу только, что кажется совершенно напрасно предполагаетъ авторъ о тождествѣ писца Вѣнскаго списка съ писцомъ списка Пролога 1338 г., „по крайней мѣрѣ такъ можно думать по замѣткѣ въ концѣ кодекса.. которая оканчивается словами, „*тах мних*, имя или выраженіе вмѣсто имени, которое находимъ и въ послѣсловіи Пролога 1335 г.“. Авторъ забылъ или не обратилъ вниманія на сказанное Миклошичемъ въ его Слов. Церк. Слав. языка „*таха* съ есылкою на І. Экз. Калайдовича и сербск. Іоанна Златоуста 1574 г. „многогрѣшнымъ иаковомъ *таха мнихомъ*“ е гр. *таха*, то-есть, только что, б. м. и недавно. Слѣдуя г. Сырку, надо бы было и этого Іакова (1574 г.) считать однимъ лицомъ съ писцомъ Пролога (1338 г.).

Затѣмъ авторъ обращается къ недатированнымъ спискамъ сборниковъ (с. 484—493). Впрочемъ на стр. 490 идетъ рѣчь о Номоканонѣ (Порф. собр. Имп. Публ. Библ.), а затѣмъ опять о сборникѣ (Гильф. Имп. Публ. Библ.) и о сборникахъ Яцимирскаго, Кіевскаго Археологическаго музея и Тульчинскаго (опис. проф. Богданомъ). Здѣсь авторъ пользуется описаніями Попова, Яцимирскаго, Викторова, Порфирія (Перв. пут. въ ае. мон.), Отчета Публичной Библиотеки

¹⁾ Всѣ эти писатели являются у насъ, въ томъ же, какъ и у г. Сырку, порядкѣ, одинъ за другимъ, не мало конечно дивясь своимъ встрѣчамъ.

и особенно г. Радченка. Вообще послѣдному г. Сырку весьма много обязанъ своимъ знакомствомъ съ разными Московскими и Петербургскими рукописями, самимъ имъ не разсмотрѣнными.

Видимо у г. Сырку какъ будто не доставало времени на ближайшее личное ознакомленіе съ Петербургскими и Московскими рукописными собраніями. Намъ не мало удивляетъ, что такъ много ѣздившій по Румыніи, Сербіи, Болгаріи, бывшій и на Аѳонѣ, г. Сырку такъ мало даетъ доказательствъ своего личнаго знакомства съ среднеболгарскими рукописями. Еще недавно читали мы въ Периодическомъ Списаніи (Софія 1899. Кн. 59) въ замѣткѣ г. Аргирова, что г. Сырку (проф. С., „русскія слависты С.“) въ бытность свою въ Болгаріи (не въ 1899 г., а раньше) имѣлъ въ своихъ рукахъ полученныя имъ отъ одного болгарина, адвоката въ Татаръ Пазарджикѣ, Хр. Захариева, сына извѣстнаго Стефана Захариева, 22 рукописи XIII—XVI вѣка. Онъ видѣлъ конечно и другія болгарскія рукописи какъ въ частныхъ рукахъ, такъ и въ монастыряхъ, наконецъ въ библиотекѣ Софійской. Неужли между этими рукописями ему вовсе не попадалось рукописей XIV—XV вѣка и не могъ онъ замѣтками о нихъ пополнить свои пробѣлы? Вообще отъ г. Сырку мы вправѣ были ожидать много новыхъ указаній и свѣдѣній изъ заграничныхъ собраній рукописей — о болгарской письменности XIV вѣка, особенно за время I. Александра, а также и личнаго знакомства съ отмѣчаемыми имъ рукописями Московскими и Петербургскими. Этотъ обзоръ болгарской письменности, полезный и теперь, былъ бы несравненно цѣлнѣе, еслибъ авторъ больше вниманія посвятилъ личному осмотру и изученію этихъ рукописей, какъ сдѣлалъ молодой питомецъ Кіевскаго университета, готовясь къ своей магистерской диссертациі о томъ же предметѣ, какому посвятилъ окончившій университетъ 25 лѣтъ назадъ г. Сырку свою докторскую диссертацию. Это тѣмъ болѣе досадно и обидно, что г. Сырку, какъ я уже замѣчалъ, потратилъ много времени и труда на свои выписки, лишнія, неявныя и полуявныя.

XX.

Что такое эти выписки неявныя и полуявныя?

Воздерживаясь отъ всякихъ дальнѣйшихъ объясненій, представляю читателю самыя эти выписки, съ указаніемъ, откуда онѣ взяты и какъ онѣ составлены. Работа, конечно, чисто механическая, но потребовавшая не мало труда, достойнаго лучшей задачи. Недавно въ

одномъ англійскомъ журналѣ было разоблаченіе подобной же работы; книжка была по англійской исторіи, и статья, ей посвященная, получила заглавіе: *The manufacture of history -- историческая мануфактура*.

Г. Сырку, рассказывая о Григоріи Паламѣ и спорѣ его съ Варлаамомъ, пользуется довольно плохую книжкою Модеста—Св. Григорій Палама. Кіевъ. 1860, статьею „Св. Григорій Палама и Варлаамиты“ того же вѣроятно Модеста въ Воскр. Чтеніи, Кіевск. духовн. журналъ, XII и статьею г. Недѣтовскаго „Варлаамитская ересь“ въ Труд. Кіевской Духовной Академіи 1872 и предисловіемъ къ русскому переводу Никифора Григорья.

Сырку, стр. 90.

„Здѣсь онъ (Варлаамъ) обратилъ на себя *вниманіе императора и особенно родственника его, перваго вельможи византійскаго двора Г. Кантакузина. Многие изъ греческихъ святителей удостоили его своей дружбы, такъ что вскорѣ Варлаамъ приобрѣлъ значеніе въ константинопольскомъ клирѣ и поставленъ былъ настоятелемъ знаменитой обители Пандократора (Вседержителя)*.“

Сырку, стр. 90.

„Когда папа Бенедиктъ XII, по предложенію Андроника Младшаго, послалъ въ 1334 г. въ столицу Византіи пословъ для переговоровъ съ греками о соединеніи церквей, Варлаамъ доказывалъ *передъ ними, что Духъ Святыи исходитъ отъ одного Отца и вслѣдъ затѣмъ написалъ нѣсколько сочиненій противъ папы, противъ его пословъ и противъ Тома Аквината, ревностнаго защитника мнѣній римской церкви*“. Все буквально изъ Моде-

Воскр. Чт. XII, стр. 520.

„Эти сочиненія обратили на него благосклонное вниманіе греческаго императора.“

Многіе изъ греческихъ святителей удостоили Варлаама особенной любви и дружбы и т. д.

ста, стр. 12, только вѣсто *предъ* (Мод.) у Сырку *передъ*.

Сырку, стр. 90.

„Черезъ нѣкоторое время, однако, открылось, что такой поборникъ православія, какимъ былъ Калабрійскій выходецъ, — опаснѣйшій врагъ его“.

Сырку, стр. 91.

„Кромѣ того, бросивъ личину лицемерія, началъ открыто упрекать византійцевъ въ невѣжествѣ и необразованности: (и) доказывать, что латинскіе догматы правильнѣе догматовъ, исповѣдуемыхъ восточною церковію, что и греки должны непремѣнно покориться папѣ¹⁾“.

Сырку, стр. 95.

„Варлаамъ... притворяясь смиреннѣмъ и кроткимъ, объявилъ тамошнимъ монахамъ, что въ заглаженіе своей измѣны православію предъ Богомъ и людьми, желаетъ посвятить себя (строга) подвижнической жизни²⁾. (По всей вѣроятности, изъ Солуны Варлаамъ) отправился на Афонъ, прикрываясь желаніемъ точнѣе узнать свойства подвижнической жизни, но въ самомъ дѣлѣ имѣя въ виду подмѣнить въ жизни тамошнихъ иноковъ что либо такое, что могло бы послужить предлогомъ къ на-

Модестъ, стр. 12.

Вскорѣ однакожь открылось, что этотъ поборникъ православія былъ опаснѣйшій врагъ его.

Модестъ, стр. 13.

„Вошедши въ довѣренность Императора и его дома и приобрѣвши уваженіе въ народѣ, Варлаамъ снялъ личину лицемерія, и началъ...“ и т. д. Послѣ необразованности у Модеста: — доказывать, остальное буквально по Модесту.

Модестъ, стр. 14.

„Варлаамъ уже не выказывалъ своей учености, а объявилъ тамошнимъ монахамъ, что въ заглаженіе и т. д.“

У Сырку строю, у Модеста посвятилъ себя подвижнической строюй жизни.

Воскресн. Чт. 520.

¹⁾ При семъ подстроичное прим. Gregorae Hist. I. XI. cap. 39 (по Боннскому и по Миньевскому изд.) Модестъ Св. Григорій Палама, стр. 12—13.

²⁾ У Сырку прим. 3. Модестъ, св. Григорій Палама стр. 14. Выписанное мѣсто безъ кавычекъ.

падкамъ на нихъ. Вкравшись въ доверчивость къ одному простому и неученному старцу, по имени Симеону. [и притворившись передъ нимъ невѣждой въ подвижнической жизни онъ просилъ старца, открыть ему способъ къ постепенному возвышенію въ тайнахъ созерцательной жизни. Старецъ, не подозревая коварства Варлаамова, передалъ ему, по своему, замѣтки о плодахъ умнаго дѣланія и сообщилъ вѣтшіе приемы созерцательной жизни подвижниковъ афонскихъ. (Предполагають), что этотъ старецъ передавалъ одинъ изъ способовъ къ духовному восторгу, посредствомъ котораго можно созерцать свѣтъ божественный чувственнымъ взоромъ. [Этотъ способъ состоялъ въ томъ, что занимающійся умной молитвой, сидя въ запертой кельи въ такомъ положеніи тѣла, чтобы, прижавъ бороду къ груди и смотря на свой пупъ, удерживать дыханіе, сколько возможно и произносить непрестанно молитву Господню въ умѣ, устремленномъ внутрь сердца, вокругъ котораго показывался во время молитвы божественный свѣтъ, и этотъ свѣтъ можно было видѣть тѣлесными очами и чувствовать неизреченную радость и т. п.] Возвратившись съ Аона въ Солунь, онъ началъ и устно и письменно разсѣвать клеветы на афонскихъ (монаховъ), называя

Модестъ.

Въ продол. то-есть у Модеста [предъ.

Воскр. Чт.

Говорять, что этотъ и т. д.

Изъ Порфирія Первое путешествіе на Аeonъ I, 1, стр. 229.

У Сырку прим. 2, Contac. Тамъ же. Модестъ Св. Григ. Палама. Порфир. Первое путешествіе.

Воскресное Чтеніе, стр. 520.

„Отселѣ онъ отправился на Аeonъ, прикрываясь и т. д.

Воскр. Чтеніе, XXII 520.

Пробывши послѣ сего немного на Аeonѣ, Варлаамъ возвратился въ Солунь и началъ устно...

ихъ прельстившимися, лжецами, обманщиками, извратителями истинныхъ догматовъ церкви, еретиками, (евхитами,) мессалианами (и омфалопсихами), открыто утверждая, что всякъ долженъ убѣгать, какъ заразы ихъ суевѣрной жизни“.

Сырку, стр. 97.

„Григорій не могъ остаться равнодушнымъ къ клеветамъ Варлаама на восточное монашество; напротивъ онѣ заставили Григорія выступить противъ него. Палама написалъ цѣлый рядъ писемъ *отъ лица всей аеонской братіи, чтобы послѣдній* „не злословилъ монаховъ, основываясь на словахъ простаго старца, и чтобы клеветами не отвращалъ людей отъ совершеннѣйшаго образа жизни. А если хочеть узнать истину, долженъ обращаться къ мужу, котораго Богъ удостоилъ своей благодати“. [Однако] это скромное обличеніе нисколько не вразумило Варлаама, но послужило для него поводомъ еще къ большимъ нападкамъ на аеонскихъ монаховъ. Узнавъ изъ письма Григорія, что аеонскіе монахи вѣрятъ въ несотворенность Фаворскаго свѣта, Варлаамъ сталъ упрекать ихъ въ двубожіи (διδεῖαν). Между прочимъ онъ говоритъ: „О нечѣпость! (Βῆγυσιε отъ дыма по-

Послѣ клеветы: „вообще на иноковъ аеонскихъ.

евхитами нѣтъ въ текстѣ Воскреснаго Чтенія, но въ примѣчаніи (стр. 520) *Мессалиане или Евхиты*; нѣтъ: „и омфалопсихами“, за то есть у Модеста 15: „называлъ ихъ открытыми еретиками: Евхитами, Мессалианами, омфалопсихами“.

Модестъ, стр. 15.

„Такія клеветы Варлаама на восточное монашество побудили Св. Григорія Паламу между прочимъ написать къ нему *отъ лица* всей братіи аеонской, чтобы онъ „не злословилъ и т. д.

Модестъ, стр. 15—16.

...своей благодати „это скромное обличеніе не только не вразумило Варлаама“.

Воскресное Чтеніе.

„Варлаама не только не образумило письмо Паламы, но еще послужило поводомъ къ большой дерзости съ его стороны. Читая посланіе Св. Григорія, что свѣтъ Фаворскій не сотворенъ, онъ восклицаетъ: „о нечѣпость! Слыши,

падаютъ въ огонь). Слыши, небо, и внимай, земля: свѣтъ оаворскій не созданъ. Что же онъ иное послѣ этого, какъ не самъ Богъ? (τὸ ἐν Θαβώρ φῶς ἀκτιστὸν καὶ τὶ ἄλλο ἢ θεὸς καθ' ἑμᾶς). Ибо ничего нѣтъ несотвореннаго, кромѣ Бога. Если же этотъ свѣтъ не есть нѣчто сотворенное, не есть и сущность Божія, ибо Бога никто же видѣ нигдѣ же, то что же это такое, какъ не служеніе двумъ богамъ: одному зиждителю всяческихъ, Котораго всякъ, кто его исповѣдуетъ, считаетъ невидимымъ; а другому же, по вашему ученію, видимому, то-есть этому несозданному свѣту?] А я никогда не признаю несотвореннымъ того, что отдѣльно и отлично отъ божественной сущности“.

На 99 стр. 28 строкъ, почти вся страница (безъ 4 строкъ) занята выпискою изъ Порфирія Первое путешествіе на Авоны, приводятся слова Паламы противъ Варлаама. Есть въ скобкахъ одна греческая фраза и два раза по одному греческому слову — все взято изъ Порфирія. Любопытно, что въ заключеніе г. Сырку прибавилъ отъ себя:

„Короче говоря, во всемъ этомъ длинномъ словѣ или разсужденіи Палама доказываетъ, что иное есть ученіе св. Духа, а иное—мудрованіе челоѣтка“.

Сырку, стр. 109.

„Вообще Варлаамъ обвинялъ аѳонскихъ монаховъ, что они *вѣрятъ созерцанію свѣта* Божія и приготовляются къ тому, хотя мо-

небо и внимай земля: свѣтъ Оаворскій не созданъ. Что же онъ иное послѣ этого, какъ не самъ Богъ. Ибо нѣтъ ничего не сотвореннаго, кромѣ Бога. Если же оный свѣтъ не есть нѣчто сотворенное, не есть и сущность Божія, ибо „Бога никто же видѣ нигдѣ же, то слѣдуетъ, что вы (то-есть аѳониты) служите двумъ богамъ, одному—зиждителю всяческихъ, котораго всѣ исповѣдуемъ недоступнымъ тѣлесному зрѣнію, а другому, по ученію вашему, доступному для чувственнаго видѣнія *несозданному свѣту*. А я никогда не признаю и т. д.

Порфирій, стр. 236.

„Все это предлинное разсужденіе Паламы, какъ музыкальное произведеніе, выражаетъ разными варіаціями одинъ главный тонъ, что иное есть ученіе св. Духа, а иное—мудрованіе челоѣтка“.

Воскресн. Чтеніе, стр. 521—2.

„Варлаамъ, увѣренный въ твердости своихъ убѣжденій, донесъ императору, что *аѳонскіе иноки вѣрятъ* и т. д.

литвами, но съ внѣшними пріемами, и доказывалъ съ своей стороны, что свѣтъ, видѣнный апостолами на Фаворѣ, есть твореніе, что не сотворенъ одинъ Богъ [или его сущность] и что никакою молитвой нельзя достигнуть осіянія небеснымъ свѣтомъ“.

Сырку, стр. 111.

„Прежде всего Палама обратился къ императору съ жалобой, что Варлаамъ *крайне обижаетъ всѣхъ восточныхъ монаховъ, клеветца на нихъ и изъявилъ желаніе отровергнуть его обличенія*“.

Сырку, стр. 113.

„Варлааму предоставлено было говорить первому, такъ какъ онъ вызвалъ на судъ Паламу и другихъ иноковъ, уличая ихъ въ заблужденіи. Варлаамъ истощилъ все свое искусство въ діалектикѣ, чтобы явиться предъ многочисленнымъ собраніемъ. Онъ *оставляя дѣло обвиненія монаховъ, требовалъ прежде всего (рѣшенія) спорныхъ вопросовъ, занимавшихъ его и его противниковъ.* (Но) патриархъ велѣлъ прочитать каноническія правила о томъ, кто можетъ разсуждать о догматическихъ вопросахъ и какія предосторожности должны наблюдать при этомъ люди, имѣющіе право изъяснять ихъ. Затѣмъ принесены были и прочитаны сочиненія Варлаама: „*Κατὰ μασσαλιανῶν*“ (Противъ массалианъ) [такъ называлъ

Слова „или его сущность“ послѣ „одинъ Богъ“ прибавлены г-мъ Сырку вѣроятно для большей ясности.

Модестъ, стр. 16.

„Въ слѣдъ за Варлаамомъ онъ прибылъ въ Константинополь, громко жаловался патриарху и императору, что Варлаамъ *крайне обижаетъ и т. д. до обличенія.*

Воскр. Чтеніе, стр. 522.

Въ засѣданіи соборномъ *предоставлено было говорить* прежде Варлааму, *такъ какъ онъ вызвалъ на судъ Паламу и т. д. до сл. собраніемъ.*

Недѣтовскій, Тр. К. Дух. Акад. 1872, I, 334.

„Передадимъ въ короткѣ содержаніе соборнаго акта... „Предъ многочисленнымъ собраніемъ монаховъ, клириковъ и мірянъ Варлааму предложили высказать все, что онъ имѣлъ противъ жизни подвижниковъ. *Варлаамъ оставляя это дѣло въ сторонѣ, требовалъ прежде всего разрѣшенія спорныхъ и т. д.*

У Сырку: *рѣшенія* вмѣсто разрѣшенія, *но* патриархъ вмѣсто *тогда* патриархъ.

Варлаамъ безмолвниковъ]. Въ этихъ сочиненіяхъ о Ѡаворскомъ свѣтѣ) опъ между прочимъ говорить такъ:

„Свѣтъ, *возсіяетій* на Ѡаворѣ не былъ недоступный и пр.

Послѣ „еще несподобившіеся пониманія боговидѣній (τῶν θεοειδῶν νοήσεων)“ у Сырку прибавлено противъ Порфирія: „и такимъ образомъ отъ такого свѣта мы переходимъ къ мыслямъ и положеніямъ, которыя несравненно лучше этого свѣта“.

Вмѣсто *оний свѣтъ* (у Порфирія) у Сырку „этотъ свѣтъ“.

Сырку, стр. 114.

„Варлаамъ утверждалъ, что эта молитва не православна, что она составлена *въ духъ ученія богомилловъ*.

Сырку, стр. 114 — 115.

Послѣ этого соборъ предложилъ обвиняемому защищаться. Тогда Палама отъ лица всего аѳонскаго монашества торжественно опровергъ всѣ мудрованія калабрійца и оправдалъ чистоту аѳонскаго подвижничества. Онъ, какъ рассказываетъ (I. Кантакузинъ): „такъ просто ясно, твердо и убѣдительно доказывалъ правоту всего ученія“.

Выписка продолжается на 115 стр. до начала 116 все изъ Воскреснаго Чтенія 522, съ немногими вариантами, напримѣръ, въ подлинникѣ, то-есть въ Воскресномъ Чтеніи „не смотря на покровитель-

У Сырку: „какъ называлъ Варлаамъ безмолвниковъ“ вмѣсто такъ называлъ онъ психастовъ.

У Сырку: „въ этомъ сочиненіи о Ѡаворскомъ свѣтѣ вмѣсто „въ которыхъ онъ разсуждалъ между прочимъ такимъ образомъ“.

Порфирій, Перв. пут. I, 214—4.

У Сырку *возсіявшій*. У Порфирія *просіявшій*.

У Сырку 4 вставки греческихъ въ скобкахъ.

Недѣтовскій, стр. 334.

Варлаамъ утверждалъ и т. д.

„въ духъ богомилскаго ученія о Христѣ“.

Воскресное Чтеніе, стр. 522.

„Выслушавъ его (Варлаамъ), соборъ предложилъ защищаться обвиняемому. Тогда Пал...

„какъ рассказываетъ объ этомъ благодѣтельный очевидецъ, (опущено у Сырку) — цитата Cantac. I, II, с. 40.

ство императора"—у г. Сырку: „не смотря на покровительство, оказываемое императоромъ“. Въ подлинникѣ: „и на основаніи изреченій богослововъ“, у г. Сырку: „и на основаніи богослововъ“. Въ подлинникѣ: „послѣ этого онъ прочиталъ“, у г. же Сырку *затѣмъ* (съ запятою) онъ прочиталъ“.

На стр. 116—117 нашъ авторъ покидаетъ Воскресное Чтеніе и обращается къ Недѣтовскому, впрочемъ выписывая изъ него съ разборомъ или критикою, какъ днѣ это исполнялъ и въ прежнихъ случаяхъ.

(„Соборный актъ передаетъ, по словамъ г. Сырку, что) императоръ произнесъ воодушленную (sic) рѣчь въ защиту православія, послѣ чего Варлаамъ былъ торжественно объявленъ еретикомъ и клеветникомъ, а монахи—вѣрными ученію св. отцовъ и свободными отъ возводимыхъ на нихъ обвиненій. Тогда Варлаамъ просилъ извиненія у монаховъ. Въ заключеніе патріархъ объявилъ Варлааму, что, если онъ не покается и не перестанетъ опять говорить и писать что-нибудь еретическое и возводить разныя хулы на монаховъ, то будетъ отлученъ“¹⁾).

Критическую самостоятельность свою г. Сырку и здѣсь не преминулъ выразить нѣкоторыми исправленіями текста Недѣтовскаго. Такъ начальныя слова этой выписки принадлежатъ всецѣло г. Сырку. У него „Соборный актъ передаетъ, что“—у Недѣтовскаго только: „Затѣмъ императоръ“ и т. д. „Воодушленную рѣчь“ вмѣсто Недѣтовскаго „воодушевленную“ вѣроятно объясняется небрежностью наборщика или понятнымъ утомленіемъ автора отъ довольно длинныхъ выписокъ. Намѣренно должно быть вынуждены нашимъ авторомъ слова Недѣтовскаго: „за ученіе о Фаворскомъ свѣтѣ“ въ скобкахъ послѣ словъ „объявленъ еретикомъ“ и „будто бы“ въ предложеніи: „Тогда Варлаамъ *будто бы* просилъ извиненія у монаховъ“. Наконецъ у Сырку: *будетъ* отлученъ“, у Недѣтовскаго же: „отлученъ отъ церкви“.

XXI.

Желая повидимому отдохнуть отъ совершенной уже имъ, довольно скучной, работы и въ ожиданіи новыхъ, впереди предстоявшихъ, не менѣе тяжелыхъ, выписокъ, авторъ нашъ предался на время размышленіямъ. При семъ онъ снова засвидѣтельствовалъ и свое строго-православное направленіе и свое строгое безпристрастіе.

¹⁾ Въ подстрочномъ своемъ примѣчаніи (1) Сырку указываетъ: Migne, Miklov.—Mall. (Acta). Порфирій и наконецъ Недѣтовскій. Все выписанное изъ Недѣтовскаго не въ кавичкахъ.

„Личность Варлаама нѣкоторые ученые считаютъ довольно загадочной (въ прим. Ср. Воскр. Чт. XXII, стр. 519). *По моему разумѣнію, нельзя сомнѣваться въ томъ, что Варлаамъ былъ ничѣмъ инымъ, какъ папскимъ орудіемъ на востокъ, — потрясенномъ и въ основаніи расшатанномъ цѣлымъ рядомъ тяжелыхъ политическихъ событій, вызванныхъ между прочимъ и тогдашнимъ социальнымъ положеніемъ Византіи, которая въ XIV вѣкѣ была въ большомъ упадкѣ. Иезуитская натура Варлаама съ авантюристическими склонностями вполне отвѣчала этому назначенію. Католическіе и другіе, подобно имъ мудрствующіе историки очень слабо защищаютъ Варлаама и совершенно неудовлетворительно объясняютъ, конечно, для его оправданія, его поступки предосудительные, даже съ католической точки зрѣнія“.*

Что касается Варлаама и Паламы, нашъ авторъ, какъ мы видѣли и еще увидимъ, весьма не мало обязанъ тремъ съ такою неутолимою жадной исчерпываемымъ имъ источникамъ: Модесту, анониму Воскреснаго Чтенія и Недѣтовскому. Всего болѣе имъ забрано изъ двухъ послѣднихъ, всего меньше изъ Модеста. Но таково строгое, неподкупное безпристрастіе. Онъ молча осудилъ или нашель страннымъ, мнѣніе Воскреснаго Чтенія о Варлаамѣ, какъ о лицѣ загадочномъ и совершенно замолчалъ мнѣніе о немъ Модеста, такъ какъ во взглядѣ на Варлаама онъ вполне согласенъ съ г. Сырку. „Варлаамъ, калабрійскій монахъ ордена св. Василія Великаго, по словамъ Модеста,—*хитрое орудіе папскаго властолюбія и стремленія къ преобладанію надъ греческою церковью“.* (Мод. 11).

Строгое, ничѣмъ неподкупное безпристрастіе свое доказалъ г. Сырку своимъ укоромъ, обращеннымъ къ Недѣтовскому, указавъ на его статью (стр. 118, прим. 1) при выраженіи своего неудовольствія на католическихъ писателей и *другихъ подобно имъ мудрствующихъ историковъ.* Они *де очень слабо защищаютъ Варлаама и совершенно неудовлетворительно объясняютъ, конечно для его оправданія, его поступки предосудительные, даже и съ католической точки зрѣнія.*

Такъ не стѣсняясь заимствованіями изъ Недѣтовскаго, и передъ этимъ укоромъ и послѣ него, г. Сырку подобно Мольеру беретъ свое добро, гдѣ его находитъ, и, подобно своимъ героямъ Григорію Паламѣ и Осодосію Терновскому, безстрашно *обличаетъ и посямляетъ лже-мудрствующаго* Недѣтовскаго. Успенскій, согласный во многомъ съ послѣднимъ относительно Варлаама, не подпалъ отлученію, благодаря лишь тому, что г. Сырку ознакомился съ статьями Успенскаго уже по отпечатаніи этой части своего труда.

Какъ бы въ опроверженіе Недѣтовскаго нашъ авторъ говорить далѣе, что въ Имперіи за это время было не мало *зачинщиковъ и поддержателей смутъ и неурядицъ* (стр. 118), „но были люди и совѣтъмъ противоположнаго направленія, которые, если не составляли *меньшинства византійскаго общества, то во всякомъ случаѣ не составляли и большинства*. Это были люди, по преимуществу чистые греки, которые, понимая серіозную опасность, грозившую ихъ отечеству, искали причины этой опасности въ самихъ себѣ, въ своихъ грѣхахъ, думая, что чрезъ самоусовершенствованіе... возможно будетъ устранить эту опасность. *Таковы были Св. Симеонъ, новый бословъ. Иоаннъ Кантакюзинъ, Григорій Палама, Каллисты и Филовей и др., подобные имъ... Такіе представители тогдашней Византіи находили сильное сочувствіе среди всѣхъ слоевъ Византійскаго общества*. Такимъ образомъ можно объяснить себѣ успѣхи І. Кантакюзина, главное благодаря тому, что онъ поддерживалъ православіе“ (стр. 119).

Любопытно, что такъ хорошо изучившій *Византію XIV вѣка*, такъ точно сосчитавшій большинство и меньшинство византійскаго общества, г. Сырку къ лучшимъ византійцамъ половины XIV вѣка, причисляетъ Симеона Новаго, поставленнаго въ священники патриархомъ Николаемъ Хрисовергомъ (984 — 995) и умершаго всячески въ первой половинѣ XI вѣка. Къ великимъ же людямъ Византіи причисляетъ нашъ авторъ и Кантакюзина на стр. 119, а на стр. 376 тотъ же Кантакюзинъ виѣтъ со Стефаномъ Душаномъ представляетъ совершенную противоположность мудрому І. Александру, „вся жизнь“ І. Кантакюзина и Сербскаго царя „составляетъ, можно сказать рядъ авантюристскихъ и даже безсмысленныхъ предпріятій“. „Стефанъ Душанъ вмѣстѣ съ І. Кантакюзиномъ (sic) являются злыми ченіями Балканскаго полуострова. Не будь ихъ, быть можетъ, надолго было бы отсрочено нашествіе турокъ на Балканскій полуостровъ, да и каково было бы это нашествіе, если бы оно и случилось. Известно, что Византія пережила ио латинское. Но что было бы, если оба эти честолюбца, и Иоаннъ Кантакюзинъ, и Стефанъ Душанъ, достигли своихъ цѣлей. Остались ли они довольны“? (sic).

XXII.

Отдохнувъ, нѣсколько по примѣру г. Сырку, на его же размышленіяхъ, обратимся снова къ скучнымъ его выпискамъ, прежде всего изъ Недѣтовскаго, только что получившаго отъ нашего автора строгій выговоръ.

Сырку, стр. 120.

„Воспитавшись подъ руководствомъ Варлаама, онъ (Григорій Акиндинъ) усвоилъ схоластическое богословіе Фомы Аквината. Онъ написалъ нѣсколько сочиненій о сущности и свойствахъ Божіихъ, развивая и доказывая [въ нихъ] ¹⁾ ту мысль, что въ Богѣ сущность и свойства и дѣйствія различаются между собой только нашимъ разсудкомъ, а на самомъ дѣлѣ составляютъ одно и то же божественное существо. Потому онъ не допускалъ, что свѣтъ Фаворскій былъ (созданіемъ ²⁾) самого Божества, потому что въ такомъ случаѣ видѣвшіе его видѣли бы въ то же время сущность Божества, что невозможно. Онъ училъ подобно Варлааму, что свѣтъ, видѣнный апостолами на Фаворѣ, былъ сотворенный и выражалъ это такимъ силлогизмомъ: все что можно видѣть тѣлесными глазами, сотворено: [свѣтъ на Фаворѣ видѣнъ] ³⁾ былъ тѣлесными глазами; слѣдовательно онъ сотворенъ и, слѣдовательно, онъ не божество“.

Сырку, стр. 121—2.

„Палама (въ опроверженіе Акиндина) доказывалъ во многихъ

Недѣтовскій, стр. 336.

Воспитавшись подъ руководствомъ *западника* Варлаама, онъ училъ объ этомъ предметѣ въ духѣ схоластическаго богословія Фомы Аквината, *развивая и доказывая ту мысль* и т. д.

У Недѣтовскаго „Палама“ противопоставляя разсужденіямъ *отъ разума* ученіе св. отцовъ, доказывалъ во многихъ своихъ сочиненіяхъ и т. д.

¹⁾ Нѣтъ у Недѣтовскаго.

²⁾ Силніемъ (Недѣтовскій).

³⁾ Свѣтъ Фаворскій видѣнъ.

своихъ сочиненіяхъ [и особенно] ¹⁾ въ Θεοφάνης ἡ κατὰ Θεότητος καὶ τοῦ κατ' αὐτὴν ἀρεθῆκτον та καὶ μεθῆκτον“ ²⁾ ту мысль, что существо Божіе имѣетъ такъ сказать двѣ стороны.—недоступную для человѣческаго пониманія,—это сущность Божества, и доступную—свойства его. Поэтому, не допуская, что Фаворскій свѣтъ былъ проявленіемъ самой сущности божества, Палама утверждалъ, что въ этомъ свѣтѣ видимымъ образомъ проявилась доступная человѣку часть Божества“ ³⁾. Все это взято изъ Недѣтовскаго, 336, но кавычками не обозначено.

Такимъ же образомъ большая часть стр. 122, вся стран. 123 и большая часть стр. 124 заняты выписками попеременно изъ Модеста, изъ Воскреснаго Чтенія и изъ Недѣтовскаго. Правда въ прим. 2 (стр. 122) есть ссылка на Модеста стр. 18, но кавычками выписка не обозначена, въ прим. 3 (стр. 122) ссылка идетъ въ такомъ порядкѣ Сантас. (Боннск. изд.), Migne t. 151, coll. 601—605. Модеста, Воскресное Чтеніе, Недѣтовскій; на 123 стр. нѣтъ ни одной ссылки. за то въ одномъ прим. Сантас. Боннск. Migne t. 151. Аеонскій Патерикъ, Никифоръ Григора Боннскаго изд. Migne t. 148, Миклошичъ и Миллеръ (Acta), Allat. de Eccles. regr. cons. Воскр. Чтеніе, Модестъ, Недѣтовскій. Словомъ та же исторія съ осетромъ и рыбкой, только здѣсь не слѣденымъ осетромъ прикрываются выуженныя рыбки. Но и здѣсь есть разночтенія выписокъ съ оригиналомъ, напр. вмѣсто *поелуку* (стр. 122) Модеста—*такъ какъ*, вмѣсто на *первомъ* соборѣ (стр. 122) Модеста—на *бывшемъ*.; вмѣсто два спорные предмета (стр. 122) Модеста—два спорныхъ *вопроса*. За выпиской изъ Модеста непосредственно слѣдуетъ выписка изъ Воскреснаго Чтенія и вторая выписка связана самобытно г. Сырку черезъ „Однако и“ на этомъ соборѣ (стр. 122), въ Воскресномъ же чтеніи прямо: „На этомъ соборѣ“; вмѣсто *патріарха* Іоанна Калеки (Воскр. Чт.) у г. Сырку. „патріарха Іоанна“ вмѣсто шести митрополитовъ и многихъ епископовъ (Воскр. Чт.) Сырку (с. 122) прибавляетъ: шести митрополитовъ, многихъ епископовъ и *вельможъ*. На стр. 123, въ выпискѣ изъ Недѣтовскаго вмѣсто „патріархъ мучимый *честолюбіемъ*“ г. Сырку пишетъ *властолюбіемъ*. Далѣе онъ такимъ образомъ перефразировалъ Недѣтовскаго: „Различными клеветами на Кантакузина патріархъ достигъ того, что императрица удалила отъ себя великаго domestika“. У Сырку

¹⁾ У Недѣт. сочиненіяхъ (особенно въ Θεοφ. и т. д.).

²⁾ У Сырку ссылки: Migne Patr. gr. t. 150, col. 909—960.

³⁾ Недѣтовскій стр. 336.

вмѣсто того: „но, такъ какъ ему мѣшала Кантакузинъ, то онъ сталъ клеветать на послѣдняго и достигъ того, что императрица [мать наслѣдника, оскорбленная тѣмъ, что она лишена опеки], удалила и пр. Эта прибавка въ скобкахъ взята изъ Воскреснаго Чтенія, гдѣ сказано: „мать наслѣдника, оскорбленная лишеніемъ опеки“. Вмѣсто „Кантакузинъ видѣлъ себя со всѣхъ сторонъ въ опасности и спасалъ себя“ (Воскр. Чт.) у г. Сырку: „Кантакузинъ, видя опасность со всѣхъ сторонъ и желая себя спасти“. Вмѣсто *однако* (Воскр. Чт.) у Сырку: „но“. Вмѣсто „*несмотря на то*“ у г. Сырку: „Несмотря однако на все это“; вмѣсто *энергически* (Недѣт.) у Сырку: „рѣшительно“; вмѣсто „возсталъ противъ *безчестнаго* образа дѣйствій патріарха“ (Недѣт.) у Сырку—нѣтъ „безчестнаго“; вмѣсто „*нерѣдко* смѣло обличалъ“... у Сырку „*не разъ*“ и пр.; вмѣсто „Палама, *удалившійся послѣ*“ (Воскр. Чт.) у Сырку: „удалившійся *вскорѣ послѣ*“. На стр. 124 въ вып. изъ Воскр. Чт. вмѣсто „*вызвалъ Паламу* изъ Гераклеи въ Константинополь, въ 1343 г., заключилъ въ темницу“ и т. д., у Сырку: „а Григорія (т. е. Паламу) *вызвалъ* изъ Гераклеи въ Константинополь, заключилъ и пр. Вслѣдъ за тѣмъ прерывается выписка изъ Воскр. Чт. и непосредственно слѣдуетъ такая же выписка изъ Модеста; вмѣсто Модестова: „Впрочемъ, чтобы дать законный видъ осужденію Паламы“ у Сырку—„Но чтобы“—придать законный видъ своему обвиненію и съ церковной стороны, І. Калека (у Мод. просто „Калека“).

У Сырку, стр. 124.

Модестъ, стр. 20.

„Игнатій... переговоривъ съ Калекою, безъ всякаго суда написалъ обвинительное сочиненіе противъ Паламы и вручилъ его Калекѣ. *который обнародывалъ его* въ томъ же году.

сочиненіе противъ св. Паламы и вручилъ его Калекѣ. *Патріархъ обнародывалъ это сочиненіе.*

На стр. 125—127 Сырку бросаетъ ему уже надоѣвшаго Паламу. и заводитъ рѣчь о Никифорѣ Григорѣ, противникъ Паламы, но не защитникъ Варлаама. Въ примѣчаніи 1 на стр. 125 авторъ говоритъ, что комментаторъ Никифора Григоры въ Парижскомъ изданіи, Боавэнъ написалъ его біографію, что она повторена въ Боннскомъ изданіи, что есть русскій переводъ или вѣрнѣе передѣлка при переводѣ Исторіи Никифора Григоры. Сдѣлано указаніе на Васильевскаго Обзор. труд. по вѣз. исторіи стр. 161—162, гдѣ идетъ рѣчь о Боавэнѣ. Все это

очень хорошо. Но, увы, и здѣсь нашъ авторъ не могъ удержаться отъ выписокъ изъ этой передѣлки Бовановой статьи о Никифорѣ Григорѣ. На стр. 125 и особенно 126 встрѣчаются буквальные выдержки изъ этой *передѣлки* (но не въ кавычкахъ), иногда съ неудачными исправленіями. Далѣе на стр. 127— снова идетъ рассказъ о Григоріѣ Паламѣ. Треть 127 стр., вся 128. вся 129 и почти вся 130 стр. заняты по большей части буквальными выписками изъ Воскреснаго Чтенія, и преимущественно изъ Недѣтовскаго, затѣмъ до стр. 139 идутъ выписки явные изъ Порфирія Исторія Аеона III, 2, Аеонскаго Патерика (русск. пер) и пр. Затѣмъ конецъ стр. 139 и вся 140 стр. съ 2 строчками 141 стр. заняты выписками, безъ кавычекъ, изъ Воскреснаго Чтенія и Модеста, при чемъ въ подстрочныхъ примѣчаніяхъ на первомъ мѣстѣ въ видѣ прикрытія выдвинуты: *Migne*, Боннское изданіе и лишь въ концѣ настоящіе источники Сырку—Воскресное Чтеніе. Модестъ и Недѣтовскій.

Въ своемъ Введеніи авторъ нашъ говоритъ вкратцѣ о раздѣленіи своего труда на главы и о содержаніи каждой главы отдѣльно. Такъ относительно первой онъ замѣчаетъ: „При изложеніи ученія исихастовъ я пользовался и руководствовался по преимуществу источниками, то-есть сочиненіями Григорія Синаита (*sic*) и отчасти сочиненіями сродныхъ ему по доктринѣ отцовъ отшельниковъ (*sic*), а затѣмъ житіями самаго Григорія Синаита, Григорія Паламы и преподобнаго Ромила“ (стр. II).

На стр. V авторъ заявляетъ: „Литература предмета моего изслѣдованія очень не велика“. Въ продолженіи печатанія моего труда появилась книга Успенскаго „Очерки по исторіи византійскихъ образовъ (С.-Пб. 1892)“. Здѣсь де трактуется и вопросъ объ исихастахъ или о распрѣ паламитовъ и варлаамитовъ въ Византіи— „*вопросъ, которому я посвящаю не мало страницъ въ моемъ трудѣ. Но зачѣмъ* (*sic*, вмѣсто задачи) у насъ разныя. *О. И. Успенскій* разсматриваетъ вопросъ на почвѣ почти чисто византійской... и только слегка касается и современныхъ событій въ Болгаріи. Моя задача была совсѣмъ иная. Я желалъ изложить ученіе исихастовъ по теоріи Григорія Синаита... *Споръ паламитовъ и варлаамитовъ у меня занимаетъ второстепенное мѣсто. Я его касался по столько, по сколько онъ былъ нуженъ для моихъ цѣлей. Впрочемъ я думаю, что я говорю объ этомъ спорѣ въ своей книгѣ больше, чѣмъ бы слѣдовало*“ (С. V—VI).

Если г. Сырку не умолчалъ въ Введеніи о книгѣ Успенскаго, то слѣдовало бы ему сказать тутъ же и о трудахъ Модеста, Воскреснаго Чтенія

и Недѣтвскаго, такъ много послужившихъ если не для внутренняго улучшенія, но для вѣдѣній полноты книги г. Сырку. „Литература предмета моего изслѣдованія очень не велика“. Будь она больше, она въ данномъ случаѣ только бы затруднила составленіе труда г. Сырку, а его рецензенту прибавила бы лишь неблагодарной работы на раскрытіе и сличеніе лишнѣхъ выписокъ. Рецензентъ имѣетъ право думать, что о спорѣ паламитовъ съ варлаамитами авторъ выписываетъ изъ указанныхъ авторовъ гораздо больше, чѣмъ бы слѣдовало, и вездѣ при этомъ опускаетъ кавычки, поступаетъ неправильно.

XXIII.

Къ сожалѣнію, къ такому же приему чужихъ или полуужившихъ выписокъ прибѣгаетъ г. Сырку и въ другихъ частяхъ своей книги. Такъ въ поясненіяхъ къ посл. Каллиста въ Болгарію г. Сырку останавливается на бывшемъ въ то время обычаѣ однократнаго погруженія при крещеніи и входитъ въ нѣкоторыя подробности. Я долженъ признаться, что на диспутѣ г. Сырку (въ маѣ) указывая на его недостатки, я между прочимъ отмѣтилъ и хорошія его стороны, при чемъ съ похвалою и уваженіемъ отзывался объ его страницахъ, посвященныхъ указанному вопросу о крещеніи у болгаръ. Осенью нынѣшняго года я убѣдился, что былъ тутъ не совсѣмъ правъ. Оказалось, что и здѣсь г. Сырку прибѣгаетъ къ такому же приему, какъ и въ дѣлѣ Паламы (объ этомъ впрочемъ я тоже узналъ въ августѣ и сентябрѣ). Здѣсь ему послужили источниками: статья игумена *Амвросія* Чинопослѣдованіе таинства крещенія въ церкви римско-католической (Духовный Вѣстникъ мартъ 1867. Харьковъ) и книга г. *Алмазова* Исторія чинопослѣдованій крещенія и мѣропомазанія. Казань. 1885. На нихъ обоихъ онъ правда ссылается, но тамъ, гдѣ изъ нихъ выписываетъ (стр. 334 пр. 1), не отмѣчаетъ кавычками то, что имъ выписано изъ трудовъ Амвросія или Алмазова (стр. 337—338). Кавычки же у г. Сырку имѣются лишь тамъ, гдѣ онъ приводитъ чужіе переводы изъ документовъ латинскихъ. Какъ выше, такъ и тутъ г. Сырку кое гдѣ исправляетъ слогъ переводчика или автора. Такъ на стр. 334 въ Алмазовскомъ переводѣ письма св. Григорія († 604 г.) сказано: „тремя погруженіями *можетъ быть изображена* троячность лицъ“. у г. Сырку исправлено: „изображается“. У Алмазова: „переняли нашъ обычай“—у г. Сырку: „переняли нашъ обычай“. Почти на двухъ страницахъ (337—338) есть складныя выписки изъ Амвросія, Алма-

зова и ст. Прав. Соб. 1866. Ч. II (тоже Алмазова). Здѣсь г. Сырку пишетъ въ VII вѣкѣ, когда въ оригиналѣ „VI вѣкѣ“; у Сырку: „Одни изъ тамошнихъ православныхъ священниковъ продолжали трижды погружать“. У Амвросія „одни священники начали и т. д. Въ статьѣ же Православнаго Собесѣдника (стр. 17): „одна изъ православныхъ священниковъ тамошнихъ“. Въ выпискѣ изъ Алмазовскаго перевода опредѣленія Толедскаго собора г. Сырку пишетъ „долженъ“ вмѣсто „можетъ“ своего оригинала, „вынутіе (выходъ) изъ воды“ вмѣсто „выгруженіе изъ воды“, ставитъ: ; гдѣ въ оригиналѣ —, .

Положимъ, никто не станетъ обращаться къ книгѣ г. Сырку съ тѣмъ, чтобы ближе ознакомиться съ Паламою и Варлаамомъ или съ исторіею обряда крещенія на востокѣ и западѣ. Еще г. Сырку не составлялъ себѣ имени и авторитета въ вопросахъ историко-богословскихъ и церковно-археологическихъ. И извинить ему эти выписки можно, не безъ добавленія, что не нужно было однако при этомъ оставлять читателя въ заблужденіи, будто это не выписки, а собственныя соображенія или переводы самого г. Сырку.

Но, видно, эта манера выписокъ вошла у него въ привычку, такъ что онъ выписываетъ и у того, кто меньше его самого занимался даннымъ предметомъ. Такъ арх. Леонидъ въ 1871 г. нанечаталъ въ Душенолезномъ Читеніи и потомъ издалъ отдѣльной книжкой „Изъ исторіи юго-славянскаго монашества XVI столѣтія“ (на 2-хъ печ. листахъ). Здѣсь излагается жизнь Григорія Синаита, Θεодосія Терновскаго и патріарха Евѳимія. Леонидъ пользовался хорошо извѣстными г. Сырку источниками.

Нашъ авторъ сталъ заниматься Евѳиміемъ лѣтъ черезъ 11 послѣ выхода книжки Леонида, работаетъ надъ нимъ уже свыше 16 лѣтъ и конечно самъ себя считаетъ лучшимъ, чѣмъ Леонидъ, знаткомъ Болгарин XIV вѣка и дѣятельности Евѳимія въ особенности. Онъ самъ въ Введеніи отзывается объ этой статьѣ Леонида довольно покровительственно: „съ фактической стороны это разсужденіе довольно богато и составлено умѣло“.

И что же? Въ большомъ объ Евѳиміи трудѣ г. Сырку, вышедшемъ въ концѣ 1898 г., черезъ 27 лѣтъ послѣ статьи Леонида, мы находимъ на стр. 572, 573, 578 и 579 (здѣсь лишь одну строчку), 584, 586, 587, 588, 589, 590 совсѣмъ почти буквальные выписки изъ небольшой статьи Леонида. Всѣ вмѣстѣ онѣ составляютъ не менѣе 115 строкъ, то-есть слишкомъ 3 страницы, а какъ страница книги Сырку почти вдвое больше страницы книги Душенолезнаго Читенія, то выхо-

дять, что авторъ нашъ выписалъ себѣ чуть не $\frac{1}{5}$ всей книжки Леонида и почти добрую половину его главы объ Евонміи. И тутъ авторъ нашъ ссылается на Гласникъ XXXI (Слово Григорія Цамблака) то-есть главный источникъ объ Евонміи и затѣялъ уже, но не всегда, на Леонида. При этомъ также, какъ и выше, нашъ авторъ исправляетъ то тамъ, то сямъ языкъ и слогъ Леонида, своего оригинала.

XXIV.

Къ сожалѣнію, всѣмъ этимъ не ограничиваются еще неявныя или полуявныя выписки г. Сырку. Въ Введеніи, гдѣ онъ знакомитъ читателя съ содержаніемъ своего труда и отдѣльныхъ его главъ, сказано: „Во 2-й главѣ я излагаю дѣятельность Θεодосія Терновскаго, какъ испихаста, а также и его сподвижниковъ, и *главнымъ образомъ* я обращаю вниманіе на Евонмія, въ послѣдствіи патріарха Терновскаго, а затѣмъ говорю о значеніи Килифаревской обители для Болгаріи XIV вѣка“.

Строго говоря содержаніе II главы здѣсь передается не совсѣмъ вѣрно. Она занимаетъ въ книгѣ 114 страницъ (141—255). Изъ нихъ Евонмію посвящено стр. 248—252 — всего 4 страницы. Килифаревскому же монастырю всего 1 страница. Большая же часть главы, хотя она и озаглавлена „Θεодосій Терновскій“, занята *Григоріемъ Синаитомъ*, подробностями объ его жизни въ Пароріи (стр. 152—153), объ его славянскихъ ученикахъ, о парорійскомъ монастырѣ при Григоріи Синаитѣ (154—155), объ его смерти (156), о нападеніи турокъ на Парорію и ея запустѣніи (158—161), наконецъ—*подробному обзору ученія Григорія Синаита* (167—240), какъ называлъ г. Сырку свои выписки изъ перевода главнаго сочиненія Григорія Синаита, напечатаннаго въ Христіанскомъ Читеніи 1824 г., и изъ перевода преосвященнаго Θεοφана какъ этого, такъ нѣкоторыхъ болѣе мелкихъ его сочиненій, напечатаннаго въ Добротолубіи V. Эти выписки превосходятъ своимъ объемомъ всѣ вышеуказанныя неявныя или полуявныя выписки г. Сырку. Онѣ занимаютъ значительную часть II главы (стр. 168—185, 186—190, 191, 193—197, 199—212, 217—219, 231—234). Здѣсь отмѣчены только выписки, сличенныя мною съ оригиналами, то-есть съ переводами въ Христіанскомъ Читеніи и въ Добротолубіи (русскомъ). И началъ было сличать текстъ г. Сырку (стр. 219) съ текстомъ Добротолубія (на славяно-русскомъ языкѣ),

но оставилъ, такъ какъ уже здѣсь идутъ не выписки, а перефразировка и передѣлка, трудъ уже болѣе самостоятельный.

Что же сказать объ этихъ выдержкахъ? Не скрою, что при первомъ просмотрѣ книги г. Сырку и особенно нѣсколькихъ десятковъ страницъ съ переводомъ многихъ мѣстъ изъ Григорія Синаита, я почувствовалъ радость и своего рода гордое сознание: какъ мы въ послѣдніе годы выросли, давно ли еще кажется (вспоминалъ еще въ прошломъ году слышанное мной отъ незабвеннаго товарища и стараго моего пріятеля Васильевскаго), въ извѣстномъ стихотвореніи, мадригалѣ Австріи, стараго гуманиста одинъ изъ нашихъ филологовъ передавалъ *Bella gerant alii, tu, felix Austria nube*, по латыни — „ты Австрія, счастливая въ облакахъ“. Это было на нашей памяти, и вотъ является книга, посвященная Болгаріи XIV вѣка, съ такимъ большимъ количествомъ переводовъ разныхъ византійцевъ и особенно перевода Григорія Синаита (почти въ страницъ сорокъ). Я считалъ это великимъ шагомъ впередъ въ нашемъ просвѣщеніи. Но, при болѣе внимательномъ чтеніи, еще до диспута, я убѣдился, что г. Сырку много пользовался въ своемъ текстѣ переводами Порфирія, или издачіемъ византійцевъ въ русскомъ переводѣ подъ редакціею проф. Троицкаго, именно Ник. Григ., наконецъ взявъ себѣ Добротолюбіе V часть, я замѣтилъ, что многое у Сырку для Григорія Синаита заимствовано у Теофана. Объ этомъ я сказалъ нашему докторанту на диспутѣ. Онъ промолчалъ, какъ бы соглашаясь съ моею указаніемъ на Теофана, и не прибавилъ, что сверхъ Теофана онъ пользовался и переводомъ Христіанскаго Чтенія. Многого изъ приводимыхъ въ переводѣ мѣстъ Григорія Синаита я не находилъ у Теофана и до октября, ноября мѣсяца былъ въ полномъ недоумѣніи: не переводилъ ли многое самъ г. Сырку? Правда, онъ указалъ на переводъ въ Христіанскомъ Чтеніи 1824 г., но тутъ же замѣтилъ, что переводъ въ Добротолюбіи „вѣрнѣе“, чѣмъ въ Христіанскомъ Чтеніи. Я долго не обращался къ Христіанскому Чтенію (1824 г.), полагая, что не сталъ бы нашъ авторъ пользоваться переводомъ, завѣдомо менѣе вѣрнымъ или не столь вѣрнымъ. Но, съ другой стороны, изучивъ внимательно языкъ и стиль Сырку (и вотъ практическій доводъ въ пользу внимательнаго изученія языка и стиля нашего автора), я никакъ не могъ допустить, чтобы извѣстныя мѣста, написанныя совершенно инымъ языкомъ и въ иномъ стилѣ, могли всецѣло принадлежать нашему автору. Таковы страницы 17—22 о крестьянахъ въ Болгаріи XIV вѣка (преимущественно по Ирѣчку, Сарафову, Фригауфу). Точно также и представ-

ленный г. Сырку переводъ значительныхъ мѣстъ изъ Григорія Синаита. Языкъ и слогъ этихъ переводовъ обличаютъ въ переводчикѣ умъ, привыкшій къ строгому мышлению, ясности и опредѣленности, словомъ идиосинкрасію совсѣмъ не нашего автора. Я наконецъ рѣшился поколлаціанировать переводъ Христіанскаго Чтенія 1824 г. съ предлагаемымъ въ книгѣ г. Сырку переводомъ изъ Григорія Синаита. И вотъ результаты моихъ сличеній: со стр. 168 до половины 179 стр. г. Сырку исключительно пользуется однимъ Христіанскимъ Чтеніемъ, со стр. 179 онъ начинаетъ, не бросая Христіанскаго Чтенія, пользоваться по временамъ и переводомъ Оеофана (Доброт. М. 1890, V с. 221). Иногда первая часть періода берется у него изъ Добротолюбія, вторая изъ Христіанскаго Чтенія. Всего приводитъ нѣтъ возможности. Для образчика приведу слѣдующее (стр. 179).

Сырку, стр. 179.

Христіанское Чтеніе,
стр. 166. (§ 109).

Добр., стр. 221.

„Не всѣ могутъ ощущать мученіе совѣсти здѣсь или въ будущемъ. Она, какъ страшный мучитель, различными способами мучитъ виновныхъ и, кажется, какъ бы непрестанно держитъ мечъ ревности и обличенія обнаженнымъ. По троякому дарованному совѣсти дѣйствию на враговъ, на природу тѣла и на душу, она называется еще ревностію; иные называютъ ее также естественною раздражительностію, которую, по ихъ мнѣнію, мы должны, какъ крѣпкій мечъ изощрять противъ враговъ. Кто же противится грѣху и плоти, того она утѣшаетъ; а кто подчиняется имъ, тѣхъ мученіе ея преслѣдуетъ, пока не покаются; а если

Настоящее или будущее не всѣ ощущать могутъ; но только для тѣхъ сіе бываетъ особенно возможно, которые здѣсь и тамъ лишены славы и любви. Какъ страшный мучитель, она различными образами мучитъ виновныхъ, и кажется какъ бы непрестанно обнажаетъ острый мечъ жестокой ревности или обличенія. По троякому дарованному совѣсти дѣйствию на враговъ, на природу тѣла и на душу, она называется также ревностію, и отъ другихъ естественною раздражительностію, которую велютъ намъ какъ крѣпкій мечъ изощрять противъ враговъ. И еслили, побѣдивши, она покоритъ двухъ одному, то дѣлю муже-

Вкусить мученіе сощастъ здѣсь или въ будущемъ не всѣхъ удѣлъ, а однихъ тѣхъ, кои погрѣшаютъ противъ вѣры и любви. Она, держа мечъ ревности и обличенія обнаженнымъ, безъ жалости мучитъ повинныхъ. Кто противится грѣху и плоти, того она утѣшаетъ; а кто подчиняется имъ, тѣхъ мученія ея преслѣдуютъ, пока не покаются. И если не покаются, мученіе переходитъ съ нами въ другую жизнь и тамъ продлится во вѣки. (перифразъ, сокращенно¹⁾).

¹⁾ Слова Оеофана.

не поважаются, то мученіе ства ея будетъ тогда переходить съ ними въ стремленіе къ Богу. Есть-другую жизнь, и тамъ ли же сама душа поко-продлится на вѣки, ибо рится и проч. она по своей волѣ под-верглась рабству враговъ. Здѣсь же она чрезъ по-стыдныя дѣла, потерявши добродѣтельное состоя-ніе, уклоняется и отпа-даетъ отъ Бога“.

Такъ поступаетъ г. Сырку и во многихъ другихъ случаяхъ. какъ бы осуществляя мечты Агафін Тихоновны: „Если бы губы Ни-канора Ивановича да приставить къ носу Ивана Кузьмича, да взять сколько-нибудь развязности, какая у Балтазара Балтазаровича, да пожалуй прибавить къ тому еще дородности Ивана Павловича“⁴. Правда, у г. Сырку выборъ былъ ограниченіе между Христіанскимъ Чте-ніемъ, Добротолюбіемъ и только; но все-таки и здѣсь онъ много по-тратилъ труда и времени: сужу по тому, что у меня цѣлые три дня были заняты сличеніями съ карандашемъ въ рукахъ и съ отмітками на поляхъ его книги и съ подчеркиваніемъ всѣхъ строкъ, буквально сходныхъ съ подлинниками или со внесеніемъ въ скобки собствен-ныхъ словъ г. Сырку (см. *поелику*—такъ какъ, см. *дабы*—чтобы, см. *далше*—затѣмъ, см. *сей* и *оний*—тотъ или тотъ и пр.). Я думалъ прежде, что г. Сырку заплатилъ 3 р. за Добротолюбіе, вырвалъ пе-реводъ Теофана съ разными своими отмітками и сдалъ въ типографію для набора, но нѣтъ, всѣ эти длинныя выписки были несомнѣнно сдѣланы имъ собственноручно. И тутъ пельзя не подивиться упорному трудолюбію и истинно воловью терпѣнію нашего автора. Мало того онъ при этомъ имѣлъ передъ собой *Migne t. 150* (сочин. Григ. Син.) и время отъ времени выписывалъ иногда цѣлыя строки греческаго текста въ примѣчанія (стр. 178, 181, 182, 186, 195—196, 213, 231, 234), иногда же отдѣльныя слова и фразы вставляя въ скобкахъ, въ текстѣ своихъ выписокъ (стр. 169, 171, 174, 175 177. 178, 180—190, 193—196, 200—202, 204—206, 209—219 222—224).

Почему въ однихъ случаяхъ онъ приводитъ въ скобкахъ то или дру-гое греческое слово, почему во многихъ другихъ случаяхъ ничего изъ греческаго текста не вставляетъ—для меня неясно. Думается впрочемъ, что этими ссылками въ подстрочныхъ примѣчаніяхъ и въ текстѣ вы-писокъ изъ чужихъ переводовъ или въ своей перефразировкѣ или

переводъ славянскаго перевода (Доброт.) на русскій языкъ г. Сырку самъ убѣждалъ себя, что онъ много и не даромъ потрудился надъ изложеніемъ „подробнаго обзора ученія Синаита“ (стр. 235).

Замѣчу, что сочиненіе Григорія Синаита въ наиболѣе использованномъ г. Сырку переводѣ Христіанскаго Чтенія (и отчасти Теофана въ Доброт.) имѣетъ большое сходство по содержанію и по формѣ съ извѣстными Мыслями Паскаля, съ тою только разницею, что при своей фрагментарности мысли Григорія Синаита дошли до насъ или въ редакціи самого автора или близкаго къ нему челоувѣка. Въ ней соблюдена извѣстная послѣдовательность и система. Мысли же Паскаля не получили послѣдней авторской обработки, не были имъ соединены и расположены въ извѣстномъ порядкѣ. Г. Сырку въ своемъ изложеніи *системы ученія Григорія Синаита* (стр. 234) поступилъ съ мыслями Григорія Синаита, какъ несчастный случай обошелся съ Мыслями Паскаля. Онъ перемѣшалъ ихъ, Богъ вѣдаетъ, въ какихъ цѣляхъ, и излагаетъ систему Григорія Синаита такимъ страннымъ способомъ: онъ начинаетъ съ главы 30-й и затѣмъ переходитъ къ главѣ 29-й, начиная ее собственными своими словами: *слѣдовательно* и т. д. (стр. 168), тогда какъ у Григорія Синаита изъ 29-ой главы слѣдуетъ то, что раскрывается въ 30-й, а никакъ не наоборотъ. Послѣ главы 83-й г. Сырку приводитъ главу 8-ю, начиная ее опять собственными изреченіями: „Что же касается челоувѣка, то онъ, какъ *нетлѣнный*“ (и затѣмъ буквальная выписка изъ Христіанскаго Чтенія). Послѣ главы 19-й идетъ у Сырку глава 98; окончивъ ее, г. Сырку начинаетъ главу 97-ю словами: „Въ слѣдствіе этого“ и т. д.

Между выписками нашъ авторъ бросаетъ нѣсколько мыслей по части философіи. „Само собою разумѣется, что вся эта система (Гр. Син.) не представляетъ ничего новаго; несомнѣнно она вся основана на писаніяхъ отцовъ церкви и аскетическихъ твореніяхъ отшельниковъ, а съ *методической стороны построена на началахъ философіи Платона, хотя мы находимъ въ ученіи Григорія и элементы другихъ философскихъ системъ, какъ, напримѣръ, дебелость и влажность челоувѣческаго тѣла, заимствованныя у философа Thalasa*¹⁾ или *познанія (sic) невидимаго чрезъ видимое, взятое (sic) у Аристотеля. Все это только показываетъ, что Григорій не былъ профаномъ въ совре-*

¹⁾ „Thalassē Miletiskī, odinъ изъ семи мудрецовъ древности, въ основу всякой сотворенной вещи ставилъ воду (ὕδωρ) или влагу (ὕγρασις). Decker, De Thalate Milesio. Halae. 1865, стр. 63—73 (прим. г. Сырку).

меннѣе ему научить, а обладалъ большими познаніями во всѣхъ отрасляхъ тогдашней науки. Тѣмъ не менѣе, Синаитъ представляется до нѣкоторой степени, и оригинальнымъ по крайней мѣрѣ, въ своихъ приѣмахъ излагать свою систему. (Но оригиналенъ и г. Сырку въ изложеніи системы Григ. Синаита). Въ этомъ отношеніи Григорій, при глубокомъ пониманіи вещей, однако (подлинно: однако) не отличается глубиной мысли и анализа (этого бы я никогда не сказалъ про г. Сырку); онъ старается дать именно понятіе (курс. у автора) о предметѣ и по столько его изображаетъ, рѣдко входя въ какія-либо подробности; по этому мы у него не найдемъ ни изображенія изливовъ сердца, ни подробнаго анализа природы грѣха или чего подобнаго" (стр. 190—191). Впрочемъ дальше на стр. 217 мы уже читаемъ: „По глубокому психологическому анализу чувствъ человѣка, анализу, такъ рельефно выступающему въ трактатѣ Григорія Синаита „Наставленіе безмолвствующимъ"... Далѣе на стр. 215: *Не меньше психологическаго анализа* видно и въ главѣ... (у Григ. же Син.).

Въ заключеніе своего „подробнаго обзора ученія“ Григорія Синаита нашъ авторъ счелъ долгомъ высказать вообще свой взглядъ на восточную и западную философію въ средніе вѣка. Слышавъ звонъ..., г. Сырку въ одной усматриваетъ вліяніе Платона, въ другой Аристотеля. Затѣмъ онъ обращается къ Паламѣ, какъ бы главному представителю восточнаго просвѣщенія, хотя съ нимъ Григорій Синаитъ имѣлъ мало общаго и, при началѣ споровъ о Фаворскомъ свѣтѣ, видѣнномъ Паламою и его приверженцами, онъ поспѣшилъ удалиться съ Аеопа и поселился въ Парорин. Строго осуждая метафизику Аристотеля (с. 236), г. Сырку даетъ ему слѣдующее наставленіе: „достоверность истины, выраженной силлогизмомъ, основывается не только на правильномъ построеніи силлогизма, но и на прочпости большей посылки: можно составлять безукоризненно правильные силлогизмы, которые будутъ однако ложны до неистинности, напримѣръ, всѣ люди бѣлы, негры — люди, слѣдовательно негры бѣлы. Несомнѣнно о Фаворскомъ свѣтѣ они (бѣлые негры или бѣлые люди?) разсуждали такъ: *всѣ видимые предметы сотворены, Фаворскій свѣтъ былъ видѣнъ, слѣдовательно Фаворскій свѣтъ сотворенъ. Однимъ словомъ, чѣмъ болѣе Аристотель* (какъ будто выходитъ, что и великій Стагиритъ разсуждалъ о Фаворскомъ свѣтѣ) *приближается къ систематической точности, тѣмъ болѣе онъ удаляется отъ здраваго начала изслѣдованія, и т. д. О, Господи кто могъ ожидать, что нашъ г. Сырку обличить и посрамить даже*

Аристотеля! А мы еще въ простотѣ нашей удивлялись, какъ нашъ авторъ разбиваетъ въ пухъ и прахъ кардин. Ман и Стасова.

Не мудрено такимъ образомъ, что ученикъ такого ограниченнаго учителя былъ ниже І. Александра Болгарскаго, такъ расхваливаемаго поклонникомъ Паламы, Каллистомъ, издавшимъ Фаворскій свѣтъ и вѣроятно знавшимъ, что І. Александръ его тоже видалъ, но рассуждалъ о немъ не по Аристотелевски. Въ заключеніе, столь богатый идеями, г. Сырку представляетъ такую прелестную параллель между Платономъ и Аристотелемъ: „Платонъ является идеалистомъ, а Аристотель материалистомъ. Несомнѣнно поэтому, что Платонъ, какъ писатель, на востокѣ ставился несравненно выше Аристотеля; не смотря на свою замысловатость, онъ все-таки читается легче послѣдняго. Платонъ навсегда останется большимъ историческимъ лицомъ, чѣмъ Аристотель“ (стр. 237—238).

XXV.

Въ заключеніе еще нѣсколько частныхъ замѣчаній. Въ введеніи (см. оглавленіе) отвѣдено мѣсто обзору источниковъ: похвалѣ Евемію Гр. Цамблака (стр. XII—XVI), его же надгробному слову Кипріану (XVI—XVIII), житію и жизни преп. Варвара (XVIII—XXXII).

Въ этомъ житіи, какъ сознаетъ и г. Сырку, нѣтъ рѣшительно ничего историческаго, и оно имѣетъ отношеніе къ Болгаріи, развѣ потому, что муромъ отъ головы этого неизвѣстнаго Варвара болгарское духовенство пользовалось для таинства и обряда муропомазанія.

Относительно же нѣкоторыхъ другихъ источниковъ (житія Григорія Синаита, Ромила, Θεодосія Терновскаго) авторъ нашъ умалчиваетъ, отсылая читателя къ издаваемымъ имъ славянскимъ житіямъ первыхъ двухъ, гдѣ онъ говоритъ и о житіи пр. Θεодосія. Этому разбору было настоящее мѣсто въ Введеніи. Но судя по тому, какъ мало критически пользуется г. Сырку этими житіями въ своемъ изложеніи жизни Григорія Синаита, Григорія Паламы, Θεодосія и друг., умѣлаго ихъ разбора ожидать нельзя.

Авторъ нашъ правъ, не смѣшивая исихастовъ съ богомилами и другими еретиками, но онъ ошибается, мѣшая въ одну группу Григорія Синаита и его немногихъ послѣдователей съ Григоріемъ Паламой и его приверженцами. Ни по способностямъ, ни по направленію, ни по образованію Палама не можетъ стоять рядомъ съ Синаитомъ.

Самодовольство и тщеславіе Паламы вполне выразились въ слѣ-

дующихъ его словахъ: „Если Варлаамъ хочетъ узнать истину (о видѣніи монахами Фаворскаго свѣта), то долженъ обрѣцаться не къ любому монаху, а къ мужу, котораго Богъ удостоилъ своей благодати“ (очевидно, разумѣлъ себя). Его направленіе сказалося въ полемикѣ съ Ник. Григорой: „Государь, по принужденію, подписалъ соборный томъ, противный правой вѣрѣ? такъ говоришь ты, пустыньскій мудрецъ, Григор! Государь, которому отъ матерней утробы врождено благочестіе благодатию царя Христа, и на которомъ положена печать его самодержавія“? „Государь, который, еще не достигши совершеннолѣтія, самъ по себѣ не могъ благосклонно смотрѣть на Варлаама“? и т. д. Правда Палама и его приверженцы были одно время преслѣдуемы, но, торжествуя, они съ страстною неумѣренностью и несправедливостью преслѣдовали своихъ противниковъ. Просвѣщенный Синаитъ бѣжалъ съ Аеона при началѣ этихъ споровъ Паламитовъ и Варлаамитовъ. Между нимъ и Паламою то же различіе, что сказалося потомъ у насъ между Ниломъ Сорскимъ и Іосифомъ Волоколамскимъ.

Г. Сырку тоже мало распространяется о двухъ въ Болгаріи партіяхъ—греческой и національной. Къ первой онъ относитъ Θεодосія Терновскаго, Романа, Кипріяна Цамблака, Евемія. Вслѣдствіе происковъ національной партіи „они оставляютъ Болгарію, удаляются въ Константинополь“ (тезисъ 22). Они были *объявлены измѣнниками отечеству* (стр. 353). „Нужно полагать, что спустя нѣкоторое время послѣ полученія въ Терновѣ посланія Цареградскаго патріарха Каллиста въ слѣдствіе донесенія Θεодосія и Романа о неурядкахъ въ болгарской церкви, эти представители греческой партіи принуждены были удалиться изъ Болгаріи, даже самъ І. Александръ не могъ защитить ихъ отъ сильныхъ нападковъ національной партіи“. Все это одно предположеніе г. Сырку. Оно не подтверждается ни источниками, ни обстоятельствами времени. Каллистъ (въ Житіи) прямо говоритъ, что царь не желалъ отъѣзда Θεодосія. Патріаршее посланіе было послано и получено въ 1355, а въ 1360 г. Θεодосій былъ главнымъ дѣятелемъ Собора, осудившаго евреевъ, и уѣхалъ въ Цареградъ уже въ 1362 г. Съ 1355 г. по 1362 г. прошло шесть слишкомъ лѣтъ: или національная партія преслѣдовала Θεодосія за осужденіе евреевъ? Въ тезисѣ 24 самъ авторъ утверждаетъ: „въ Болгаріи не было жидовствующихъ“.

О лѣтописяхъ болгарскихъ авторъ не сказалъ ничего новаго. Утвержденіе о древней болгарской лѣтописи на основаніи посланія І. Асѣня къ Иннокентію III давно опровергнуто Голубинскимъ (Ист.

церкви), а лѣтописныя замѣтки въ хронографѣ всѣ взяты изъ Византійскихъ лѣтописей ничего важнаго противъ нихъ не заключаютъ, извлечены болгаринѣмъ, въ позднее время, намѣченная же Григоровичемъ и отысканная Богданомъ лѣтопись болгарская относится уже ко второй половинѣ XIV вѣка.

Замѣчанія объ успеніи Константина Философа очень легковѣсны и ни для кого не убѣдительны. То же самое надо сказать и о предположеніи г. Сырку относительно *Vita Iustiniani*. И по формѣ и по содержанію она обличаетъ автора съ извѣстнымъ гуманистическимъ образованіемъ и хорвата родомъ.

Къ лучшимъ частямъ книги г. Сырку принадлежатъ сверхъ указаннаго уже огромнаго подстрочнаго примѣчанія о болгарскихъ монастыряхъ, подстрочное же примѣчаніе объ еврейскихъ общинахъ въ древней и старой Болгаріи (по свѣдѣніямъ, сообщеннымъ г. Гаркави), всѣ страницы, посвященныя толкованію грамоты Каллиста (стр. 278—364), обзоръ болгарской литературы и послѣдняя глава объ Евеміи и о завоеваніи Болгаріи турками.

За этотъ трудъ г. Сырку я считалъ возможнымъ (въ маѣ 1899 г.) присудить ему докторскую степень, принявъ притомъ во вниманіе всѣ его прежнія работы и его большое трудолюбіе.

Доктора докторамъ рознь и звѣзда звѣздѣ разнствуетъ во славѣ. Университетскій уставъ требуетъ отъ профессора степени доктора, но докторство съ званіемъ и должностію профессора не всегда связано. Можно присуждать докторскія степени такимъ лицамъ, какія по разнымъ причинамъ не могутъ быть профессорами: одни по причинамъ физическимъ, напримѣръ, ученый глухонѣмой, по положенію и занятіямъ ихъ: отличный бібліотекаръ и бібліографъ въ родѣ какого-нибудь Поттгаста можетъ быть смѣло избранъ докторомъ историко-филологическаго факультета за свою Историческую Библіографію, или ученый иностранецъ или ученый министръ родной страны. Такъ нашъ историко-филологическій факультетъ избралъ въ почетные доктора тогдашняго военнаго министра Д. А. Милютина за его превосходный историческій трудъ объ италіанской кампаніи Суворова,—но никто изъ насъ, членовъ факультета и совѣта, избравшихъ его въ доктора, никогда не думалъ и не надѣялся, что онъ будетъ у насъ профессоромъ. Точно также, хотя и по другимъ причинамъ, подавалъ я голосъ за признаніе докторомъ г. Сырку, но не думалъ и не надѣялся видѣть его профессоромъ. Послѣ дальнѣйшаго слишкомъ четырехъ мѣсячнаго вни-

зательнаго изученія его докторской диссертации и рѣшился написать и напечатать мой разборъ ея. *Feci quod potui, ne faciant deteriora potentes.*

В. Ламашевскій.

Книжныя новости.

И. Бриллиантовъ. Терапонтовъ Бѣлозерскій нынѣ упраздненный монастырь, мѣсто заточенія патріарха Никона. Къ 500-лѣтію со времени его основанія (1398—1898). Съ приложеніемъ очерка „Патріархъ Никонъ въ заточеніи на Бѣлѣозерѣ“. С.-Пб. 1899 г. — Воспользовавшись наступившимъ въ прошломъ году 500-лѣтіемъ со времени учрежденія Терапонтова-Бѣлозерскаго монастыря, г. *И. Бриллиантовъ*, на основаніи изученія печатной литературы, нѣкоторыхъ архивныхъ данныхъ и личныхъ наблюденій составилъ два довольно цѣнныхъ и по содержанію и по изложенію выше названныхъ очерка, иллюстрировавъ ихъ 32 рисунками, и этимъ какъ бы спасъ отъ совершеннаго забвенія извѣстную нѣкогда по своей просвѣтительной дѣятельности обитель, интересующую любителей старины, какъ мѣсто заключенія патріарха Никона.

Находясь въ 15-ти верстахъ отъ знаменитой „Лавры“ преподобнаго Кирилла, Терапонтовъ Богородице-Рождественскій Мартиніановъ монастырь былъ основанъ въ 1398 г. сподвижникомъ и спутникомъ преподобнаго Кирилла и устроенъ потомъ преподобнымъ Мартиніаномъ, ближайшимъ ученикомъ Кирилловымъ. „Ровно сто лѣтъ прошло съ тѣхъ поръ“, говорятъ авторъ, „какъ этотъ небольшой монастырь закрытъ и обращенъ въ приходскую церковь, но онъ и теперь привлекаетъ къ себѣ богомольцевъ почивающими въ немъ мощами его основателя преподобнаго Мартиніана“. Разсказавъ довольно подробно біографіи и дѣятельность первыхъ основателей монастыря, г. Бриллиантовъ не менѣе подробно останавливается и на временахъ процвѣтанія обители и постепеннаго ея паденія въ XV, XVI и XVII вѣкахъ. Лучшимъ временемъ для обители какъ въ матеріальномъ, такъ и въ духовномъ отношеніяхъ, была эпоха преподобнаго Мартиніана и ближайшее къ нему время до половины XVI вѣка, когда жили въ монастырѣ: старецъ Варлаамъ „добронимецъ“, митрополитъ кievскій Спиридонъ, авторъ „Изложенія о православной истинной нашей вѣрѣ“ и „житій преподобныхъ Зосимы и Савватія“, инокъ Пансій, написавшій „Сказаніе о сочетаніи втораго брака кн. Василия Ивановича“, и др. Въ XVIII вѣкѣ жилъ въ Терапонтовѣ монастырѣ въ заточеніи ростовскій митрополитъ Арсеній Маціевичъ. Очеркъ „Патріархъ Никонъ въ заточеніи на Бѣлѣозерѣ“, состоящій изъ 6-ти главъ, хотя и не даетъ ничего новаго, но прочтется многими съ удовольствіемъ, въ виду его интереснаго изложенія и весьма сочувственнаго отношенія автора къ опальному іерарху. Въ „приложеніяхъ“ къ книгѣ помѣщены „списки настоятелей Терапонтова монастыря“ и „планъ“ его съ картою окрестностей. Первоначально очерки г. Бриллиантова печатались въ журналѣ „Странникъ“ за 1898 и 1899 года.